

ISSN 1993–4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЯЗЫК И КОММУНИКАЦИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

6 (745)
2016

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Moscow State Linguistic University”

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 6 (745)
LINGUISTICS

LANGUAGE AND COMMUNICATION

Moscow
FSFEI HE MSLU
2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК

Московского государственного лингвистического университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 6 (745)
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЯЗЫК И КОММУНИКАЦИЯ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор серии «Языкознание»
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

А. А. Гаджиев, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	Д. С. Маркес, Ph. D., проф. (Испания)
Н. П. Баранова, канд. пед. наук, доц. (Беларусь)	Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
З. К. Бурнацева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)	Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	Ю. Е. Прохоров, д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. (Россия)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)	О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ершов, Ph. D., проф. (Германия)	М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	Т. Л. Музычук, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ ЕАПИ)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Н. Тарасова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Х. Ли-Янке, проф. (Швейцария)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Д. Ченки, Ph. D., проф. (Нидерланды)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)	Н. А. Шулепов, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)
Ф. Г. Лодейро, Ph. D., проф. (Испания)	М. Форстнер, Ph. D., проф. (Германия)
Лю Лиминь, Ph. D., проф. (КНР)	

Редакционная коллегия выпуска 6 (745):

д-р филол. наук, проф. Л. А. Ноздрина (*ответственный редактор*);
д-р филол. наук, проф. Т. А. Амирова;
канд. филол. наук, доц. Г. В. Смирнова
канд. филол. наук, доц. Е. Ф. Косиченко (*ответственный секретарь*)

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. Эл № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аллахвердиева Г. З.</i> «Свадебная» концептосфера в азербайджанском языке	9
<i>Анищенко А. В.</i> Лингвокультурная специфика концепта «ZORN» / «ГНЕВ» в австрийском варианте немецкого языка	15
<i>Болдырева А. Н.</i> Значения и употребление некоторых глаголов движения с приставками в русском языке	25
<i>Братчикова Н. С.</i> Состояние и развитие финского языка во второй половине XVII века	33
<i>Гусейнова И. А.</i> Средства воссоздания исторического колорита в современных отечественных ретродетektивах	45
<i>Глушак В. М., Мороз Н. Ю.</i> Сценарий речевого поведения в условиях сближения коммуникантов (на материале реалити-шоу)	53
<i>Денисова В. А.</i> О взаимосвязи понятий аспектуальности и событийности в лингвистических исследованиях	61
<i>Косиченко Е. Ф.</i> Личное имя как средство объективизации языкового опыта человека в художественном тексте	73
<i>Любимова Н. В.</i> Альпийский дискурс в поэтической коммуникации и в политике	81
<i>Мукашева Р. М.</i> Концепты «фемининность» и «маскулинность» в языках различных типов	94
<i>Ноздрин Л. А.</i> О семиотическом анализе текста Э. Штриттматтера «Лебеди»	109
<i>Панарина Н. С.</i> Динамика значений прецедентных единиц: психолингвистический аспект	118

<i>Семина И. А.</i> Общая специфика семантики широкозначных антропонимов современного французского языка	129
<i>Слугина Э. И.</i> Частотные способы пополнения жаргона наркозависимых (на материале английского языка)	140
<i>Соколова В. Л.</i> Лингвокультурные основания для употребления аппроксимации в англоязычном дискурсе	149
<i>Солопенко А. В.</i> Семантика гендерных ролей в лексике рекламных слоганов косметических средств	154
<i>Страхова В. С.</i> Маркеры эвиденциальности в языке СМИ	165
<i>Ускова Т. В.</i> Особенность использования архаизмов в современном английском юридическом языке	175
<i>Шевченко С. Н.</i> Особенности семантического расширения лексем в русском и английском языках (на материале лексико-тематической группы «Полезные ископаемые» и ее производных)	182
<i>Эзех О.</i> Коммуникативное смягчение как фактор оптимизации речевого общения	191
<i>Хлопова А. И.</i> Экспериментальное исследование содержания лексического значения слова «работник»	200

CONTENTS

<i>Allahverdiyeva G. Z.</i> Domain of Concept «Wedding» in Azerbaijani	9
<i>Anishchenko A. V.</i> Linguo-Cultural Features of the Concept 'Anger' in Austrian German	15
<i>Boldyreva A. N.</i> Meanings and Usage of Some Groups of Verbs of Motion With Prefixes in Russian	25
<i>Bratchikova N. S.</i> The Status and Development of the Finnish Language in the Second Half of the XVII Century	33
<i>Guseynova I. A.</i> Means of Restoring Historical Authenticity in Contemporary Russian Retro Crime Stories	45
<i>Glushak V. M., Moroz N. J.</i> Scenarios of Speech Behavior Aimed at the Rapprochement of the Communicants (a study of a reality show)	53
<i>Denisova V. A.</i> Review of the Interrelation Between Aspectuality and Events in Linguistic Studies	61
<i>Kosichenko E. F.</i> Personal Names as Means of Manifesting Language Experience in Fiction	73
<i>Lyubimova N. V.</i> The Alps from the Poetic and Political Perspective	81
<i>Mukasheva R. M.</i> The Concepts «Femininity» and «Masculinity» in Languages of Different Types	94
<i>Nozdrina L. A.</i> A Semiotic Analysis of "Die Schwäne I" by E. Strittmatter.....	109
<i>Panarina N. S.</i> Dynamics of Precedent Units Meanings: Psycholinguistic Aspect	118

<i>Syomina I. A.</i>	
General Semantic Traits of Wide-Meaning Anthroponimics in Modern French	129
<i>Slugina E. I.</i>	
Frequent Sources of New Units in Drug-Related Jargon (based on english fiction prose)	140
<i>Sokolova V. L.</i>	
Linguocultural Roots of Approximation in English Discourse	149
<i>Solopenko A. V.</i>	
The Semantics of Gender Roles as Reflected in Slogans for Fragrance and Cosmetics	154
<i>Strakhova V. S.</i>	
Evidential Markers in the Language of Mass Media	165
<i>Uskova T. V.</i>	
Special Features of Archaic Words in Modern Legal English	175
<i>Shevchenko S. N.</i>	
Semantic Extension of Words in Russian and English (an analysis of the thematic group «Natural Resources» and their Derivatives)	182
<i>Ezeh A. O.</i>	
Communicative Mitigation as a Factor of Speech Optimization	191
<i>Khlopova A. I.</i>	
Experimental Analysis of the Lexical Meaning of the Unit Workman	200

УДК 81373

Г. З. Аллахвердиева

докторант кафедры «Общее и русское языкознание» Бакинского славянского университета; e-mail: babayeva2009@hotmail.com

«СВАДЕБНАЯ» КОНЦЕПТОСФЕРА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена базовым понятиям, связанным с бракосочетанием, и их вербализации в азербайджанском языке. Раскрываются различия между словами, входящими как синонимы в единую парадигму, но обнаруживающими различное концептуальное содержание. Прослеживается эволюция значения от образной основы к актуальному значению. Проведенный анализ убеждает в неслучайности вербализации с точки зрения этнокультурных представлений.

Ключевые слова: свадьба; русский язык; азербайджанский язык; вербализация; этнический опыт; концепт; концептосфера.

Allahverdiyeva G. Z.

Postgraduate student at the Department "Russian and general Linguistics", the Slavic University of Baku; e-mail: babayeva2009@hotmail.com

DOMAIN OF CONCEPT "WEDDING" IN AZERBAIJANI

The article deals with the basic concepts related to marriage, and their verbalization in the Azerbaijani language. The author reveals the differences between the words that are synonymous and belong to the same paradigm, but still have different conceptual content. Evolution of the meaning from its figurative base to actual meaning is traced. The analysis proves the non-randomness of verbalization in terms of ethnic and cultural performances.

Key words: wedding; Russian language; Azerbaijani language; verbalization; ethnic experience; concept; domain of concepts.

Как известно, современное мировое языкознание ориентировано на выявление следов национального миропонимания и истории культуры в языке. Считается, что мир отражается в естественном языке, но не непосредственно, а преломляясь сквозь призму национальной психики и мышления. В связи с этим особую актуальность приобретает такое понятие, как «картина мира», или «языковая картина мира». Существенно также, что иной картины мира, так называемой объективной и не зависящей от сознания (в данном случае сознания коллективного), просто не существует. Следовательно, изучая

эквивалентные явления в различных языках, мы можем надеяться на обнаружение национально-специфических моделей осмысления внешнего мира.

В жизни человечества одно из важнейших мест занимает бракосочетание. Это культурное событие само по себе и связанные с ним ритуалы в исторической памяти народов освящены религиозной традицией. Люди свято верят в предзнаменования, приметы и предсказания, сопровождающие бракосочетание. Брак связывают с судьбой, верующие люди верят, что он заключается на небесах. Исторически различные формы брака и семьи озаменовали собой значительные этапы в экономическом и духовном развитии человечества. Совокупность жизненных фактов, составляющих фактологическое поле бракосочетания, отражается в коллективном сознании народа в виде системы взаимосвязанных понятий. Ономазиологическое изучение этого культурного явления показывает, что сама система кодируется в естественном языке. Если идти от системы понятий к языковым средствам, то можно обнаружить совокупность знаков, покрывающих данное понятийное пространство. Это прежде всего слова, членившие это жизненное и понятийное пространство, фразеологические единицы, выражающие экспрессивное отношение к соответствующим фактам, пословицы, вербализующие этнический опыт в этой области.

За каждым из слов, вербализующих концептосферу «свадьба», стоит определенный концепт. Поскольку считается, что концепты являются ментальными категориями, то в языке они лишь вербализуются, т. е. выражаются в значении лексических единиц. Именно поэтому, являясь ментальными категориями, языковые единицы не в состоянии передать содержание концептов полностью. По известному выражению Ю. С. Степанова, в концептах всегда есть некоторый духовный остаток, который ощущается, но не выражается в языке. Видимо, такого рода духовные остатки объединяют народ на духовном уровне. З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают, что содержание понятия «концепт» «существенно варьирует в концепциях разных научных школ и отдельных ученых» [3, с. 29]. Именно тот факт, что «концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая», дает простор для ее толкования [там же, с. 29–30]. В «Полном словаре лингвистических терминов» Т. В. Матвеевой дается следующее определение концепта: «Факт образа жизни, общественного сознания, теории, выраженный в языковой форме; единица человеческого знания о мире,

стоящая за семантикой языкового знака. Главный элемент картины мира» [2, с. 161]. Это определение, в принципе, может считаться приемлемым, хотя и требует, на наш взгляд, некоторых уточнений. Например, можно подумать, что «единица человеческого знания о мире» носит универсальный характер. Если это объективное знание, то оно должно быть одинаковым у всех народов. Однако анализ вопроса говорит о том, что соответствующее знание о мире приобретает в коллективном сознании народа именно историко-культурные черты, что и делает его концептом, т. е. частью духовного содержания народа.

Бракосочетание, или брак, в азербайджанском языке обозначается словом *nigah*. Сегодня это основное слово, использующееся как в официальной речи работников ЗАГСа при бракосочетании, так и в печати. Синонимичное ему слово *kəbin* ассоциируется с церковным браком, поскольку и в старину, и сейчас – это обряд, совершаемый мусульманским священником, составляющим брачный договор на основе принципов шариата, т. е. исламского законодательства. Третье слово из этого ряда, приводимое в Русско-азербайджанском словаре, это *evlənmə* [1; 4]. Хотя, на наш взгляд, оно означает буквально «женитьба». Если различие между понятиями «бракосочетание» и «женитьба» существенно, то *evlənmə* не является синонимом слов *nigah* и *kəbin*. Интересно сравнить азербайджанское *evlənmə* с русским *женитьба*. В основе азербайджанской лексемы *evlənmə* корень *ev* (дом). Этимологическое значение определяет его концептуальное содержание, т. е. для азербайджанцев жениться чаще всего означает «обзавестись собственным домом, своим хозяйством», не менее важно «стать независимым, не быть у кого бы то ни было на иждивении». Прежде всего, значительно раньше самого бракосочетания, решивший жениться мужчина прилагает все усилия к тому, чтобы приобрести собственный дом, в котором он будет жить со своей женой. До сих пор огромное множество молодых людей не женятся по той причине, что у них нет своего дома. Сегодня, когда цены на жилье стали фантастически высокими, это стало настоящей социальной проблемой. Разумеется, корень всех зол вовсе не в том, что внутренняя форма азербайджанского слова *evlənmə* связана с концептом «дом». Суть в том, что его образная основа отражает этноментальные стереотипы, которые сегодня столь же актуальны, как и тысячи лет тому назад. Немаловажным фактором является и то, что *evlənmə* представляет собой исконно тюркское слово, относящее к древнему пласту основного

лексического фонда. Очень простое по своей структуре, незамысловатое, образованное по модели «предмет + закономерное действие».

Что касается слова *nigah*, вокруг него складывается интересная ситуация. Как уже отмечалось, Русско-азербайджанский словарь приводит его как одно из соответствий русского слова *брак*, наряду со словами *kəbin* и *evlənmə*. При этом Азербайджанско-русский словарь его не фиксирует. Нет его и в Толковом словаре азербайджанского языка. В обоих словарях слово *nigah* отмечается, но в значении «взгляд». Это персидское слово, или его значение, скорее всего составляет образную основу лексемы *nigah* в значении «бракосочетание». Внутренняя форма актуализирует представления о браке как о «взгляде на кого-то», «внимании», «выделении», «предпочтении» и т. д. В Азербайджанско-русском словаре приводится устойчивое словосочетание *nigah etmək (qılmaq)* в значении «бросать взгляд». То же в Толковом словаре азербайджанского языка. Здесь в качестве иллюстрации приводятся фрагменты из классической поэзии. В частности, *həsrətli nigah*, что означает «тоскливый взгляд». Таким образом, в азербайджанском языке употребительны все три слова, представленные в Русско-азербайджанском словаре как эквиваленты русской лексемы брак. Однако при этом они достаточно четко распределены по сферам употребления. Слово *nigah*, несмотря на его отсутствие в Толковом словаре азербайджанского языка, а также в большом Азербайджанско-русском словаре М. Т. Тагиева, в современном азербайджанском языке является единственным термином, используемым работниками загса при торжественном совершении акта бракосочетания. Это дает основание считать его стилистически высоким. *Evlənmə* является обычным общеупотребительным словом, отлагольным существительным, производным от лексемы *evlənmək*. Последнее вообще не имеет «конкурентов» в современном азербайджанском языке и остается единственным для обозначения соответствующего действия. Что касается слова *kəbin*, то оно также употребительно, но отличается четкой семантико-стилистической дифференциацией, будучи термином церковного боакосочетания и составления брачного договора. Фактически оно означает не столько женитьбу, сколько сам «брачный договор». См. также поговорку *kəbinim halal, canım azad, bukv.* ‘освобождаю от договора, или платы до договору и сама освобождаюсь’. По шариатскому закону, мужчина, берущий в жены женщину, должен дать за нее выкуп. Мало кто мог заплатить много денег,

но в брачном договоре сумма обозначалась. Сумма выплачивалась только в том случае, если мужчина разводился с женщиной. Многие не могли разводиться, потому что не были в состоянии выплатить эту сумму. Это приводило к тому, что мужчина жестоко обращался с женой, пока она не соглашалась уйти без денег, т. е. говорила «пусть эти деньги будут халал», т. е. я отказываюсь от них. Понятие «*halal*», которое чаще всего воспринимается как «дозволенное», в исламском менталитете обладает очень широким диапазоном значения и прежде всего значительным духовным содержанием. Под *halal* понимают «принятое у Аллаха», «за что Аллах не будет наказывать», «благословенное», «даренное от души», «прощенное от души» и т. д.

В азербайджанском языке достаточное количество лексических единиц относится к концептосфере «свадьба». Каждая из них вербализует самостоятельный концепт. За каждой стоит не только концепт, а ситуация. Концепт выполняет в данном случае ключевую для ситуации роль. Сама же ситуация отражает ритуал или обряд. До сих пор азербайджанская свадебная культура не утратила целый ряд ритуалов, сопровождающих молодых от знакомства до свадьбы и даже после нее. Все эти ритуалы носят системный характер, как и вся «свадебная история». Каждый из ритуалов имеет собственное название, за которым стоит не просто один концепт, а целая и целостная культурная ситуация. Возможно, правильнее было бы назвать такие ситуации фреймами, поскольку они включают в себя не только языковые средства, но и образы действий, представления о поведении, характерном для ритуала. Системное изучение «свадебной концептосферы» представляет собой одну из актуальных задач современной когнитивной лингвистики, поскольку непосредственно связано с историей культуры и мышления. Совершенно очевидно, что эти концепты и их содержание не утратили своей актуальности и по сей день.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азербайджанско-русский словарь: в 4 т. – Т. 1. – Баку : Элм, 1986. – 896 с. ; Т. 4. – Баку : Мутарджим, 2000. – 984 с.
2. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов-н/Дон : Феникс, 2010. – 562 с.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2010. – 312 с.

4. Русско-азербайджанский словарь: в 3 т. – Т. 1. – Баку : Maarif, 1982. – 607 с. ; Т. 3. – Баку : Гянджлик, 1983. – 555 с.
5. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. 1–4 cild. – Bakı : Şərq-Qərb, 2006.

УДК 81'367.628

А. В. Анищенко

кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка МГЛУ; декан факультета непрерывного образования; e-mail: allan031@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «ZORN» / «ГНЕВ» В АВСТРИЙСКОМ ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Автор статьи обращается к вопросам передачи культурных смыслов в австрийском варианте немецкого языка. На примере языковых реализаций концепта ZORN / ГНЕВ, характеризующегося значительной лингвокультурной плотностью, выявляются этнокультурные маркеры лексического уровня.

Ключевые слова: репрезентация эмоций; эмоциональный концепт; австрийский вариант немецкого языка; функционально-семантическое поле; лингвокультурная специфика; этнокультурный маркер.

Anishchenko A. V.

Ph. D., Professor at the Department of German Stylistics and Lexicology;
Dean at the Division of Continuing Education, MSLU; e-mail: allan031@yandex.ru

LINGUO-CULTURAL FEATURES OF THE CONCEPT 'ANGER' IN AUSTRIAN GERMAN

The article discusses different ways of verbalizing cultural implications in Austrian German. Linguistic representations of the concept 'Anger' are analyzed with a view to revealing lexical units, marked either ethnically or culturally. It is stressed that from a linguo-cultural perspective the concept in question shows a substantial degree of nominative density.

Key words: representation of emotions; emotional concept; Austrian German; functional-semantic field; linguo-cultural nature; ethnic and cultural marker.

В современном обществе тема языковой реализации эмоциональных проявлений, рассматриваемая в контексте формирования индивидуальной и коллективной идентичности, приобретает все большую актуальность. Выявление этнокультурных маркеров и изучение национально-культурного компонента в языке позволяет определить области наибольшей лингвокультурной плотности, тем самым, спрогнозировать, и, следовательно, предупредить коммуникативные трудности в ситуациях межкультурного общения.

Цель нашего исследования – выявление лингвокультурных особенностей языковых единиц, функционирующих в австрийском варианте немецкого языка и так или иначе связанных с эмоциями,

т. е. единиц, которые выражают эмоции или обозначают их. Эмоция в широком смысле понимается учеными как переживание человеком своего отношения к действительности, к фактам социальной и личной жизни. Многогранность данного феномена объясняет отсутствие единой теории эмоций. Но, несмотря на это, психологи говорят об универсальности эмоций и выделяют среди них несколько базовых (страх, радость, гнев, удивление, печаль, отвращение). Уникальность эмоций сравнительно с другими объектами номинации обнаруживается, прежде всего, в многообразии и богатстве языковых средств их выражения, которые включают соответствующую лексику, фразеологизированные синтаксические конструкции, особую интонацию, порядок слов [2].

Объектом нашего анализа выступают единицы австрийского варианта немецкого языка, вербализующие эмоцию гнева и составляющие соответствующее функционально-семантическое поле. В пределах данного поля, объединяющего слова разных частей речи, элементы могут группироваться с учетом функциональных и семантических признаков, образуя многообразные слои и сегменты. Это, прежде всего, *существительные* – обозначения эмоций (например: *Zorn, Wut, Rasch* и др.); *глаголы*, выражающие эмоциональное состояние (например: *sich ärgern, aufbringen* и др.); соответствующие *причастия, прилагательные и наречия* (например: *empört, böse, ärgerlich* и т. п.). Переходом от центральной части к периферии являются фразеологические единицы, типа *sich schwarz ärgern, zum Gufler werden* и др. Наиболее удаленная область периферии включает производные и производные междометия (*Ach!, Pfui!, Teufel!* и др.). Они отличаются от всех других единиц, входящих в данный слой поля, тем, что, прежде всего, это – единицы языка, исходный номинативный характер которых стерт. Часто трудно без привлечения контекста, коммуникативной ситуации соотнести данную единицу с репрезентируемым ею эмоциональным состоянием.

Анализ языковых средств, образующих функционально-семантическое поле «*zorn*»/«гнев», позволяет выявить многокомпонентную и многослойную организацию одноименного эмоционального концепта, который можно определить как «этнически, культурно обусловленное, структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо самого понятия

«образ», культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле слова) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [5, с. 60]. Эмоциональный концепт формируется на базе перцептивных образов реального мира и фиксирует признаки эмоционально насыщенных явлений.

Национально-культурная маркированность эмоционального концепта предопределяется такими социо-психокультурологическими факторами, как «традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, модели поведения и т. п., исторически сложившиеся на всем протяжении развития, становления этноса» [там же, с. 74]. Таким образом, в рамках исследования национально-культурной специфики эмоционального концепта наибольший интерес представляют национально-отмеченные метафорические и фразеологические образования, национально-культурная специфика которых выражается в особенностях их образности, связанной с историей, культурой, народными обычаями.

Эмоциональный концепт ZORN / ГНЕВ представлен в австрийском варианте немецкого языка наиболее широко, о чем свидетельствует не только присутствие обширного функционально-семантического поля, но и наличие национально-маркированных номинантов эмоции гнева, образующих центральную область соответствующего поля. Метафорическая внутренняя форма эмоционального концепта предстает как один из наиболее ярких показателей национально-культурного своеобразия соответствующего языкового коллектива и средство отражения его национального мировидения [3; 8]:

Gizzi: от ит. *guizzare* – *дрожать, дергаться*;

Pik: от фр. *pique* (*Spitze*) – *einen kleinen / richtigen Pik auf jmdn. haben* (gegen jmdn. einen heimlichen Groll gegen);

Rasch: Wut от фр. *rage*;

Gachn: австр. диал. *gach* восходит к срвн. *gache* и означает *plötzlich, schnell*. *Der Gachen* – австрицизм диалектного происхождения со значением *Jähzorn*;

Gall: *mich frisst die Gall!* (*Ich vergehe vor Zorn!*).

Если в двух предыдущих единицах актуализировался признак «характер протекания реакции», эта единица связана, прежде всего, с первичными зрительными (mhd. *Galle eigtl. = die Gelblichgrüne*) и вторичными вкусовыми ассоциациями (желчь – желтовато-зеленоватая субстанция, горькая на вкус);

Rochus: *einen Rochus auf jmdn. haben* – сильно злиться на кого-либо, иметь зуб на кого-либо (*eine Wut auf jmdn. oder ein Rachgefühl gegen jmdn. haben*); австрийское существительное *der Rochus* восходит к др.-евр. *Rochus* – злость (*Ärger, Zorn*);

Bluatrausch: *Jähzorn / blindwütiger Drang zu töten*;

Kraul: *Zorn, Wut om kraulen / kratzen: mit etw. Spitzem, Scharfem, Rauem, besonders mit Nägeln oder Krallen, ritzen oder Schaben*;

Grant: *einen Grant wegen etw. haben* [11; 7].

П. Веле связывает возникновение слова *Grant* с именем Фердинанда Второго, который способствовал утверждению при дворе испанского церемониала и появлению в Вене испанских грандов, что вызвало гнев народа. Их поведение, а затем и любая вызывающая, высокомерная манера определялись словом *grantig* [11, с. 143]. Таким образом, происходит перенос наименования объекта, являющегося причиной возникновения чувства, на само чувство. В связи с этим представляется интересным вывод Н. А. Красавского о том, что на раннем этапе развития цивилизации реальные события, вызывающие эмоции у древнего человека, никак не дифференцировались. Сама эмоция и событие, ее спровоцировавшее (т. е. ее причина), часто именовались одним и тем же словом. Автор предполагает, что архаичный человек относился к переживаемым им эмоциональным реакциям (примитивным эмоциям) как к реальным объектам мира [4; 5].

Языковая объективация эмоционального концепта ZORN / ГНЕВ в австрийском варианте немецкого языка настолько многообразна и многочисленна, что в функционально-семантическом поле можно выделить фрагменты его частеречной реализации.

Фрагмент глаголы, манифестирующие состояние гнева, представлен следующими единицами:

keppeln: *zanken, schimpfen; mhd. kebelen „schelten“*;

giften: *sich ärgern; si graupert giften: sich grün und blau ärgern*;

schwanzen: *sich ärgern* (vermut. Vergleich mit dem Hund, der seinen Schwanz zu fassen versucht);

fizikababerln: *ärgern*;

belfern: *streiten, schimpfen*;

sekkieren: *ärgern, stören* от лат. *secare* = резать (*schneiden*);

mooscherln: *ärgern*;

kramperln: *ärgern, verdrießen*;

kräullen: одно из значений *ärgern, erbosen*;
trebliern: *tribulieren, ärgern, drängen*; spätlat. *tribulare – pressen*;
trietzen: *ärgern, quälen*; aus dem Norden eingewandertes Wort zu *triets – Winde*.

Наряду с **существительными**, обозначающими эмоцию гнева, в функционально-семантическое поле входят номинации человека, испытывающего эту эмоцию:

Pokerlfras: *hysterischer Schreikrampf, Zornanfall*; от *Pokerl (Truthahn, Pute*; от венг. *Pulyka*) и *Fräs (Fraisen = судороги у детей* от ahd. *freisa = опасность / Gefahr*, mhd. *vreise = ужас / Schreck*;

Galldibl: *ein sehr zorniger Mensch*;

Gifnigl: *schnell erregbarer Mensch, zänkischer Mann*;

Gifhüferl: *jähzorniger Mensch*;

Zornbinkel: *jähzorniger Mensch Choliker*;

Giftspritzen; Klafte: *Hündin: zänkisches Weib*;

Grantscherben: *Griesgram*;

Giftschüppel: *widerspenstig abstehendes Haarbüschel am Wirbel; jähzorniger Mensch*;

Bluatrausch: *Jähzorn blindwütiger Drang zu töten* неконтролируемое, агрессивное состояние, жажда крови.

К конституентам поля можно отнести следующие **прилагательные** и **наречия**:

krawutisch: *zornig* (гневный – вспыльчивый – темпераментный (как хорват); очевидно, что качество человека, отражаемое лексической единицей «темпераментный» не имеет такой негативной коннотации, как «krawutisch». (хорватский – чужой = плохой));

anbrockt: *verärgert, andiniert verärgert, verdrossen*;

angfressen: *verärgert, verdrossen*;

anghabert: *satt, verdrossen, verärgert*;

angnascht: *verdrossen, verärgert*;

angschlickt: *satt, verärgert*;

angspeist: *verdrossen, verärgert*.

Особый интерес представляют единицы вторичной номинации, образующие метафорический слой функционально-семантического поля эмоции ZORN / ГНЕВ. Образы, лежащие в основе *фразеологических единиц* (ФЕ), входящих в метафорический слой, отображая различные аспекты переживаемой эмоции, отличаются разнообразием:

wie ein Germteig aufgehen (в основе ФЕ, значение которой «вспылить», – этномаркированный компонент **Germteig** «дрожжевое тесто»);

zum Gufler werden (в основе ФЕ, значение которой «быть в гневе» / „von Wut überfallen sein“, – фамилия массового убийцы женщин Гуфлера).

(vor Zorn) in die Butten springen: sehr zornig, wütend sein;

am Gachen kriagen: zornig werden;

Bart an Bart schleifen: sich ärgern, grollen;

Bittern an Bittern ham: wütend sein, erbost sein;

wem a Goschen anhängen: jemanden beschimpfen, anstänkern;

wem was z Fleiß machen: etwas tun, damit sich ein anderer ärgert;

in Saft gehen: sich ärgern, in Zorn geraten;

einen Schlechten rauchen: sich ärgern, vor Zorn rauchen.

Среди **междометий**, вербализующих концепт ZORN / ГНЕВ в австрийском варианте немецкого языка, можно назвать следующие этномаркированные единицы: *Sagrament!*, *Grundsidiakn!*, *Grudsifiks!*, *Fikslaudon!*, *Fiks Grammadantn!*, *Kruzitürkn (Kuruzzen und Türken!)* [9, с. 161–162].

Австрийский национальный вариант немецкого языка характеризуется, главным образом, особенностями словарного состава, которые определяются историческим прошлым Австрии, ее государственным строем, языковыми контактами с соседними и другими странами. Закономерно, что социально-экономические и политические процессы, происходящие в обществе находят свое отражение прежде всего в наиболее наглядной, открытой лексической области.

Частотным этнокультурным маркером лексико-семантического уровня является использование во фразеологических единицах имени собственного в качестве одного из компонентов. Так, например, в основе междометной единицы **Fix Laudon!** лежит имя реально существовавшего исторического лица *Laudon*: Gideon Ernst Freiherr von Laudon (1717–1790), австрийский фельдмаршал, участвовавший в Семилетней войне, завоевавший Белград в 1789 г., прославившийся тактикой молниеносного нападения. Компонент *laudon* участвует в качестве словообразовательного элемента в создании аналогичных междометных единиц, например, **Himmellaudon!**

Культура и стиль жизни, свойственные австрийцам, сформировались в результате взаимодействия многих народов, вследствие чего

в корпусе анализируемых единиц важное место занимают заимствования из языков многонациональной Австро-Венгерской империи, а также соседних народов:

латыни: *Kreuzdiwidomini!* (лат.: *laus tibi, Domine / Lob sie Dir, o Herr!*) (выражает помимо эмоции гнева, также облегчение, удивление); *Diwidomini!*; *Sternkreuzdiwidomini!*; *Kruziferas!*: lat. *crucifer* „Kreuzträger“;

французского: *sakradie!* (фр.: *sacre dieu / heiliger Gott*) (используется для выражения отрицательных эмоций гнева, недовольства, раздражения); *sakrawalt!* и др.;

венгерского: *hardegg, hardex!, herdegg!, herdex!*: ung. *ördeg* „Teufel“ (выражают гнев, ярость, раздражение): „verflucht!“, „verdammt!“; *herdeg-atta!*: ad „geben“ *ördög adta* „der Teufel gab (es)“;

чешского: *krawutisch (zornig)*: вспыльчивый – темпераментный (как хорват).

Эмоциональный концепт как комплексное образование имеет не только вербальное выражение; часть концептуальной информации представляется репрезентациями другого типа – различными невербальными элементами: кинемами, их символами в компьютерной коммуникации – эмоджонами, графическими средствами передачи эмотивной информации в видеовербальных текстах. Невербальные компоненты коммуникации в определенных ситуациях могут выступать как равноправные с языковыми средствами, а невербальное поведение является неотъемлемой частью коммуникативного акта, часто обязательным, а не факультативным компонентом общения [1; 2; 6].

Многочисленна группа единиц, представленная метафорическими и фразеологическими образованиями, реализующими в языке кинетический аспект эмоции гнева. Это позволяет сделать вывод о национально-культурной актуальности данного фрагмента эмоционального концепта для австрийского национального сознания.

Как непосредственная эмоциональная реакция человека на внешний раздражитель может рассматриваться *удар рукой по щеке – пощечина / оплеуха*. Такое эмоциональное поведение всесторонне представлено в языке. Так, только в венском диалекте существует несколько десятков единиц, которые можно объединить в один лексико-семантический фрагмент «кинетическое выражение гнева». Приведем некоторые из них:

du wirst ane abfamen: *du wirst eine Ohrfeige bekommen;*

abflaschen: wiederholt ohrfeigen;
abfotzen: ohrfeigen, Watschen austeilen;
ane abhasein: eine Ohrfeige bekommen (abhaseln: etwas Unangenehmes abkriegen);
abtätschen; ane auflegen: ohrfeigen;
schoppen: jemanden ohrfeigen;
wem die Batterie anhaun: jemanden kräftig ohrfeigen, verprügeln;
wem ane drucken: jemandem eine Ohrfeige versetzen;
fransen: jemanden ohrfeigen;
a Awiche: eine Ohrfeige mit dem Handrücken;
böhmische Fotzen: Ohrfeige mit dem Handrücken;
Dachtel: Ohrfeige;
Kleschen: Ohrfeige;
wem ane kieschen / kleschen: jemanden schallend ohrfeigen;
Gnackwatschen: Ohrfeige von hinten, Schlag in den Nacken;
Faustwatschen: Ohrfeige mit geschlossener Faust;
Doll'n: Ohrfeige предположительно от и.-е. корня *tu-* „schwellen“;
dollna: ohrfeigen;
Tetschn: Ohrfeige (zu *tätscheln*);
Tern: Ohrfeige (zu *ahd. teren*=verletzen);
Vergißmeinnicht: eine Ohrfeige, die man nicht so bald vergisst;
Flack: Ohrfeige, Schlag;
Kopfstückl: leichte Ohrfeige (z. B.: *du wirst glei a Kopfstückl abraamen: du wirst dir gleich eine Ohrfeige holen*) [10; 9].

Важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества является понятие «номинативная плотность», т. е. детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого [3, с. 133]. Номинативная плотность фрагмента «кинетическое выражение гнева» в действительности очевидна: действие-реакция, сопровождающее внезапное проявление негативной эмоции высокой интенсивности приобретает в австрийском варианте немецкого языка детализированное и множественное наименование. При осмыслении и языковой фиксации понятия «оплеуха» получают освещение различные объективные признаки данного действия: наличие звука (*Kleschen*), направление движения (*Gnackwatschen*), негативные ощущения, с ним связанные

(*Ane abhasein*), характеристика ударяющей поверхности (*a Awiche; Böhmsche Fotzen*), форма и тактильные ощущения (*Doll'n*).

Как следует из проанализированного материала, этномаркированные единицы функционально-семантического поля ZORN / ГНЕВ отличаются многообразием образов. Их значительную часть составляют метафоры, в основе которых лежат лексемы, обозначающие конкретные явления из бытовой сферы, часто единицы, называющие продукты питания, а также имена собственные. Высокая степень художественности метафорических единиц, их ярко выраженные экспрессивно-оценочные характеристики создают своеобразие этого фрагмента лингвокультурного пространства. Единицы, возникшие в результате собственного внутриавстрийского языкового развития широко употребительны, так как понятны всем участникам коммуникации. Однако в ситуациях межкультурного общения они могут создавать коммуникативные помехи.

Функционально-семантическое поле ZORN / ГНЕВ не является стабильным статичным образованием, а постоянно пополняется. В условиях процессов глобализации и стремительного развития коммуникационных информационных технологий пополнение поля происходит путем аттракции универсальных, не содержащих этнокультурный маркер, конвенционализированных единиц: многочисленных англицизмов, акронимов, а также графических средств – эмотиконов, функционирующих как знаки эмоций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Городникова М.Д.* О некоторых способах передачи эмоциональной информации в тексте. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1978. – С. 64–78. – (Тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца; вып. 118).
2. *Городникова М.Д.* Эмотивные явления в речевой коммуникации. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1985. – 70 с.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.
4. *Красавский Н.А.* Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград: 2001а. – 38 с.
5. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001б. – 495 с.
6. *Крейдлин Г.Е.* Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.

7. *Малыгин В. Т.* Австрийская фразеология в социокультурном аспекте. – СПб.: Образование, 1999. – 198 с.
8. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
9. *Schuster M.* Alt-Wienerisch. Ein Wörterbuch veraltender und veralteter Wiener Ausdrücke und Redensarten der letzten sieben Jahrzehnte. – Wien: Österreichischer Bundesverlag für Unterricht, Wissenschaft und Kunst, 1951. – 232 S.
10. *Teuschl W.* Wiener Dialektlexikon: Purkersdorf. – Wien: Verlag Karl Schwarzer, 1994. – 267 S.
11. *Wehle P.* Sprechen Sie Wienerisch?: Von Adaxl – Zwitschkerl. – Wien–Heidelberg: Überreuter, 1980. – 298 S.

УДК 811.161.1'36

А. Н. Болдырева

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного краткосрочных форм обучения управления международного сотрудничества МГЛУ, e-mail: boldyreva-alla@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ С ПРИСТАВКАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлена часть материалов словаря-справочника по теме: «Глаголы движения в русском языке», предназначенного для иностранных учащихся, овладевающих русским языком. Приведена наименее описанная в учебной литературе группа глаголов, таких как *лазать* (*лазить*) – *лезть*, *бродить* – *брести*, *гонять* – *гнать*, *тащить* – *тащить*, *катать* – *катить*, *ползать* – *ползти* с приставками: *при-*, *у-*, *в-(во-)*, *вы-*, *под-(подо-)*, *от-(ото-)*, *вс-(вз-)*, *с-(со-)*. На иллюстративном материале показаны особенности функционирования перечисленных глаголов, для употребления которых можно легко представить ситуации повседневного устного общения.

Ключевые слова: глаголы движения; словарь-справочник; приставка; повседневное устное общение; функционирование.

Boldyreva A. N.

Ph. D., Associate Professor at the Russian Language Department for short time foreign students of the Center of International Cooperation MSLU;
e-mail: boldyreva-alla@yandex.ru

MEANINGS AND USAGE OF SOME GROUPS OF VERBS OF MOTION WITH PREFIXES IN RUSSIAN

The article studies part of the entry 'Verbs of Motion in Russian' in the reference dictionary intended for foreign students mastering Russian. The focus is placed on the groups of verbs insufficiently described in educational literature, namely *lazat'* (*lazit'*) – *lezt'* (*climbing*), *brestit'* – *brodit'* (*wander*), *gonjat'* – *gnat'* (*chase*), *taskat'* – *taschit'* (*carry*), *katat'* – *katit'* (*roll*), *polzat'* – *polzti* (*crawl*) with prefixes: *pri-*, *u-*, *v-*, *vy-*, *pod-* (*podo-*), *ot-* (*oto-*), *vs-* (*vz-*), *s-* (*so-*). Examples of everyday communicative situations are provided to reveal the functions of the verbs in question.

Key words: verbs of motion; dictionary reference; prefix; daily oral communication; functioning.

Тема: «Глаголы движения в русском языке» широко освещена в учебной и методической литературе по русскому языку как иностранному [1; 3; 4; 6]. Однако не все глаголы этой группы в одинаковой степени представлены в качестве учебного материала по русскому

языку [2; 5; 6]. Так, в учебных пособиях мы находим восемь пар глаголов движения без приставок и с приставками: *непереходные – идти / ходить, ехать / ездить, бежать / бегать, лететь / летать, плыть / плавать* и *переходные – нести / носить, вести / водить, везти / возить*. Это активная базовая лексика, которая подробно изучается в прямых и переносных значениях.

Нам хотелось бы показать примеры употребления и функционирования наименее описанной группы глаголов, таких как *лазить / лазать / лезть, бродить / брести, гонять / гнать, таскать / тащить, катать / катить, ползать / ползти* с приставками *при-, у-, в- (во-), вы-, под- (подо-), от- (ото-), вс- (вз-), с- (со-), за-, на-, до-, пере-, о- (об-, обо-), про- ис- (из-), с- ... -ся, рас- (раз-) ... -ся*. Эта лексика всегда включалась в пассивный словарь учащихся и почти не использовалась в качестве иллюстративного материала в учебной литературе, так как входила в сферу устной разговорной речи. В настоящее время эти глаголы становятся всё более активными и всё чаще проникают из устной речи в письменную, приобретают новые переносные значения. Нами были собраны и проанализированы примеры образования и употребления глаголов этой группы с приставками. Примеры были получены в результате анализа языка средств массовой информации, а также устной речи носителей языка. Весь материал будет представлен в виде словаря-справочника для иностранцев, изучающих русский язык на продвинутом этапе обучения (уровни В2–С1). В настоящей статье приведена лишь его часть, которая показывает актуальность и необходимость обращения исследователей к этой группе глаголов и включения ее в активный учебный процесс.

I. В первой части словаря-справочника материал организован с опорой на значения приставок, употребляющихся с глаголами движения анализируемой группы. Приведем несколько примеров

ПРИ-

прибредать – приобрести (куда? как? каким образом? к кому?)
~ в деревню; домой; еле-еле

пригонять – пригнать (что? кого? как?) ~ машину, стадо; платье по фигуре (*синоним с приставкой ПОД-*: подгонять платье по фигуре); детали к машине

притаскивать – притащить (кого? что?) ~ вещи в дом (*синоним: втаскивать – втащить, затаскивать – затащить*); друзей (*разг.*); грязь (*синоним: натаскивать – натащить*); **1. притаскиваться – притащиться** (*разг.*) ~ еле-еле, с трудом; поздно; к нам

прикатывать – прикатить (что? с кем? на чём?) ~ бочку, тележку, коляску; с друзьями (*разг.*); на автомобиле (*разг.*)

приползать – приползти (куда? к чему? к кому? как?) ~ к воде, к нам, еле-еле, с трудом, домой (*разг.*)

У-

убредать – убредсти (куда? от чего? от кого?) ~ вдаль, далеко от, от них

угонять – угнать (что? кого? куда?) ~ скот, людей (в плен), машину; в отпуск (*синоним: укатывать – укатить*) (*разг.*); **1. угнаться** (за кем? за чем?) (употребляется как одновидовой глагол совершенного вида за кем? за чем? ~ за кем-то, за модой)

утаскивать – утащить (кого? что?) ~ вещи (*синоним: вынести или украсть*) (*разг.*); карандаш (*синоним: взять без спросу*) (*разг.*); собака утащила косточку (спрятала или украла)

укатывать – укатать (что? кого?) ~ новый асфальт, кого-то (на машине) (*разг.*); **1. укатывать – укатить** (что? куда?) ~ бочку, тележку; в отпуск (*синоним: угонять – угнать*) (*разг.*); гости укатали (*разг.*)

уползать – уползти (куда?) ~ змеи – в норы, облака – вдаль, ребенок – в другую комнату

В-

влезать – влезть (куда? во что?) ~ на дерево, на крышу (*синоним: залезать – залезть*); в долги (*синоним: залезать – залезть в долги*) (*разг.*); в туфли, в платье *разг.*; не в своё дело *разг.*

вгонять – вогнать (что? кого? во что?) ~ гвоздь в стену, капитал (в какое-то дело), силы, здоровье

втаскивать – втащить (что?) ~ вещи в дом, на 5-й этаж (*синоним: затаскивать – затащить*)

вкатывать – вкатить (что? кому?) ~ телегу, бочку, бревно (в сарай), двойку (оценку) (*используется преимущественно с формой совершенного вида*) *разг.*, сыну (отругать) (*используется преимущественно с формой совершенного вида*) *разг.*

вползать – вползти (куда? как?) ~ в окно, в палатку (*синоним: заползать – заползти*), с трудом

ВЫ-

- вылезать – вылезти** (откуда? куда? с чем?) ~ из норы, из палатки, из дома на свежий воздух (*разг.*); растения, первые зубы вылезли / вылезают *разг.* (синоним: выросли, появились), недостатки вылезли / вылезают (*разговорное*) (синоним: проявились), с разговором *разг.*, заговорить неожиданно и не к месту
- выгонять – выгнать** (кого? откуда? куда?) ~ корову на луг, человека из родного дома, с работы *разг.*
- вытаскивать – вытащить** (что? кого? куда? откуда?) ~ вещи из чемодана, из (ящика) стола, из кармана; детёнышей из норы, занозу из пальца, соринку из глаза; все недостатки наружу *разг.*
- выкатывать – выкатить** (что? куда? откуда?) ~ машину из гаража; страницу (из принтера); **1. выкатываться – выкатиться** (*синоним*: уходить – уйти) *разг.*
- выползать – выползти** (откуда?) ~ норы, из-за туч(и), из дому (-а) (о человеке) *разг.*

ПОД- / ПОДО-

- подлезать – подлезть** (подо что? куда? как?) ~ под ограждение, снизу
- подгонять – подогнать** (что? кого? к чему? к кому?) ~ машину; платье, детали (*синоним*: пригонять – пригнать); человека (*синоним*: доставлять – доставить, приводить – привести, привозить – привезти быстро, срочно) *разг.*
- подтаскивать – подтащить** (кого? что? к чему? к кому?) ~ вещи к платформе (к вагону), стул к стене, детёныша к воде; **1. подкатывать – подкатить** (что? к чему? к кому?) ~ тележку, бочку, бревно к дому, к крыльцу, к кому-то; комок подкатывал / подкатил к горлу (*фразеологизм разг.*); **2. подкатываться – подкатиться** к кому-то *разг.*: обращаться / обратиться к кому-то с вопросом или с просьбой, пользуясь его / ее хорошим расположением
- подползать – подползти** (к чему? к кому?) ~ к воде, к огню, к матери (о ребёнке)

ОТ- (ОТО-)

- отгонять – отогнать** (кого? что? от кого? от чего?) ~ мальчишек от машины, мух от еды
- оттаскивать – оттаскать** (кого? что? от кого? от чего?) ~ детей от компьютера, от интересного рассказчика, от книги; **1. оттаскать**

(одновидовой глагол совершенного вида) *разг.*; пальто (*синоним: износить*); за волосы (*синоним: побить*)

откатывать – откатить (что? от чего? от кого? куда?) ~ бочку, тележку, бревно от крыльца, от дома, от края; в сторону от чего-либо; **1. откатываться – откатиться** (от чего? куда?) ~ от реформ, назад; **2. откатывать – откатать** (что?) ~ программу (*сделать всё до конца, закончить*); своё (*закончить активную спортивную деятельность*) *разг.*; **3. откататься** (одновидовой глагол совершенного вида) *разг.* (*синоним: закончить выступление (-я)*)

отползать – отползти (от чего?) ~ от опасного места, от края

ВЗ- (ВС-)

взбрехать – взбрести в голову (фразеологизм) *разг.*

С- (СО-)

слезать – слезть (с чего? откуда?) ~ с крыши, с велосипеда; загар (*кожа*) слезает / слез(-ла) / слезет (*синоним: исчезать – исчезнуть*)

сгонять – согнать (кого? что? откуда? куда?) ~ с места (*синоним: прогонять – прогнать*); в одно место, в кучу, в стадо (*синоним: собрать вместе*); **1. сгонять** (за чем? за кем?) (одновидовой глагол совершенного вида) (*синоним: сбегать*) *разг.*

стаскивать – стащить (что? откуда?) ~ плоды с дерева; одежду (обувь) с кого-либо, с себя *разг.*, (*синоним: снимать с трудом*); **1. стащить** (одновидовой глагол совершенного вида) *разг.* (*синоним: украсть*)

скатывать – скатить (что? откуда?) ~ велосипед (машину, мотоцикл, тележку) с дороги, в сторону, вниз; **1. скатываться – скатиться** (откуда? куда?) ~ с горки, со стола; на последнее место *разг.*; **2. скатывать – скатать** (что?) ~ ковёр; контрольную работу *разг.*, (*синоним: списывать – списать*); **3. скатываться – скататься** (чаще употребляется форма совершенного вида); свитер (материал) скатался (скатывается)

сползать – сползти (с чего? откуда? куда?) ~ с обрыва, со стола, с кровати; на пол, вниз; на глаза, на лоб (о шапке, о волосах); вниз (по успеваемости, по должности) *разг.*; **2. сползать** (одновидовой глагол совершенного вида, ударение на первом слоге) *разг.*; за кормом (о животных), за игрушкой (о маленьком ребенке); инфинитив цели: **сползать достать** (по модели: *сбегать / сходить / купить*) *разг.*

II. Сочетаемость глаголов движения анализируемой группы с приставками [2; 3; 6]

Во второй части словаря-справочника материал будет сгруппирован с опорой на глагол. В приведенной ниже таблице представлены анализируемые глаголы и приставки, с которыми они употребляются.

Глаголы	Приставки
лазить (лазять) – лезть	в-, вы-, под-, с-, за-, на-, до-, пере-, про-, раз-...-ся
бродить – брести	при-, у-, под-, от-, вз-, за-, на-, до-, о-, про-, раз-...-ся
гонять – гнать	при-, у-, в-, вы-, под-, от-, с-, за-, на-, до-, пере-, об-, про- из-, раз-...-ся
таскать – тащить	при-, у-, в-, вы-, под-, от-, с-, за-, на-, до-, пере-, про-, ис- рас-...-ся
катать – катить	при-, у-, в-, вы-, под-, от-, с-, за-, на-, до-, пере-, о-, про-, с-...-ся, рас-...-ся
ползать – ползти	при-, у-, в-, вы-, под-, от-, с-, за-, на-, до-, пере-, про-, с-...-ся, рас-...-ся

Такая организация материала позволит учащимся легко находить все возможные варианты значений глаголов с разными приставками, а также образовывать новые глаголы самостоятельно.

В статье приведена лишь небольшая часть собранного материала. Весь его объем обработан еще не до конца, но из приведенных примеров видно, насколько многообразно и многозначно употребление таких глаголов с приставками. Чтобы более точно проиллюстрировать эту многозначность, приведем еще несколько примеров.

ЗАГОНЯТЬ – ЗАГНАТЬ

1. Хозяин загнал домашних животных в стойло.
2. Нас загнали в сарай и велели сидеть там до вечера.
3. Наездник скакал слишком быстро и загнал лошадь.
4. Ты идёшь слишком быстро, ты меня загонишь.
5. Столяр всегда загонял гвозди слишком глубоко, их потом трудно было вытащить.

НАТАСКИВАТЬ – НАТАЩИТЬ

1. Он натаскал кучу интересных вещей из своих поездок.
2. Люди натащили много одежды для беженцев.
3. Дети натащили грязи в дом с улицы.
4. Он нехотя натащил на себя одежду и поднялся.
5. Мы с трудом натащили чехлы на эти кресла.

РАСТАСКИВАТЬ – РАСТАЩИТЬ

1. Во время кризиса население растащило из магазинов всю крупу и муку.
2. Эту брошенную, но еще хорошую машину растащили на запчасти.
3. Люди часто растаскивают то, что плохо лежит.
4. Растащи мне этот клубок.
5. Это слишком много информации для одной главы, надо растащить ее по другим главам.

Подводя некоторые итоги, нужно отметить, что эти глаголы используются в основном в устной разговорной речи и почти не представлены в практических пособиях по русскому языку как иностранному. Устно-разговорная сфера общения сейчас требует большого внимания и пристального изучения, так как все ее элементы значительно влияют на современные нормы письменной и устной официальной речи в разных стилях. Описанные нами глаголы также активно используются сейчас не только в устной разговорной речи, но и в письменной (особенно в публицистическом стиле) и в устной официальной речи. Эти глаголы всегда представляют для иностранных учащихся трудность в понимании и употреблении и требуют особого внимания на уроке со стороны преподавателя. Конструкции с ними также включены в материалы тестов по русскому языку как иностранному высоких уровней (B2–C1), поэтому материалы с объяснением особенностей использования этих глаголов с приставками должны быть включены в курс практического русского языка как иностранного на высоких уровнях.

Весь собранный материал будет представлен в специальном учебном словаре-справочнике, готовящемся к печати и посвященном особенностям образования и употребления описываемой группы глаголов с приставками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Книга о русской грамматике. Русский язык как иностранный: учеб. пособие / под ред. А. В. Величко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 816 с.
2. Колосницына Г. В., Макова М. Н., Шведова Л. Н., Шипица Л. В. Грамматические этюды. – М.: Русский язык. Курсы, 2006. – 184 с.
3. Муравьёва Л. С. Глаголы движения в русском языке. – М.: Русский язык, 2001. – 238 с.
4. Шелякин М. А. Справочник по русской грамматике. – М.: Русский язык, 1993. – 355 с.
5. Эндрюс Э., Аверьянова Г. Н., Пядусова Г. И. Русский глагол. Формы и их функции. – М.: Русский язык, 2008. – 378 с.
6. Юдина Л. П., Битехтина Г. А. Устные тренировочные упражнения по теме «Глаголы движения»: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 110 с.

УДК 81-112; 811.511.1

Н. С. Братчикова

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры нидерландского, скандинавских и финского языков переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: n.bratchikova@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ ФИНСКОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Статья посвящена некоторым вопросам истории финского языка. В ней анализируется состояние финского языка во второй половине XVII в., для которого было характерно доминирование шведского языка, отсутствие официального статуса, слабая разработанность лексической базы, незрелость синтаксических норм, подверженность влиянию иностранных языков. Однако в это же время появляются словари и грамматики финского языка. Орфография языка сохраняет черты времен М. Агриколы.

Ключевые слова: феннофильское культурное движение; лексикографические работы; юридическая документация; переводные тексты; грамматика языка; орфография; техника стихосложения; аллитерация; параллелизм; калевальский размер.

Bratchikova N. S.

Doctor of Philology, Professor at the Department of Scandinavien,
Dutch and Finnish languages of the Faculty of Translation and Interpretation, MSLU;
e-mail: n.bratchikova@mail.ru

THE STATUS AND DEVELOPMENT OF THE FINNISH LANGUAGE IN THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY

The article considers the history of the Finnish language. Special attention is given to the status of the Finnish language in the second half of the XVII century, which was characterized by the dominance of Swedish and an uncertain official status of Finnish. The Finnish language was characterized by a weak development of lexical databases, immaturity of syntactic norms, exposure to foreign languages. However, at the same time, dictionaries and grammar books of the Finnish language were published. The Finnish spelling retained the features it had in the time of M. Agricola.

Key words: history of language; the Fennofil cultural movement; lexicographic work; juridical documentation; translated texts; language grammar; the spelling; the technique of poetry; alliteration; parallelism; Kalevala's size.

Исторические условия, в которых находилась Финляндия во второй половине XVII в., характеризовались слабостью социально-экономического положения страны, отсутствием национального самосознания и шведской культурной гегемонией. Финноязычная

литература практически не развивалась и была ограничена тесной сферой лютеранской ортодоксии. Ущемленность финской культуры проявлялась в заметном количественном и качественном отставании по сравнению с культурами, использующими шведский и латинский языки. В 1640 г. в Турку был основан университет, преподавание в котором велось на шведском языке и латыни. Выпускники университета формировали интеллигенцию Финляндии, которая по своему характеру могла быть только иноязычной и оторванной от народной культуры, народно-языковой среды. Финский язык был вынужден оставаться языком простонародья, терять контакты с образованной частью общества и лишаться доступа в административно-государственную сферу: на нем не говорили ни чиновники, ни судьи, ни дворянство. Законотворчество и деловая корреспонденция велись только на шведском. На наш взгляд, вряд ли речь шла о целенаправленной шведизации населения, просто неразвитость лексической и грамматической системы финского языка позволила шведскому вытеснить его из сферы официальной жизни страны.

Можно смело утверждать, что, не успев возникнуть благодаря подвижническому труду епископов Микаеля Агриколы, Паавали Юстена, священника Якоба Финно (Суомалайнена), пробста Хемминки из Маску и епископа Эрика Соролайнена финский язык законсервировался, не имея возможности завоевать новые области социальной и культурной жизни, не получая условий для саморазвития и обогащения. Фактически он лишился должной социально-культурной почвы и оказался без общенационального применения. Лишь единичные энтузиасты, «кустари-любители» пытались культивировать его. Однако такие попытки не всегда оказывались удачными. Это было своего рода языковое экспериментаторство, вследствие которого в финском книжном языке появилась некая искусственность. Он стал испытывать на себе случайные и чужеродные влияния, от которых впоследствии пришлось с трудом избавляться. Этот регресс проявился в чуждых для финского языка способах словообразования и синтаксических связях, которые были напрямую заимствованы из шведского и других индоевропейских языков.

Микаэль Агрикола (ок.1510–1557) – деятель Реформации, проповедник и переводчик Библии на финский язык, считается основоположником финского письменного языка. «День Микаэля Агриколы», или «День финского языка» отмечается в Финляндии ежегодно, 9 апреля, в день смерти Агриколы.

Паавали Юстен (1516–1576) – составил на латыни так называемые Синодальные статуты (*Capita rerum synodicarum*) – своего рода практическое руководство и «кодекс поведения» евангелического духовенства. С начала Реформации это было первое произведение, затрагивавшее вопросы церковного устройства в Финляндии. Юстен перевел на финский язык евангелический Катехизис, составил на финском языке Служебник, озаглавленный «Святая Месса, надлежащим образом в финском городе Турку на финском языке составленная по обычаю не папскому, но евангельскому и христианской общиной одобренному». В книгу вошли тексты евангелий и апостольских посланий, читаемых во все праздничные дни литургического года. Историческим трудом Юстена, повествующем об этапах христианизации Финляндии, считается латиноязычная «Хроника епископов финляндских (*Catalogus et ordinaria successio episcoporum Finlandensium*, другое латинское название – *Chronicon et ordinaria successio episcoporum Finlandensium*). Она была подготовлена в 1565 г. (http://sbiblio.com/biblio/archive/makarov_ocher/05.aspx).

Якоб Финно (Суомалайнен) (ок.1540–1588) – деятель Реформации, издал на финском языке «Малую книгу финских духовных песнопений». Молитвы, написанные Я.Финно, звучат более интимно, им свойственна определенная дифференциация (специальные пояснения указывают, на какой случай жизни рассчитана каждая из них). Как в самом создании подобной книги, так и в манере ее написания прослеживается стремление, характерное для лютеранского мира второй половины XVI – начала XVII вв., – придать евангелическому благочестию характер более глубокий и прочувствованный. Я. Финно издал на финском языке Катехизис и отредактировал для переиздания сборник средневековых латинских песнопений *Piae cantiones* («Благочестивые песнопения») (http://sbiblio.com/biblio/archive/makarov_ocher/06.aspx).

Хемминки из Маску (1550–1619) издал на финском языке Сборник духовных песен, в котором четко прослеживаются черты «обмирщения» содержания церковной литературы, учет традиций фольклорно-языческой поэзии (http://krotov.info/acts/04/makary_vel/arov_02.htm).

Эрик Сороланен (ок.1546–1625) издал в двух томах проповеди под названием «*Postilla*, или толкования на Евангелия». Как считает историк И. Макаров, это «самый масштабный труд, созданный на старофинском языке за весь период шведского правления», т. е. до начала XIX вв. В этом произведении отражены конкретные условия жизни Финляндии той эпохи, нравы простого народа, духовенства, бюргерства, дворянства. Автор настаивает на необходимости сохранения патриархальных принципов организации семьи и общества. «*Постилла*» по сути является «энциклопедическим трудом»: в ней содержится информация гуманитарного и естественно-научного характера (http://krotov.info/acts/04/makary_vel/arov_02.htm).

В рассматриваемый период стал пробуждаться интерес к финскому языку со стороны ученых: появились первые грамматические описания некоторых его особенностей. В 1637 г. был издан «Латино-скандинавский словарь», составленный магистром из Упсалы Э. Шродерусом (http://modernlib.ru/books/bse/bolshaya_sovetskaya_enciklopediya_shv/read_12/). В словаре было представлено 2400 слов на шведском, латинском, немецком и финском языках (http://fi.wikipedia.org/wiki/Ericus_Schroderus). В предисловии к словарю описывались некоторые особенности финского языка, в частности отсутствие сочетания нескольких согласных в начале слова, отсутствие грамматического рода, употребление падежных форм вместо предложных оборотов [2, с. 22].

В 1640 г. Х. Кругерус написал грамматику финского языка, в которой обозначил 12 падежей у имен существительных и прилагательных, что стало выдающимся достижением в области дескриптивного описания финского языка.

В середине XVII в. туркусский профессор Э. Петреус издал «Краткий курс финской грамматики» (1649). В 1689 г. М. Мартиниус выпустил «Руководство по финскому языку», которое по большей части основывалось на грамматике Петреуса (<http://www.ling.helsinki.fi/~fkarlss/ykt8.html>).

Во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. в Финляндии оформилось феннофильское культурное движение. Оно было вызвано тяжелым положением финского народа и языка, шведской культурной и языковой гегемонией. Само слово «филофениус», т. е. любитель всего финского, было введено в обиходную речь Д. Юслениусом, которого в финской культуре принято считать «основателем направления, описывающим финскую идентичность», горячим патриотом и даже первым националистом (<http://netn.fi/2345/juslenius.html>). В 1897 г. Ю. Крон, подкорректировав форму слова, образовал термин «феннофил» и стал употреблять его в научных исследованиях (<http://www.kansallisbiografia.fi/kb/artikkeli/2266/>).

Даниэль Юслениус (1676–1752) известен своим академическим сочинением «Старый и новый Турку» (1700), в котором прозвучала хвалебная ода Финляндии. К сожалению, несправедливо забыт потомками, оказавшись в тени таких «великих финнов», как Портан, Лённрот, Рунеберга, Снельман и Топелиус (<http://www.ling.helsinki.fi/~fkarlss/ykt8.html>).

Раннее феннофильство отличалось страстным стремлением превознести угнетенный финский народ, показать его место в мировой истории, пусть даже в гипертрофированной, гиперболизированной форме. Феннофилы хотели обратить внимание на положение финского языка, культуры и народа, а также отстоять их право на независимое существование. Они восторгались красотой финского языка, необычайной природной одаренностью финского народа, которая проявилась самым наглядным образом в поэзии. Уже упоминавшийся выше Д. Юслениус говорил о высоком уровне культуры финского народа, господствовавшей до принятия христианства и потерянной после экспансии Швецией территории Финляндии и ее христианизации. Автор нашумевшего в те годы исследования опирался в своих умозаключениях на Библию, доказывая, что после всемирного потопа финны под предводительством великого Магога переселились на север. По утверждению патриота Финляндии, финский язык был таким же древним, как древнееврейский и древнегреческий, при этом все три языка являлись «первородными». Под их влиянием в дальнейшем сформировались русский, польский, венгерский и молдавский (<http://www.kansallisbiografia.fi/kb/artikkeli/496/>). Сам пафос работы был очень позитивным. Чтение работ подобного плана усиливает патриотические настроения, какими бы «ненаучными» они ни оказывались. На наш взгляд, представления Юслениуса о своей родине и языке были не сколько антиисторическими, сколько эзотерическими (http://www.helsinki.fi/museologia/arppeanumin_ikkunat/ylloppilaselamaa/juslenius.html). Университетский профессор, а позднее епископ, он утверждал о скрытых в финском языке указаниях на некое первородное исчезнувшее знание – каббалу. В этом отношении Юслениус похож на известного шведского исследователя, создателя грамматики шведского языка Й. Буре. Оба принадлежали Ордену розенкрейцеров, который, пожалуй, и стоял у истоков фенномании¹.

Йоханнес Буре (Юхан Буре, 1568–1652) – шведский антиквар, эрудит и мистик, королевский библиотекарь и советник короля Густава Адольфа. Буре в своих лингвистических исследованиях объединил руническую

---

¹ Основание университета в г. Турку (1641) можно причислить к деяниям Ордена розенкрейцеров, поскольку генерал-губернатор Финляндии Пиетари Брахе (1602 – 1680) был его активным сподвижником (http://fi.wikipedia.org/wiki/Pietari_Brahe; <http://www.parkkinen.org/juslenius.html>).

и латинскую системы, доказывал, что истинным именем Адама было Свен, а христианство зародилось на территории Швеции, равно как идея Троиинства (http://en.wikipedia.org/wiki/Johannes_Bureus).

Самым известным произведением Юслениуса является Финско-шведско-латинский словарь (1745), который содержал 16 000 слов, составленных согласно «основному» – финскому – языку. На обложке издания автор написал, что книга создавалась «с Божьей помощью, кропотливой работой, советами многих, длительное время и во славу финского языка» [1, с. 71]. Это был первый финский словарь в подлинном значении этого слова. В упоминаемом выше словаре Шпродеруса финская лексика была представлена лишь частично.

Словарь построен в алфавитном порядке таким образом, что группа однокоренных слов представлена в виде одной словарной статьи. Там же помещались слова, образованные методом словосложения с начальным ключевым словом, например:

Aadeli, *-in* – ‘дворянство’ (генитив ед. ч. с аффиксом *-in*)

aadelimies, *-ehen* – ‘дворянин’ (композит с начальным ключевым словом

Aadel-, генитив ед. ч. с аффиксом *-ehen*)

Aaldo, *-llon* – ‘волна’ (генитив ед. ч. с аффиксом *-llon*)

aaldoinen, *-lloisen* – ‘волнистый’ (генитив ед. ч. с аффиксом *-llon*)

Aami, *-in* – старинная мера измерения, равна примерно 157 литрам

aamin, *-ia* – ‘я измеряю, ‘измерять’ (производное слово от **Aami**, глагол в форме 1-го л. ед. ч.; показатель инфинитива *-ia*)

Aamu, *-un* – ‘утро’ (генитив ед. ч. с аффиксом *-un*)

aamuhetki, *-ken* – ‘утреннее время’ (композит с начальным ключевым словом **aamu**-, генитив ед. ч. с аффиксом *-ken*)

aamullinen, *-lisen* – ‘утренний’ (производное слово, прилагательное, генитив ед. ч. с аффиксом *-lisen*)

aamurusco, *-scon* – ‘утренняя заря’ (композит с начальным ключевым словом **aamu**-, генитив ед.ч. с аффиксом *-scon*)

aamusaarna, *-nan* – ‘утренняя молитва’ (композит с начальным ключевым словом **aamu**-, генитив ед. ч. с аффиксом *-nan*)

(<http://www.sinikivi.com/keskustelu-sinikivi-com/hermeeti/16303-daniel-juslenius>)

В своем словаре Юслениус оформлял двойной согласной (геминатой) звуки, следующие за носовыми и ликвидными согласными, например: **pencki** – скамья; **piicka** – издевательство, издёвка; **wercko** – сеть; **contti** – котомка, короб.

Оставаясь верным финскому патриотическому движению и идеям Ордена розенкрейцеров, Юслениус подчеркивал важность лексикографической работы, указывая на ее неисчерпаемость.

В это же время издается первый сборник финских пословиц (1702), составителем которого является Х. Флоринус. Книга включала более 1500 единиц. Большинство пословиц написано калевальским размером¹, для которого характерны аллитерация строки и параллелизм. Строфа была четырех- или пятидольной.

Хенрик Флоринус (1633–1705) – финский священник, писатель и переводчик. Помимо собирания финских пословиц, занимался совершенствованием перевода текстов Библии на финский язык и, как итог этой кропотливой работы, составил Ладино-шведско-финский словарь (<http://sokl.uef.fi/aineistot/Aidinkieli/kirjasuomi/jusleniu.html>).

Сборник включает пословицы, которые до сих пор находятся в употреблении и передают народную мудрость из поколения в поколение, например: *Ei corppi corpin silmä puhcaise.* – Ворон ворону глаз не выклюет; *Hiki laiskan syödesänsä; wilu työtä tehdesänsä.* – Ленивый потеет, когда ест, но мерзнет во время работы; *Huwä kello sauwäs kuulu; raha paljo edemmä.* – Хороший колокол далеко слышно, плохой еще дальше; *Itku pitkästä ilosta.* – Кто много смеется, тот много плачет; *Kyllä sinä rikkautta on / cusa rackautta on.* – Богат тот, кто любит; *Walhella on lyhyet jäljet.* – У лжи короткие ноги.

Орфография языка еще не установилась. В правописании довольно часто встречаются способы обозначения звуков на письме подобно орфографии, предложенной М. Агриколой, в частности, обозначение буквой *c* звука /k/ в позиции начала слова (*corppi*, *sauwas*, *cusa*). В современном финском языке в указанной позиции находится буква *k*: *korppi* – ворон, *kauas* – дальше, *kuka* – кто. Гемината обозначалась на письме сочетанием согласных *ck*: *rackaus* – любовь (в современном языке *rakkaus*). Звук /v/ на письме устойчиво обозначался как *w*: *wilu* – озноб, холод (*vilu*), *huwä* – хороший (*hyvä*), *walhe* – ложь (*valhe*).

Помимо огромной лексикографической работы, Флоринус занялся переводческой деятельностью, обратившись к юридической

---

¹ Из 1500 пословиц более 750 были написаны калевальским размером (http://fi.wikipedia.org/wiki/Henrik_Florinus).

литературе. В 1688 г. он подготовил перевод на финский язык Раздела о браках; Положения о статусе священника; Раздела о церкви, в котором регламентировались церковные праздники и святые дни, т. е. выходные (http://www.helsinki.fi/vvks/tekstit/1600_2_lakikieli/index.html).

Начиная с конца XVI в. появились первые финноязычные переводы законов Шведского королевства. Сама действительность диктовала потребность в расширении сферы применения финского языка, в выходе его за пределы бытового лексикона и широком использовании в деловом общении. В рассматриваемый период, кроме Флоринуса, переводческой и вместе с ней языкотворческой деятельностью в области юриспруденции занимались А. Колланиус и Х. Спейтс. Потребность в переводе на финский язык юридических документов и воинских уставов была вызвана незнанием финнами шведского языка и соответственно непониманием написанных на нем законов и актов, за нарушение которых устанавливалось суровое наказание, вплоть до смертной казни¹. Однако в то время официальных должностей переводчиков на финский язык еще не было введено в штат королевской канцелярии. Переводами занимались случайные люди, энтузиасты своего дела, любители финского языка и культуры. Чаще всего качество переводов было невысоким, отсутствовала единая терминологическая лексика. В XVII в. не был официально опубликован ни один гражданский кодекс, кроме отдельных королевских предписаний и постановлений² [3].

Абрахам Колланиус (ум.1667) – переводчик законов; перевел со шведского языка на финский Ландслаг (Закон страны) короля Швеции Кристофера (1442), Закон о городе короля Швеции Магнуса Эрикссона (1349) (http://fi.wikipedia.org/wiki/Abraham_Kollanius).

Хартвиг Спейтс (1591–1651) – заместитель судьи, затем переводчик законов; перевел дисциплинарный устав «Военный артикль» короля Швеции Густава Адольфа II (1621). Параллельно с переводом на финский Спейтс опубликовал шведоязычный текст оригинала (1642) (http://fi.wikipedia.org/wiki/Hartikka_Speitz).

---

¹ <http://lib.eduskunta.fi/dman/Document.phx?documentId=hl02110132456710&cmd=download>

² После окончания Северной войны и подписания Ништадтского мирного договора (1721) центр по переводу важнейших постановлений разместился в Стокгольме. В 1735 г. при королевской канцелярии была введена официальная должность переводчика на финский язык.

В первой половине XVIII века С. Форсеен и Э. Й. Палеен перевели на финский язык Закон Шведского государства (королевства) (1734). Однако надворный суд Швеции так и не одобрил текст финского перевода, поэтому в королевстве следовало соблюдать законы и акты, написанные на шведском языке.

Самуэль Форсеен (1686–1744) – окружной секретарь из г. Турку; в 1738 г. перевел на финский язык Закон Шведского государства (королевства), который был направлен в комиссию на проверку, но из-за начавшейся войны Швеции и России (1741–1743) перевод так и не был проверен и опубликован.

Эрик Йохан Палеен (1716–1788) – переводчик юридических документов, которому был присвоен дворянский титул; в 1759 г. опубликовал перевод Закона Шведского государства (королевства) (http://fi.wikipedia.org/wiki/Erik_af_Pal%C3%A9n).

Феннофильские идеи отразились в поэтических языковых экспериментах второй половины XVII в. Появляются рифмованные хроники на финском языке, в которых излагается история Финляндии. Наиболее примечательным является стихотворение Г. Тудеруса «Одна красивая финская песня в честь и во славу крестьян» (1703). В нем описывается крестьянский труд с его будничными заботами и тревогами.

Габриэль Тудерус (1638–1705) – финский священник и поэт; многие годы провел на севере Финляндии среди саамов; жестоко с применением насильственных мер боролся с языческими обрядами среди саамов, вплоть до запрета шаманского бубна; едва не лишился церковной должности из-за дерзких и насильственных методов работы (http://fi.wikipedia.org/wiki/Gabriel_Tuderus).

В стихах второй половины XVII в. отмечается стремление к метрическому разнообразию, попытки использовать фольклорную традицию. Подобно европейской культуре, в Финляндии получают распространение стихи «на случай», посвященные различным событиям общественной и частной жизни. Можно скептически относиться к художественной ценности этих куплетов, но всё же это был повод для совершенствования финского языка, его форм и техники стихосложения. Например, в 1658 г. К. Салониус впервые использовал на финском языке гекзаметр.

В 1654 г. при университете г. Турку была сформирована кафедра поэзии, узаконивав тем самым светские занятия поэтическим творчеством. Первым профессором кафедры был назначен Э. Юстандер, занимавшийся стихотворчеством. В его стихах прослеживалось явное подражание древним хяме-финским рунам с довольно неуклюжим воспроизведением калевальской метрики. Последнее свидетельствует об академическом признании устного народного творчества как искусства со своей особой стилистикой и поэтикой. Отныне сочетание народной и книжной поэзии становится осознанной тенденцией в финской поэзии.

Эрик Юстандер (ок.1623–1678) написал стихи о свадьбе короля Швеции Карла Густава X (<http://poistyopoydelta.blogspot.ru/2012/12/luk-ijakokemus-valitty.html>).

Среди поэтов, обращавшихся к жемчужинам устного творчества финского народа, следует назвать Ю. Каянуса.

Юхана Каянус (1655–1681) – образованный и одаренный поэт, знаток философии Декарта; работал на должности экстраординарного профессора на кафедре философии университета г. Турку. Стихи Каянуса отличает религиозно-медитативное содержание (http://www.jyu.fi/taiku/aikajana/kirjallisuus/ki_re_cajanus.htm)

При рифмовании стихов поэт столкнулся со сложностями, заключавшимися в особенностях финского языка, а именно в долготе слов и неразработанности финского стихосложения. Для преодоления трудностей автор обратился к национально-фольклорной поэтике, заимствуя из нее калевальский размер и некоторые метафоры. Стихотворение «Разве ты не жалок, человек» (опубликовано в 1683 г.) звучит как фольклорное произведение. Хореические строфы напоминают калевальскую метрику. Произведение повествует о бренности бытия. Оно начинается с описания страха перед смертью, охватывающего человека на смертном одре:

Etkös ole Ihmis parca
aiwan arca,
Coscas itket ylen öitä,
Coscas suret suuttumata,
puuttumata,
Coucon mustan Murha-töitä

(*букв.*: ‘разве ты не жалок, человек, и не робок, ибо плачешь не ропща, не прекращая все ночи напролет, томясь в оковах черной Тоски-Печали’.)

Стихотворение представляет собой своего рода обозрение всей Вселенной, всего мира, который со временем тоже исчезнет. Птицы, рыбы, растительность – ничто не вечно, все быстротечно и однажды канет в вечность. Делая обзор бренности бытия, Каянус печалится по поводу того, что все погрузится в пустоту.

Каянус блестяще использует аллитерацию (**ma-**; **pu-**) и рифму (**-pi**), калевальскую метрику, которая немного изменена и представлена как хорейческая:

Mitä **ma**assa **M**atelepi,
Käwelepi,
Maaxi **mu**uttua pitäpi:
Mitä **pu**ussa pijscuttapi,
Cuiscuittapi,
Puusta **pu**dota pitäpi.

(букв.: ‘то, что ползает, ходит по земле, в землю должно превратиться: то, что на дереве живет и шепчет, должно с дерева упасть’).

Поэт виртуозно играет формами слов, например в одном четверостишии использует несколько производных словоформ от глагола *kääntyä* – *отворачиваться, поворачиваться*: *käändy* – индикатив 2-е л. ед. ч., *kääntymässä* – форма 3-го инфинитива в форме инессива, *käändymättöksi* – прилагательное с отрицательным аффиксом *-tön* в транслативе:

Kerran **käändy** **kääntymästä**,
Wäändymästä,
Käändy **käändymättömäxi**.
Käändy käskyllä cowalla,
Caickivallan,
Tyhjäxi tavattomaxi.

(<http://poistyopoydalta.blogspot.ru/2012/12/lukijajokemus-valittyy.html>)

(букв.: ‘однажды повернется отворотившись, повернется до неотвратимости, отвернется по приказу суровому Небес, обернется пустотой непривычной’).

Еще одним ярким примером сочетания авторской поэзии с фольклорным творчеством является «Радостная песнь Иисусу» (1690) М. Саламниуса.

Маттиус Саламниус (?–1691) служил священником в Ингерманландии до 1690 г., затем вернулся на Родину; превосходный знаток народной поэзии.

Бытовавшая среди народа средневековая песня-легенда подсказала этому одаренному человеку способ эпического перевоплощения библейского сюжета. С фольклором связан стиль и образный язык «Песни»: стих предельно аллитерирован, встречаются строки, в которых аллитерацией охвачены все слова (-*t*-, -*il*-, -*lu*-):

Enkeli iloita käski:
'*Tuon teille hyvän sanoman,*
Ilon ilmoitan ihanan.

(букв.: 'Ангел радостно объявил: Я несу вам хорошую весть, радостную весть сообщаю'.)

Herra suuri syntynynnä,
Läsnä luotuen lunastus...

(букв.: 'Великий господин родился, своим присутствием искупление неся').

Подобно народным рунам, рифма в «Песне» возникает случайно, непреднамеренно. Иногда Саламниус пользуется эпическими повторами, избегает детализации, излагая лишь главные детали, бегло перечисляя значимые события. По своим художественным достоинствам «Песнь» Саламниуса занимает особое место в древней финской литературе. Это первая литературная поэма.

Подводя итог, можно сказать, что во второй половине XVII в. явно ощущалась узость сфер применения финского языка, его замкнутость, незрелость. Возникшее феннофильское движение способствовало развитию языка, расширению сферы его применения. Были предприняты первые попытки перевода юридической документации. Литература стала более светской по своему характеру, при этом сохранила прочную связь с национальной фольклорной поэтикой. В это время публикуются грамматики финского языка, издаются словари, печатаются литературные произведения на финском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карху Э. Г. История литературы Финляндии. – Л.: Наука, 1979. – 510 с.
2. Karlsson F. Yleinen kielitiede Suomessa kautta aikojen. – Yleisen kielitieteen laitos, Helsingin yliopisto, Julkaisuja No. 28, 1997.
3. Lauerma P. Kansliakollegion suomentajat Ruotsin vallan aikana. – Kielikello. – № 3, 2014. – P. 20–22.

УДК 81'2:82

И. А. Гусейнова

доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка переводческого факультета МГЛУ; e-mail: ginnap@mail.ru

СРЕДСТВА ВОССОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛОРИТА В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ РЕТРОДЕТЕКТИВАХ

В статье предпринимается попытка описать жанр отечественного ретро-детektива, выделяя его жанроспецифические признаки, а также композиционные особенности. Автор описывает языковые средства, которые используются для объективации компонента *ретро*. В качестве наиболее значимых вербальных средств, формирующих компонент *ретро*, выделяются различные виды онимов, архаизмы и историзмы, сакральная лексика, реализуемая в форме предсказаний, знамений и суеверий.

Ключевые слова: жанр; ретродетектив; ретро; апеллятивность; литературный дискурс.

Guseynova I. A.

Doctor of Philology, Professor at the German Department at Faculty Translation and Interpretation; e-mail: ginnap@mail.ru

MEANS OF RESTORING HISTORICAL AUTHENTICITY IN CONTEMPORARY RUSSIAN RETRO CRIME STORIES

The article seeks to describe Russian retro crime stories in terms of its genre and compositional features and focuses primarily on linguistic means that verbalize the retro component. Special significance is attached to different types of proper names, archaic, historical and sacred words that represent predictions, omens and superstitions.

Key words: genre; retro detective prose; retro; appellation; literary discourse.

В современном гуманитарном дискурсе принято считать, что жанр детектива прочно вошел в художественную литературу, начиная с середины XIX в. Несмотря на многочисленные продолжающиеся до сегодняшнего дня дискуссии в интеллектуальной сфере о принадлежности детектива к жанру «настоящей» литературы, он прочно занимает свою нишу в тривиальной литературе, оставаясь чрезвычайно популярным в различных целевых аудиториях на протяжении длительного периода времени. Об этом свидетельствуют тиражи издаваемой продукции, многочисленные телевизионные сериалы с продолжениями, компьютерные игры, посвященные детективным расследованиям

и пр. Подобная востребованность детективного жанра объясняется следующими обстоятельствами.

Во-первых, в литературном дискурсе, который мы рассматриваем как часть мирового искусства, совершается «всемирный поворот от модернистского к современному» [7, с. 26]: если «современное» насыщено детективными историями и загадками, то это находит свое отражение, прежде всего, в массовой культуре, ориентированной на различные социумы. Одновременно «поворот», по мнению зарубежных исследователей, «пронизан» тремя основными течениями: «ремодернизмом, т. е. возвращением модернизма, ретросенсационностью и спектаклярностью» [там же]. Применительно к детективному жанру данная триада может быть конкретизирована следующим образом: детектив нередко погружает читателя в прошлое; в центре сюжета – загадочное явление, сопровождаемое размышлениями и встречами с различными людьми, имеющими прямое или косвенное отношение к загадочному событию; описание в детективном сюжете носит постановочный характер, что позволяет превратить произведение в сценарий, пригодный для театрального, кинематографического или компьютерного воплощения.

Во-вторых, многие детективные истории современных отечественных авторов по целеполаганию условно можно разделить на три большие группы: учитывающие самобытность и национальные особенности русского характера; ориентированные на воссоздание культурно-исторического колорита; охватывающие как национально-культурное своеобразие, так и исторический контекст.

В-третьих, литературный дискурс реализуется через пространство и время – две категории, определяющие существование человека, обеспечивающие одновременное взаимодействие различных типов сред: физической, мыслительной, воображаемой и аффективной. Их взаимодействие позволяет читателю осуществить увлекательное путешествие во времени, обеспечивает ему переживание определенных эмоциональных состояний и дает возможность погрузиться в определенный культурно-исторический контекст.

В-четвертых, жанр детектива не принуждает автора опираться на достоверные события и не претендует на то, чтобы текст заслуживал веры в заявленное содержание с точки зрения гуманитарных наук. Он допускает некоторую «калибровку информации» [7, с. 39] с учетом специфики целевой аудитории: массового читателя, типа среды,

определяемой для размещения детектива (печатная, телевизионная, компьютерная), авторского замысла.

В статье мы сосредоточим свое внимание на анализе современного ретродетектива с генристских (жанроведческих) позиций. Отметим, что сегодня в упомянутом жанре работают около 40 отечественных авторов. Это обстоятельство свидетельствует о динамичном развитии данного направления в литературном дискурсе.

На сегодняшний день ведется интенсивная разработка типологии детективного жанра, о чем свидетельствует возникновение новых серий. Принято различать психологический, иронический, фантастический, политический, шпионский, исторический и другие виды детектива. Описывая отечественный детектив, уместно различать произведения, которые являются «аутентичными», т. е. были созданы авторами в предыдущие столетия, и данные книги нашли свое достойное место в литературе как информационные источники, из которых современные авторы могут черпать информацию о прошлом, и современные детективы, претендующие на то, чтобы укрепить позиции детективного жанра в литературном дискурсе. Безусловно, данное замечание относится и к иным литературным жанрам, например автобиографическим рукописям. Так, К. А. Коровин [5], описывая Москву середины XVIII века отмечает, что *«тогда еще не было железных дорог, и эти крестьяне были ямщиками. Говорилось, **гоняли ямщину**»* [там же, с. 7], а младенцам давали имя первого встречного – *«первого, которого гнали в ссылку по этой дороге, Владимирке. Будто это делали для счастья – такая была примета»* [5, с. 7]. Подобный эпизод находит свое отражение и в ретродетективе Д. М. Трускиновской в эпизоде, когда главный герой Данилка неожиданно по просьбе *«невысокой девки с горящей лучиной»* [8, с. 118] становится крестным отцом новорожденного:

Неурядица у нас, молодец. Принесли младенчика крестить, крестная мать есть, а крестный батька застрял где-то, чтоб ему ни дна, ни покрышки! Сделай милость, пойди к нам в крестные отцы! – И она поклонилась в пояс [там же, с. 119].

Таким образом, современному ретродетективу свойственны черты автобиографической рукописи, которые выражаются в нем через описание времени и пространства – необходимые условия для погружения читателя в культурно-исторический контекст, точное упоминание

дат, различных *онимов*, придающих достоверность повествованию и поддерживающих интерес читателя к сюжету.

Традиционно детектив (*англ.* detective, от *лат.* detego – *раскрываю, разоблачаю*) описывает некое загадочное событие, разгадка которого сопровождается выяснением обстоятельств, имеющих отношение к происшествию. Центральным понятием детектива является преступление. Все персонажи ретродетектива условно можно разделить на несколько групп: лицо, занимающееся расследованием, например, сыщик, его помощник, консультант; детектив, сыщик-любитель и т. п.; лицо, совершившее преступление, т. е. преступник; жертва преступления, или потерпевший. Подчеркнем, что с точки зрения лингвистического жанроведения детектив может быть причислен к ретродетективу, если действие происходит на территории России и описывает события, происходившие до Октябрьской революции 1917 года.

Ретродетектив не претендует на роль исторического романа. Описываемые в нем события носят преимущественно вымышленный характер, поэтому в произведениях отсутствует богатый фактический материал, архивные сведения и документальные подтверждения. Для воссоздания широкого контекста автор ретродетектива использует языковой инструментарий, который позволяет создать историческую эпоху без исторически достоверных фактических данных. Рассмотрим далее, какие языковые средства используются для воссоздания культурно-исторического фона с тем, чтобы избежать историографического описания, не потеряв собственно исторического колорита.

На наш взгляд, воссозданию исторического колорита в ретродетективе способствует, прежде всего, применение языковых средств, служащих реализации апеллятивной функции. Напомним, что в художественном произведении функция обращения к читателю реализуется путем взаимодействия разных уровней языка, по принципу «от функции к средствам» [4, с. 11]. Апеллятивность в ретродетективе осуществляется посредством привлечения *онимов* – специфических *имен собственных*. Подчеркнем, что «онимы имеют множество подклассов, среди которых: собственные имена людей (личные имена, фамилии, патронимы, псевдонимы, прозвища); топонимы – имена разнообразных географических объектов; теонимы – имена божеств; астронимы и космонимы – имена небесных тел и зон космического пространства; зоонимы – собственные имена или клички животных» [9, с. 35]. Основная функция *онимов* состоит «в идентификации

и индивидуализации соответствующих им денотатов» [там же]. Таким образом, «идеальными идентификаторами являются имена собственные; имена, называющие единичного субъекта, их присутствие в качестве обращения заостряет целенаправленную адресованность» [4, с. 290]. Этому способствует употребление различных видов **обращений**. Например, в романе Д. М. Трускинской [8], действие которого разворачивается в Москве XVII в., для обозначения персонажей используются имена личные и обращения по признаку профессии с суффиксом *-к*, имеющим разговорную и народно-бытовую окраску: *Стенька, ярыжка, Данилка, Степка*. Для обозначения имен девушек – суффикс *-ица*, например: *Прасковьица, Дарьица, Марьица, Аксиньица, Федосьица* и др., в то время как для обращения к старшим – полные имена, например: *Устинья, Прасковья, Анисья*; при статусном обращении – имена и отчества: *Савва Протасьевич, Протасий Тихонович, Арина Протасьевна* и пр.

Анализ онимов, используемых в современных ретродетективах, свидетельствует о том, что предпочтение отдается, прежде всего, именам собственным людей и топонимам, которые, не усложняя коммуникацию с читателем, способствуют воссозданию исторического колорита.

Существенную роль в конструировании исторического колорита играют **устаревшие понятия** (архаизмы, историзмы и т. п.), присутствующие в описании бытовых деталей, моды и гастрономических блюд. Так, например, в том же ретродетективе Д. М. Трускинской упоминается **алтабас** – персидская парча, **камка** – китайская узорчатая ткань, которая была в ходу в России в XVI–XVII вв.:

Да на кой же черт боярыне, у которой полные сундуки *камки*, бархата, дорогих персидских атласов да алтабасов, из жалких кусочков собранная душегрейка? Что в этой душегрейке за тайна? [8, с. 111].

Примечательно, что устаревшие наименования иноземных тканей «вплетены» в те их разновидности, которые широко используются и в настоящее время – *бархат* и *атлас*. Подобные вкрапления не затрудняют понимание общего смысла, но одновременно воссоздают исторический быт описываемого исторического периода.

Подобный прием используется и в следующем отрывке:

Данилка редко выходил из Кремля. <...> Через Троицкие – иного рода соблазн. Троицкими воротами приезжие боярыни в гости к государыне Марье Ильинишне идут, взрослых дочек с собой берут. Там постоянно

кто-то из *верховых* женок или девок околачивается, то с одним, то с другим поручением от *верховых* боярынь. Пронесется, скользя по тропинке меж сугробов, девка в шубке внакидку, мотнет русой косой до подколенок – а парню одно расстройство» [там же, с. 14].

Научный интерес представляют лексические единицы *верх* и *верховые*, поскольку в XVII в. так обозначались царские покои в Кремле, а также все, что «связано с бытом царя и царицы, приближенных к ним лиц, бояр и боярынь» [там же, с. 284].

Приведем еще несколько подобных примеров, но уже из гастрономического дискурса: *калья* – похлебка на огуречном рассоле, с огурцами, свеклой и мясом, напоминающая по вкусу уху и считавшаяся раньше одним из праздничных блюд; *ксени* – рыбы молоки и рыба печень, а также икра; *сулейка* – винная бутылка или склянка.

Подобные тенденции отмечены нами и в дискурсе моды: *лопотина* – верхняя рваная или ветхая одежда; *волосник* – шелковая шапочка у замужних женщин, которую носили под головным убором и др. [там же, с. 284–287].

Упомянутый прием использует также В. Данилин [2; 3], вводя устаревшие понятия в контекст, ср.: «*Бывший агент был одет в белую коленкоровую рубаху с косым воротом и дымчатые плисовые штаны*» [3, с. 125]. Напомним, что под *коленкором* понимается хлопчатобумажная ткань или тонкий хлопок, который использовался для обложек книг или тетрадей, а также для одежды – мужских и женских рубашек. Обратимся к другому примеру:

Извините за беспорядок, господа, – сказал Евгений Александрович сдавленным голосом и опустил на *фаевую* козетку, стоявшую возле буфета, – вовсе не уместный здесь предмет мебелировки [там же, с. 77–78].

Данное французское заимствование *фай* служило обозначению плотной ткани с мелкими поперечными рубчиками, которая нашла свое применение в качестве мебельной обивки.

Не менее значительными является употребление глаголов, вербализующих речевые действия, относящиеся к *предсказаниям*, в том числе *предсказывать*, *предрекать*, *накликать* и др. Существенными в воссоздании культурно-исторического колорита являются эпизоды, определяющие порядок и ход действий главного героя, который обращается к популярной в прошлом форме гадания по книге. Выпадающие случайно строки превращаются для сыщика в *знамения*.

Следует отметить, что в приведенных примерах отражено представление о магической силе слова, которая «не допускает чрезмерной уверенности человека ни в прочности того хорошего, что он имеет или надеется иметь, ни в наступлении чего-то плохого» [1, с. 178].

В ретродетektивах встречаются также *греховные суеверия* [6, с. 184], к которым относится «хиромантия, поиски и собирания травы и корней в Иванову ночь, подвизывание березки и сплетание ветвей, стрижка первых волос ребенка, черная кошка на новоселье, втыкание в стену вербы, чтобы не умереть в течение года, мытье постели и платья до восхода солнца в Великий четверг и др.» [там же, с. 184]. Так, например, в украденной душегрее зашиты травы и коренья, призванные приворожить знатного молодца, доброго жениха:

Это оказался тоненький пласт бересты, в который были завернуты какие-то сухие веточки и корешки // Нет тут ничего, только эти гнусные коренья // Ты что нам за дрянь приволок?! Может, эти коренья наговоренные? Может ими порчу наводят? // Да угомонись ты. Дуры-бабы мужиков к себе так приманивают! [8, с. 247–248].

Приведем другой пример:

Взяла я у той старушки траву чистотел, и еще иных трав она добавила, отвела я Анисью в сторонку и говорю: «Возьми, свет, настаивай да и умывайся на утренней и вечерней зорях» [там же, с. 230].

В заключение подчеркнем, что в воссоздании исторического колорита в современном отечественном ретродетektиве используется довольно ограниченный набор языковых средств. Однако их широкое применение способствует выделению своеобразия исторической эпохи, адекватность их употребления формирует у читателя некоторое представление о культурно-историческом фоне. Ограниченный репертуар языковых средств упрощает коммуникацию между автором и читателем ретродетektива, усложнение которой неизбежно при использовании различных типов сред.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гловинская М. Я.* Предсказания и пророчества в русском языке // Понятие судьбы в контексте разных культур / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука. I полугодие 1994. – С. 174–180.
2. *Данилин В.* Двадцатая рапсодия Листа. – СПб.: Амфора, 2016. – 351 с. – (Сер. «Ретродетektив»).

3. *Данилин В.* Четвертая жертва сирени. – СПб.: Амфора, 2016. – 383 с. – (Сер. «Ретродетектив»).
4. *Комлева Е. В.* Апеллятивность и текст (на материале современного немецкого языка): Монография. – СПб.: Реноме, 2014. – 354 с.
5. *Коровин К. А.* Жизнь моя. Автобиографические рукописи. – СПб.: Лениздат, 2013. – 222 с.
6. *Макеева И. И.* Знамение в судьбе для человека в Древней Руси // Понятие судьбы в контексте разных культур / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука. I полугодие 1994. – С. 181–186.
7. *Смит Т.* Осмысляя современное кураторство. – М.: ад Маргинем Пресс, 2015. – 272 с.
8. *Трускиновская Д. М.* Заколдованная душегрея. – СПб.: Амфора, 2016. – 287 с. – (Сер. «Ретродетектив»).
9. *Художественный перевод: Терминологический словарь-справочник / РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания, Отд. литературоведения ; отв. ред. и сост. М. Б. Раренко.* – М.: ИНИОН РАН, 2014. – 379 с.

УДК 81'27:316.772.2

В. М. Глушак, Н. Ю. Мороз

Глушак В. М., доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка МГИМО МИД РФ; e-mail: glushakvm@mail.ru

Мороз Н. Ю., кандидат филологических наук, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: nataschamaroz@yandex.ru

СЦЕНАРИЙ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СБЛИЖЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ (на материале реалити-шоу)

В настоящей статье рассматривается тип речевого поведения, направленный на сближение коммуникантов. Данный тип речевого поведения может иметь три сценария развития: поддержание интенции сближения, усиление интенции сближения, противодействие интенции сближения. Авторами определены речевые тактики, с помощью которых реализуются сценарии речевого поведения, направленного на сближение.

Ключевые слова: речевое поведение; коммуникация; интенции; речевые тактики; устная коммуникация; повседневное общение.

Glushak V. M.

Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO MFA of Russia; e-mail: glushakvm@mail.ru

Moroz N. J.

Ph. D., Head of the Department of Professional Communication in the Field of Media Technology, MSLU; e-mail: nataschamoroz@yandex.ru

SCENARIOS OF SPEECH BEHAVIOR AIMED AT THE RAPPROCHEMENT OF THE COMMUNICANTS (a study of a reality show)

The present article considers scenarios of speech behavior aimed at the rapprochement of communicants. This type of speech behavior can have three scenarios: maintenance of rapprochement intention, reinforcement of rapprochement intention, counteraction of rapprochement intention. The focus is put on the speech tactics which serve to actualize the scenarios of speech behavior aimed at rapprochement.

Key words: speech behavior; communication; intentions; verbal tactics; oral communication; everyday communication.

Речевое поведение представляет собой совокупность речевых действий, направленных на решение общего коммуникативного намерения интерактантов. Каждый тип речевого поведения характеризуется

определенным набором речевых тактик и конкретных речевых ходов, реализация совокупной последовательности которых призвана обеспечить достижение коммуникативной цели речевого общения в зависимости от конкретной интеракции [4].

На разных этапах взаимодействия коммуникантов партнеры по коммуникации корректируют свои речевые действия в зависимости от количества целей или их приоритетности. Это становится возможным в силу того, что каждый тип речевого поведения характеризуется набором определенных тактик. В работах лингвопрагматической направленности последних лет различие типов речевого поведения базируется на интенциях адресанта и модифицируется в зависимости от характера реакции адресата [1; 3; 5; 6]. В соответствии с разработанной нами типологией, речевые действия инициатора акта коммуникации определяются одной из следующих интенций:

- поддержание адресатом интенции сближения адресанта;
- усиление адресатом интенции сближения адресанта;
- противодействие адресата интенции адресанта¹ [6].

Рассмотрим подробнее основные сценарии речевого поведения в русском устном дискурсе, направленного на сближение. При этом сценарий речевого поведения коммуникантов определяется реакцией адресата на речевые действия адресанта. Материалом для исследования послужило реалити-шоу «Дом-2» (выпуски за 2004 год) на телеканале ТНТ.

Сценарий поддержания адресатом интенций адресанта на сближение

Данный сценарий речевого поведения может быть реализован с помощью тактик совета, запроса утешения, утешения, тактики эмоциональной поддержки, сочувствия и др. Для поддержания интенции сближения коммуникантов, находящихся в фамильярных отношениях, может служить тактика совета («я рекомендую тебе, как поступить»). Рассмотрим следующую ситуацию, где три девушки обсуждают отношения одной из них с молодым человеком и дают ей совет, как правильно себя вести:

---

¹ Под речевым сближением коммуникантов мы будем понимать такие вербальные действия, интенция которых направлена на создание или соблюдение позитивного имиджа собеседника.

- Айгюн:* Ты понимаешь/ он не идет на уступки// Ни он ни ты// Вообще никак//
- Алена:* Ты высказываешь ему свою позицию/ но ты не говоришь/ а вообще кричишь на него// И он кричит//
- Виктория:* Но я же кричу не оскорбляя/ высказываю свою позицию/ а он правда просто кричит//
- Айгюн:* Да/ он кричит// Но ты лучше просто с ним разговаривай// Не кричи//
- Алена:* Знаешь как сделай/ не давай ему повода ругаться// Надо хитрее быть/ понимаешь?
- Виктория:* Да/ понимаю// Так и буду делать//¹

В данной ситуации девушка соглашается с подругами, поддерживая тем самым интенцию сближения адресанта в рамках фамильярных отношений. Девушки советуют подруге, как поступить, потому что желают ей добра. Характерными для тактики совета являются лексические маркеры ‘знаешь как сделай, я советую тебе, лучше поступи так’.

В рамках фамильярных отношений возможно **применение тактики запроса утешения** (‘я прошу, чтобы меня пожалели’), тактики утешения (‘я утешаю тебя’) и **тактики эмоциональной поддержки** (‘я поддерживаю тебя, сочувствую тебе’). Использование одной из девушек высказывания ‘мне все время плакать хочется’ косвенно призывает коммуникативного партнера к применению тактики утешения и эмоциональной поддержки, что в конечном итоге и происходит. Тактика эмоциональной поддержки выражается с помощью лексических маркеров ‘я тебя понимаю, я сочувствую тебе’. Кроме того, для тактики утешения характерно явное или косвенное побуждение, призывающее коммуникативного партнера не переживать, и аргументативное сообщение, обосновывающее это побуждение [7]:

Кристина: Ну а ты тут с кем?

Инга: Ой/ я щас не в состоянии удерживать в памяти все// Мне все время плакать хочется//

Кристина: Почему? Из-за того что Дима ушел/ да?

Инга: Угу//

---

¹ Условные обозначения:

/ – короткая пауза

// – долгая пауза

[ОБНИМАЕТ] – описание невербальных действий.

Кристина: Да/ я понимаю/ я вчера ему звонила/ он говорит/ я в гости приду//

Инга: Да он шутит //

Кристина: Ну чего ты плачешь/ вот уйдешь с проекта/ встретишь кого-нибудь// Вообще не переживай так сильно//

Инга: Угу // [УЛЫБАЕТСЯ]

Проанализируем еще одну ситуацию, типичную для варианта поддержания интенции сближения. Участники данной коммуникации – две девушки, состоящие в дружеских фамильярных отношениях:

Ольга: А тебе не обидно/ что Женька уезжает отдыхать?

Рита: Ну и пускай/ я его отпустила/ мне уже все равно//

Ольга: Я просто поняла/ только пусть это останется между нами/ я просто в такой ситуации нахожусь/ я просто поняла/ что всегда нужно рассчитывать только на себя//

Рита: Это точно//

Ольга: Вообще// [ПЛАЧЕТ]

Рита: Оль/ ну ты че? [ОБНИМАЕТ] Всё будет хорошо//

Ольга: Я сейчас в такой ситуации/ что я просто осталась одна/ мне сейчас никто не помогает// [ПЛАЧЕТ]

Рита: Оль/ ты не одна// Ты можешь на меня рассчитывать//

Ольга: Ох/ ну у меня сейчас такая ситуация/ мне негде жить// [ПЛАЧЕТ]

Рита: Правда? Оль/ ну не плачь// Поживи у меня// [ОБНИМАЕТ]

В рассматриваемом примере коммуникант Оля использует **тактику откровенности** ('я говорю это только тебе'). Тактика откровенности демонстрирует то, что коммуниканты на самом деле находятся в дружеских, доверительных отношениях. Как правило, выбор темы связан с личной жизнью человека. Лексическими маркерами тактики откровенности являются 'честно говоря, пусть это останется между нами'. **Тактика выражения эмоционального состояния** ('я выражаю то, что чувствую') может передаваться с помощью восклицательных предложения, междометий, повторов, проявления чувств. **Тактика сочувствия** ('мне тебя очень жаль') является реакцией на негативные для человека ситуации. Коммуникант использует средства, которые призваны отвлечь внимание адресата от негативной ситуации и настроить его на позитивный лад, например: 'не переживай, не плачь, все будет хорошо', а также на физический контакт – объятия, поглаживания и т. п.

Сценарий усиления адресатом интенций адресанта на сближение

Усиление интенции сближения может быть использовано адресатом в том случае, если он готов пойти на сокращение коммуникативной и физической дистанции, перейти в ситуацию интимизации. Причиной такого речевого поведения может стать возникшая симпатия между участниками коммуникации или желание коммуникантов, находящихся в фамиллярных отношениях, перейти к более интимным. Данный вариант речевого поведения, направленного на сближение, может быть реализован с помощью таких тактик, как комплимент, флирт, выражение симпатии, так называемых «ласковых обзываний» и т. п.

Основной функцией *тактики комплимента* является установление и поддержание контакта. Задача адресанта состоит в том, чтобы вызвать симпатию, расположить к себе адресата. В связи с этим отличительной чертой этой тактики следует считать явную демонстрацию интенции говорящего, его желание сказать нечто приятное собеседнику. Compliments могут быть прямые и косвенные. *Прямой комплимент* характеризуется утверждением о наличии у адресата какого-либо положительного признака, либо признанием адресанта в том, что он положительно оценивает этот признак [4]. Так, в следующем примере юноша, испытывающий симпатию к девушке, приглашает ее на свидание. Девушка принимает приглашение, и они встречаются в условленном месте:

Виктория: Ты рад?

Сергей: Очень // [СМОТРИТ НА ДЕВУШКУ]

Сергей: Сейчас ты спросишь/ почему я так на тебя смотрю?

Виктория: Ты угадал мои мысли//

Сергей: Я смотрю на тебя/ потому что ты очень красивая// Я не могу насладиться твоей красотой//

Виктория: Ты еще долго сможешь наслаждаться// Все наше общение//

Сергей: Я буду стараться продлить эти отношения/ может быть навсегда//

Виктория: Спасибо// [УЛЫБАЕТСЯ]

Основной перлокутивный эффект, который адресант ожидает от адресата в ответ на комплимент, это – принятие комплимента. Факт принятия комплимента может быть выражен как вербально, так и невербально. Наш пример демонстрирует обе эти реакции – девушка благодарит молодого человека и улыбается.

Косвенный комплимент может иметь форму вопроса, побуждения, сравнения, как в следующем примере:

Сергей: Виктория/ у меня для тебя есть подарок//

Виктория: Какой?

Сергей: Ну/ это такое// Знаешь/ оно такое стильное как ты//

Виктория: Вау // [СМЕЕТСЯ]

Тактика «ласковых обзываний» (‘я веду себя с тобой, как с близким человеком’) используется для сокращения коммуникативной и физической дистанции. Тактика «ласковых обзываний» может выражаться с помощью сюсюканья, употребления слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, сокращения физической дистанции (объятия, поглаживания, поцелуи). В качестве примера можно привести отрывок из диалога юноши и девушки, находящихся в близких фамильярных отношениях:

Ольга: Ой/ как прикольно// котенок/ ты где спрятался?

Роман: Я здесь//

Ольга: А/ вот ты где// ты мой котенок/ а я твой суслик// [ОБНИМАЮТСЯ И ЦЕЛУЮТСЯ]

Применение тактики «ласковых обзываний» помогает коммуникантам перейти из фамильярных отношений в более интимные, т. е. усилить интенцию сближения.

Сценарий противодействия адресатом интенциям адресанта на сближение

Противодействие в сторону дистанцирования может быть использовано адресатом в случае, когда он готов идти на ухудшение отношений со своим собеседником. Причиной такого варианта речевого поведения является нежелание адресата поддержать интенцию сближения. Коммуникация развивается таким образом, что адресант использует фамильярное речевое поведение, а адресат – агрессивное речевое поведение. Продемонстрируем реализацию противодействия адресата интенции сближения адресанта на следующем диалоге:

Антон: Алена/ давай поговорим / я буду в домике//

Алена: Я и здесь могу с тобой поговорить//

Антон: Я не хотел бы при всех разговаривать//

Алена: [ДЕЛАЕТ ВИД, ЧТО НЕ СЛЫШАЛА]

Антон: Я не хочу при всех разговаривать// Я там тебя жду//

Алена: Я не буду/ Антон/ за тобой бегать// [КРИЧИТ] И разговаривать с тобой я не буду// [УХОДИТ]

Данный вариант речевого поведения реализуется с помощью различных тактик, направленных как на сближение, так и на дистанцирование коммуникантов. Собеседники находятся в ссоре, и один из коммуникантов с помощью *тактики призыва к совместному действию* ('я предлагаю тебе сделать что-то вместе') демонстрирует готовность к сближению. Эта тактика может выражаться с помощью употребления формообразующей частицы давай. Адресат, в свою очередь, использует *тактику игнорирования* ('я игнорирую тебя') и *тактику разрыва контакта* ('я не хочу общаться с тобой'), характерных для типа речевого поведения, направленного на дистанцирование. Тактика игнорирования может выражаться молчанием; тактика разрыва контакта ведет к прекращению коммуникации: коммуникант уходит или собирается уходить, заявляет о нежелании продолжать общение и т. п.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Тип речевого поведения, направленный на сближение, может иметь три сценария: поддержание адресатом интенции сближения адресанта, усиление адресатом интенции сближения адресанта, противодействие адресата интенции сближения адресанта. Первый вариант речевого поведения осуществляется с помощью тактик совета, запроса утешения, утешения, сочувствия, эмоциональной поддержки партнера. Второй вариант – усиление адресатом интенции сближения адресанта (интимизация) – может быть реализован тактиками, как *комплимент* и *ласковые обзывания*. Для воплощения третьего варианта – противодействия адресата интенции сближения адресанта – могут служить тактики, направленные как на сближение коммуникантов, так и на их дистанцирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глушак В. М. Дискурсивная парадигма речевого поведения. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2006. – 166 с.
2. Глушак В. М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения (на материале немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук. – М.: МГЛУ, 2010. – 430 с.
3. Земская Е. А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка: язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 131–136.

4. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М. : URSS, 2006. – 284 с.
5. *Ларина Т. В.* Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур): дис. ... д-ра филол. наук. – М. : РУДН, 2003. – 495 с.
6. *Соловьева И. В.* Репрезентация категории вежливости в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. – М. : МГЛУ, 2000. – 196 с.
7. *Федосюк М. Ю.* Исследование средств речевого воздействия и теории жанров речи // *Жанры речи: сб. науч. статей.* – Саратов: Саратовск. гос. ун-т., 1997. – С. 66–88.

УДК 81'2

В. А. Денисова

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
аспирант Свободного Университета Амстердама;
e-mail: denisova_valeriya@bk.ru

О ВЗАИМОСВЯЗИ ПОНЯТИЙ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ И СОБЫТИЙНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

В статье представлен обзор основных проблем аспектологии на современном этапе развития лингвистики. Рассматривается взаимосвязь понятий аспектуальности и событийности в контексте появления когнитивных теорий, с одной стороны, и исследования естественного общения с учетом его полимодальности – с другой. Отмечается, что изучение аспекта в наши дни выходит за пределы исключительно грамматического описания данного явления и заставляет по-новому взглянуть на проблемы аспектологии.

Ключевые слова: аспектуальность; аспект; вид; акциональность; событие; полимодальность; конструирование события.

Denisova V. A.

Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics,
MSLU; Postgraduate student, VU Amsterdam; e-mail: denisova_valeriya@bk.ru

REVIEW OF THE INTERRELATION BETWEEN ASPECTUALITY AND EVENTS IN LINGUISTIC STUDIES

The article represents a review of contemporary problems of aspectology. The relations between aspectuality and event theory are considered within the framework of the evolving cognitive theories and modern multimodal research of communication. It is also noted that today works in aspectology are written outside the scope of purely grammatical research, thus, they give a new perspective on the phenomenon.

Key words: aspectology; aspect; Aktionstart; event; multimodality; event construction.

Лингвисты, принадлежащие к разным школам и течениям, не раз обращались к проблемам аспектологии. Сегодня существует немало работ, в которых на материале различных языков рассматриваются понятия «аспект» и «вид» [2; 7; 9]. В последние годы исследователи, выходя за пределы собственно грамматического описания языка, всё чаще связывают аспектуальность со структурой события [12; 14; 29].

---

¹ Исследование выполнено в МГЛУ при поддержке РНФ (грант № 14-48-00067).

Подобный подход позволяет соотносить употребление определенных грамматических форм (в частности, видо-временных форм глагола) с тем, как конструируются те или иные процессы, действия и состояния в конкретном акте коммуникации. Задача данной статьи – представить общий обзор подходов к явлениям аспектуальности и событийности с тем, чтобы определить вопросы, получившие наиболее подробное освещение в традиционной лингвистике, а также показать, какие проблемы требуют более пристального внимания в контексте наблюдающейся тенденции исследовать естественное общение с учетом его полимодальности.

В аспектологии существует целый ряд терминов, употребление которых варьирует в зависимости от различных факторов. Важно учитывать традицию, в рамках которой рассматривается данное явление, а также особенности анализируемого языкового материала. К основным терминам аспектологии следует отнести такие понятия, как «аспектуальность», «вид», «аспект» и «акциональность», некоторые из которых употребляются как синонимы, что может привести к неверной интерпретации работ, написанных в иной традиции. Таким образом, одной из основных проблем современной аспектологии является систематизация терминов в данной области.

Термин *аспектуальность*, который является наиболее общим, определяется как функционально-семантическая категория, «содержанием которой является характер протекания действия, а выражением – морфологические, словообразовательные и лексические средства при участии некоторых синтаксических элементов предложения» [3, с. 50]. Таким образом, аспектуальность включает в себя не только грамматические, но и лексические элементы, которые представляют способы протекания действия во времени.

В работах отечественных авторов (А. В. Бондарко, Ю. С. Маслов, А. В. Плунгян, Е. В. Падучева), в которых наиболее частотным является термин «вид», основное внимание уделяется грамматическим формам глагола как средству передачи аспектуальности в языке [2; 5; 7; 8].

В случае, если анализу подвергаются не только славянские, но и другие языки, исследователи используют термин «аспект», который также является основным понятием в исследованиях зарубежных авторов, например, в работах Б. Комри, Л. Янда, Ф. Паррилл и др. [17; 26; 32]. При этом в некоторых из них отмечается, что

понятие «aspect» впервые появилось в западноевропейской лингвистике в 30-е гг. XIX в. именно как эквивалент русского грамматического термина «вид» [7]. Термин «аспект» используется в работах исследователей в двух значениях: во-первых, он может употребляться как синоним общего термина «аспектуальность» [15]; во-вторых, может использоваться для обозначения самой грамматической категории, а также, в более узком смысле, для членов грамматической категории [5].

Таким образом, термин «аспект», который является более частотным в англоязычной традиции, шире, чем отечественный термин «вид», и используется на материале большего числа языков. Несмотря на то, что некоторые зарубежные исследователи говорят о делении аспекта на грамматическую и лексическую составляющие [15], большая часть работ основана на сугубо грамматическом разграничении перфектного и неперфектного аспекта [17; 18]. Также следует отметить, что, анализируя данную категорию на материале русского языка, зарубежные исследователи используют термин «аспект» [17; 25].

Необходимо подчеркнуть, что в отдельных зарубежных работах уделяется внимание лексической составляющей аспекта, в частности, в исследованиях, выполняемых на материале немецкого языка, где важное место занимают лексико-семантические особенности глагола. Одним из исследователей, изучающих проблему лексического аспекта, является Х. Филипп, которая анализирует данный вопрос как на материале английского языка, так и в конструкциях, свойственных немецкому языку [22; 23; 24]. В подобных работах также используются понятие «акциональность» и немецкий термин *Aktionsart*, который в переводе означает «способ действия». Термин «акциональность» был впервые предложен немецким лингвистом К. Бругманом в качестве синонима категории вида [5]. Позже, в 1908 г., шведский лингвист С. Агрелль определил акциональность как «семантические функции приставочных глаголов ... уточняющие, как именно совершается действие, отличающее способ выполнения этого действия» [11, с. 669].

Современные исследователи нередко трактуют акциональность как лексический, или внутренний аспект, противопоставляя его грамматическому, или внешнему аспекту [17]. Интересна точка зрения Б.Комри, который не столько противопоставляет, сколько связывает эти два понятия, подчеркивая, что аспект является

грамматикализацией семантических признаков, а акциональность представляет собой лексикализацию этих признаков [2].

По нашему мнению, при описании аспектуальности необходимо учитывать не только грамматические, но и лексико-грамматические характеристики форм, выражающих категорию аспекта. Такой подход имеет особое значение для русского языка, где, с одной стороны, регулярность видо-временных форм глагола свидетельствует о наличии грамматической категории аспекта в языке, а с другой – использование приставок для построения форм совершенного вида заставляет задуматься о значимости лексической составляющей аспекта.

Еще одной проблемой аспектологии, которая исследуется в работах как отечественных, так и зарубежных авторов, является определение ведущих параметров для объяснения сущности аспекта. Данная категория рассматривается как совокупность свойств ситуации, вербализованной теми или иными аспектуальными формами. В отечественной традиции исследователи анализируют прежде всего такие параметры ситуации, как связь со временем, целостность, процессуальность и предельность.

Отечественные и зарубежные исследователи выделяют временной параметр в качестве ведущего [2; 5; 9]. Так, А. М. Пешковский пишет, что «категория вида обозначает, как протекает во времени или как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола» [9, с. 105]. Особое значение времени и его тесную связь с категорией аспекта подчеркивает в своих работах и Ю. С. Маслов, отмечая, что вид связан с «внутренней темпоральной структурой» времени, т. е. с тем, как оно понимается говорящим [5]. На временной параметр также указывает Б. Комри, по мнению которого члены видовой оппозиции определяются как разные способы видения внутреннего темпорального строения ситуации [17]. Таким образом, категория вида показывает, как тот или иной процесс распределяется во времени с точки зрения говорящего.

Параметр целостности выделяется в рамках видовой оппозиции, которая в зарубежной терминологии носит название оппозиции перфективации (перфект vs. имперфект) [5]. На основании признака целостности А. Бондарко проводит грань между членами данной оппозиции: «совершенный вид обозначает действие как неделимое целое, тогда как несовершенный вид не содержит в своей семантике указание на целостность действия» [2, с. 11]. При этом исследователь

замечает, что данный критерий нельзя считать единственным при разделении членов оппозиции, и подчеркивает, что глаголы несовершенного вида обладают способностью выражать действие как процесс, в то время как глаголы совершенного вида не могут выразить действие в процессе его протекания.

В отечественных исследованиях особое внимание уделяется также признаку предельности. В частности, Ю. С. Маслов отмечает, что в основе оппозиции совершенного и несовершенного видов находятся предельные глаголы, причем «совершенный вид сигнализирует достижение предела и, в силу этого, представляет действие в его неделимой целостности, а несовершенный вид нейтрален к признаку достижения предела, а также к признаку целостности» [5, с. 500].

Таким образом, для отечественных исследователей важны, прежде всего, характеристики действия, которые выражены глаголом в той или иной форме. При этом отмечается, что глаголы совершенного вида, в отличие от глаголов несовершенного вида, выражают целостное, законченное действие.

Важно отметить, что в зарубежной лингвистике аспект нередко анализируется через призму событийности. Так, Б. Комри обращает внимание на то, что с помощью перфектной формы говорящий конструирует целостное событие, как бы рассматривая его со стороны, при этом имперфектная форма глагола подчеркивает внутреннюю структуру события, показывая взгляд на него изнутри [17]. Следовательно, выбор формы глагола зависит от того, под каким углом зрения рассматривается вербализованное глаголом событие. Идея о том, что перфектные и неперфектные глаголы представляют две различные точки зрения (перспективы) на процессы, описываемые глаголами в той или другой аспектуальной форме, заложена в самой этимологии термина «аспект», который восходит к латинскому *aspectus*, обозначающему «взгляд», «точка зрения». Иными словами, аспект – это наш взгляд на мир и, соответственно, на события, происходящие в нем.

При изучении проблем аспектологии важно учитывать различия в трактовке события, существующие в современных лингвистических школах. В отечественной традиции оно рассматривается как важнейшая онтологическая категория. Так, по мнению Н. Д. Арутюновой, события «нельзя не заметить», они являются «поворотными пунктами на жизненном пути»; событие – это «зарубка на шкале жизненных уровней, отмечающая высоту взлета и глубину падения» [1, с. 172].

Таким образом, в исследовании Н. Д. Арутюновой подчеркивается, что важнейшим параметром события как онтологической категории является оценочный признак его значимости (см. также [4]). Вслед за Н. Д. Арутюновой признак значимости подчеркивает и В. Руднев: «для того чтобы происходящее могло стать событием, оно должно стать для личности-носителя сознания чем-то из ряда вон выходящим, более или менее значительно меняющим его поведение либо в масштабе всей жизни, либо какой-то ее части» [10, с. 27]. Подобная идея выражена в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, где «событие» определяется, как «то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни» [6, с. 739].

В зарубежной традиции понятие «событие» рассматривается более широко: событием считается любое действие, процесс, состояние. Так, согласно Дж. Киму, «событие» включает в себя всё, что «происходит с предметами» [27]. Более того, исследователь полагает, что на начальном этапе описания теории событий не следует разграничивать понятия «событие» (*event*) и «состояние» (*state*), отмечая при этом, что в философии термин «событие» традиционно используется в широком смысле, т. е. включает в себя состояния [28].

При широком подходе событийность рассматривается в качестве одной из ведущих лексико-грамматических характеристик глагола, а в основе разграничения аспектуальных форм становится тип события. Наиболее известной классификацией событий является типология З. Вендлера, которая также применяется для разграничения классов глаголов (см. труды Е. В. Падучевой).

В основе классификации З. Вендлера лежат два критерия: возможность употребления глагола в продолженной форме (*continuous*) и сочетаемость с инклюзивными обстоятельствами времени, обозначающими период, в течение которого происходит событие, как, например, *in twenty minutes* (за двадцать минут). Использование таких обстоятельств выдвигает на первый план предельность описываемого события. Автор подчеркивает, что он рассматривает глаголы в их основном значении, поскольку один и тот же глагол может быть отнесен к разным классам в зависимости от контекста [34].

З. Вендлер выделяет четыре класса глаголов: деятельности (*activities*), достижения (*achievements*), совершения (*accomplishments*), и стативы (*states*) [8; 34].

Согласно З. Вендлеру, глаголы деятельности представляют собой действия, которые длятся некоторое время, но не имеют определенного времени завершения (*to run, to push a cart*). Эти глаголы могут употребляться в продолженной форме, но они не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени. В частности, предложение *he was running for half an hour* имеет право на существование, в то время как в сочетании с обстоятельством *in twenty seconds* глагол *to run* не употребляется, и означает, что такие события являются неопредельными [34].

Совершения, как и деятельности, могут употребляться в продолженной форме, и представленные ими события длятся в течение некоего периода, но имеют определенное время завершения действия (*to draw a circle, to run a mile*), что обуславливает их предельность [34].

Глаголы третьего и четвертого класса (достижения и стати́вы), в отличие от деятельностей и совершений, не употребляются в продолженной форме, однако события, описанные с их помощью, по-разному распределяются во времени.

Достижения можно назвать мгновенными действиями: они завершаются в определенный момент, не длятся во времени (*to reach the top*) и могут использоваться с инклюзивными обстоятельствами времени, т. е. являются предельными.

Стативы не подразумевают изменения действия в течение того времени, пока оно происходит (*to love*), что означает невозможность сочетания стативов с инклюзивными обстоятельствами времени и неопредельность события [34].

Классификация З. Вендлера неоднократно пересматривалась разными авторами. Например, Д. Доути расширяет классификацию З. Вендлера, добавляя подвиды глаголов в зависимости от наличия у них агентивного подлежащего [20]. Е. Бах, в свою очередь, предлагает собственную классификацию, которая во многом пересекается с классификацией З. Вендлера, и выделяет у достижений подклассы [12]. Еще один исследователь, А. Мурелатос, включает классификацию событий в более общую классификацию ситуаций и дает свои названия классам [30]. При этом следует отметить, что большинство исследователей выделяют в английском языке глаголы состояния (*stative*) и глаголы действия (*non-stative*) [12; 20; 28; 30; 33]. Так, например, Х. Дж. Веркюль и Р. Джэкендофф говорят о том, что

события можно классифицировать по признаку наличия или отсутствия четкой границы завершения [25; 35], вследствие чего исследователи объединяют деятельности и стивы, в которых нет четкой границы завершения, в одну группу, в то время как в другой группе оказываются совершения и достижения, имеющие четкие границы.

В исследованиях последних лет классификация событий применяется не только к описанию свойств отдельных глаголов, но и к коммуникации в целом. С развитием когнитивной лингвистики подчеркивается, что типы событий, выделенные З. Вендлером, могут рассматриваться как способы ментального конструирования ситуаций, которые следует изучать на материале устных нарративов, т. е. в естественной коммуникации.

Современные исследователи, выходя за пределы грамматического описания в дискурс, изучают грамматические категории, в том числе и категорию аспекта в полимодальном контексте. Так, А. Ченки подчеркивает, что при анализе реальной коммуникации необходимо рассматривать не только вербальные, но и невербальные средства общения, которые помогают проникнуть в суть процесса концептуализации физических объектов и абстрактных идей говорящим. В связи с этим в когнитивной лингвистике особое место занимает изучение жестов, сопровождающих речь [16]. Так, например, в работе Ф. Паррилл и др. [32] на материале английского языка анализируется связь аспекта и жестов. С. Дункан рассматривает различия между категорией аспекта в английском и китайском языках, также анализируя не только речь, то и жестовую составляющую [21].

Для исследования жестов, сопровождающих глагол, особое значение имеет работа А. Ченки, Р. Беккера и др., посвященная анализу внутренней структуры события по тому, как его конструирует говорящий. Лингвисты стремятся выявить связь между классами событий, выделенными З. Вендлером, и особенностями жестов, коррелирующих с ними [13].

В рамках исследования рассматриваются устные нарративы, которые представляли собой рассказы участников эксперимента, записанные на видеокамеру. Проанализировав полученные данные, лингвисты не обнаружили четкой корреляции между типами жестов и событийными классами, выделенными З. Вендлером, однако было замечено, что глаголы, относящиеся к классу «достижения», чаще

используются с так называемыми точечными жестами. Данный факт, по мнению исследователей, подтверждает предположение о том, что подобные события воспринимаются говорящим как мгновенные действия, не длящиеся во времени.

Далее, на основе полученных результатов лингвисты провели второе исследование, цель которого состояла в том, чтобы выявить, влияет ли наличие согласования между глаголом и сопровождающим его жестом на понимание речи. В ходе второго эксперимента участникам было предложено просмотреть несколько коротких видео, часть из которых представляли собой оригинальные отрывки из записанных ранее устных нарративов. Некоторые видеофрагменты были изменены: например, глагол несовершенного вида сочетался с точечным жестом. Фиксируя скорость ответов на ряд вопросов, ученые установили, что использование имперфектных глаголов с точечными жестами затрудняет понимание фрагмента, что доказывает влияние жестов на понимание речи.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что категория аспекта представляет интерес не только для традиционной грамматики, но и для когнитивной лингвистики, так как она играет особую роль в полимодальном конструировании событий.

Несмотря на то, что результаты исследования указывают на соответствие между достижениями и точечными жестами, не было обнаружено четкой корреляции между всеми аспектуальными классами и характером жестов, что, по-видимому, связано с комплексным характером событий в реальной коммуникации, о чем пишет Т. ван Дейк [19].

Кратко остановимся еще на одном экспериментальном исследовании, которое позволило выявить связь между событийностью, аспектуальностью и жестами. В ходе этого исследования, проведенного К. Мюллер, были проанализированы диалоги на немецком и испанском языках. В общей сложности рассматривалось 647 жестов, которые соотносятся с глаголами, вербализующими то или иное событие. В работе изучались схемы использованных жестов, соотнесенные с аспектуальными схемами глаголов. Было выделено несколько жестовых схем, различающихся по наличию или отсутствию четкой границы жеста [31] и коррелирующих с признаком «наличие или отсутствие границы завершения действия» в аспектуальной семантике [35]. Впервые в данном исследовании выражается мысль о том, что

ментальное конструирование событий может передаваться в жестовых схемах, однако данная идея нуждается в дальнейшей конкретизации на материале различных языков, типов дискурса и ситуаций.

В целом, обзор научной литературы по вопросам, связанным с категорией аспекта, показал, что с развитием когнитивных идей в лингвистике проблематика аспектуальности существенно расширилась. В настоящее время внимание многих ученых направлено на изучение полимодальности коммуникации, и, следовательно, грамматические категории изучаются с учетом жестовой составляющей. Особый интерес представляет соотношение аспектуальности и процессов конструирования событий в естественном полимодальном дискурсе. В связи с этим представляется важным учитывать разнообразие проявлений аспектуальности и особенности корреляции глаголов с жестами в разных языках, а также характер конструирования событий в конкретных актах коммуникации, в частности в устных нарративах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола. – М.: Просвещение 1971. – 239 с.
3. *Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967. – 190 с.
4. *Ирисханова О.К.* Семантика событийных имен существительных в языке и речи: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 200 с.
5. *Маслов Ю. С.* Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки Славянской Культуры, 2004. – 840 с.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1996. – 928 с.
7. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 672 с.
8. *Падучева Е.В.* Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – С. 3–21.
9. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
10. *Руднев В.* Феноменология события // Русский язык. – 1992. – № 2. – С. 226–228.

11. *Тихонов А. Н.* Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: в 2 т. – М.: Флинта, 2014. – Т. 1. – 815 с.
12. *Bach E.* On Time, Tense, and Aspect: An Essay in English Metaphysics// *Radical Pragmatic* / ed. C. Peter. – N. Y.: Academic Press, 1981. – P. 63–81.
13. *Becker R. et al.* Speech and gesture // *Proceedings of GESPIN 2011: Gesture and speech in interaction* / ed. C. Kirchhof, 2011. – 5 p.
14. *Bergen B., Lichtenstein P., Parrill F.* Expanding the Space of Cognitive Science // *Proceedings of the 33rd Annual Meeting of the Cognitive Science Society.* – Boston: Massachusetts, 2011. – P. 3223–3228.
15. *Blinnick R. I.* Introduction // *The Oxford Handbook of Tense and Aspect* / ed. R. I. Binnick. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 3–59.
16. *Cienki A.* Cognitive Linguistics: Language and gestures as expressions of conceptualization // *Body–Language–Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction* / eds. C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill & S. Teßendorf. – Berlin: de Gruyter Mouton, 2013. – Vol. 1. – P. 182–201.
17. *Comrie B.* Aspect. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 142 p.
18. *Dahl Ö.* Tense and aspect systems. – Oxford: Blackwell, 1985. – 213 p.
19. *Dijk T. A. van.* Text and context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. – London: Longman, 1977. – 261 p.
20. *Dowty D.* Word Meaning and Montague Grammar. – Dordrecht: Reidel, 1979. – 418 p.
21. *Duncan S. D.* Gesture, verb aspect, and the nature of iconic imagery in natural discourse // *Gesture.* – № 2 (2). – 2002. – P. 183–206.
22. *Filip H.* Aspectual class and Aktionsart // *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning* / ed. C. Maienborn, K. von Stechow & P. Portner. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. – P. 1186–1217.
23. *Filip H.* Aspectual properties of the AN-construction in German // *Tempus–Aspekt–Modus. Die lexikalischen und grammatischen Formen in den germanischen Sprachen* / eds. W. Abraham & T. Janssen. – Tübingen: Niemeyer, 1989. – P. 259–292.
24. *Filpp H.* Lexical Aspect // *The Oxford Handbook of Tense and Aspect* / ed. R. I. Binnick. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 721–751.
25. *Jackendoff R.* Semantic Structures. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990. – 323 p.
26. *Janda L., Lyashevskaya O.* Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense, and mood in Russian // *Cognitive Linguistics.* – № 4 (22). – 2011. – P. 719–763.
27. *Kim J.* Events and their descriptions: some considerations // *Essays in honor of C. G. Hampel* / ed. N. Rescher. – Dordrecht: Reidel, 1969. – P. 198–216.

28. *Kim J.* Events as Property Exemplifications // *Action Theory* / eds. M. Brand and D. Walton. – Dordrecht : Reidel, 1976. – P. 117–135.
29. *Madden C. J., Zwaan R. A.* How does verb aspect constrain event representations? // *Memory & Cognition*. – 2003. – Vol. 31 (5). – P. 663–672.
30. *Mourelatos A.* Events, Processes, and States // *Syntax and Semantics* / eds. P. Tedeschi and A. Zaenen. – N. Y. : Academic Press, 1981. – Vol. 14. – P. 191–212.
31. *Müller C.* Beredete Hände. Theorie und Sprachvergleich redebegleitender Gesten // *Körperbewegungen und ihre Bedeutungen* / eds. Thomas Noll and Caroline Schmauser. – Berlin : Berlin Verlag, 1998. – P. 21–44.
32. *Parrill F., Bergen B. K. and Lichtenstein P. V.* Grammatical aspect, gesture, and conceptualization: Using co-speech gesture to reveal event representations // *Cognitive Linguistics*. – 2013. – Vol. 24 (1). – P. 135–158.
33. *Tenny C., Pustejovsky J.* A History of Events in Linguistic Theory // *Events as Grammatical Objective. The Converging Perspectives of lexical semantics and syntax* / eds. C. Tenny and J. Pustejovsky. – US : CSLI Publications, 2000. – P. 3–38.
34. *Vendler Z.* Verbs and Times // *The Philosophical Review*. 1957. – Vol. 66 (2). – P. 143–160.
35. *Verkuyl H. J.* On the Compositional Nature of the Aspects. – Dordrecht : Reidel, 1972. – 184 p.

УДК 81.42

Е. Ф. Косиченко

доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры второго иностранного языка МГЛУ; e-mail: ekosichenko@gmail.com

ЛИЧНОЕ ИМЯ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье осуществляется анализ случаев использования личных имен в художественном тексте с целью определения их как важных средств объективизации языкового опыта человека. Отмечается, что в фикциональном мире литературного произведения употребление личных имен протекает по правилам «живого» языка, что позволяет, с одной стороны, продемонстрировать особую значимость личного имени в жизни общества и отдельных индивидов, а, с другой – показать, что именно в литературе часто вербализуется неосознаваемый опыт людей.

Ключевые слова: имя собственное; номинация; коммуникативное событие; художественный дискурс; языковое сознание; культура.

Kosichenko E. F.

Ph. D., Professor at the Department of Second Foreign Languages, MSLU;
e-mail: ekosichenko@gmail.com.

PERSONAL NAMES AS MEANS OF MANIFESTING LANGUAGE EXPERIENCE IN FICTION

The article analyzes personal names used in fictional texts with a view to defining them as important means of manifesting people's language experience. It is stressed that in the imaginary world of fiction personal names function according to the rules of human language. Thus, works of literature reveal the role personal names play in the life of society and individuals and verbalize the daily intuitive experience of people.

Key words: personal name; nomination; communicative event; narrative; linguistic consciousness; culture.

Пространство художественного текста неоднородно во многих отношениях и особенно интересно тем, что сочетает в себе мир вымышленный и мир реальный. Изучение литературных произведений с точки зрения их ономастической организации показывает, что в фикциональном мире номинативные процессы осуществляются в соответствии с правилами, действующими в живом языке. Особенностью является то, что в художественном тексте часто акцентируются некоторые основания именования и те особенности взаимодействия

человека с именем, которые остаются неосознанными в действительности. Главным образом это касается личного имени, справедливо названного первым звеном структуры самосознания человека и являющегося тем катализатором, который содействует накоплению положительных эмоций, обращенных к человеку с первых дней его появления на свет, и способствует формированию базового доверия к людям и ценностного отношения к самому себе [2].

Личное имя имеет безусловное первенство относительно других средств именованности с точки зрения его важности в жизни человека. В то время как фамилия – это прежде всего социальный знак и способ соотнесения человека с некоторым сообществом людей, личное имя – это средство его индивидуализации и самоидентификации. В приводимом ниже отрывке персонаж романа Г. Грина «Человек внутри» размышляет о том, что *Элизабет* – единственное возможное имя для героини книги, поскольку фамилия привязывает ее к земле:

Do you know they gave you a surname in Court. It seemed so strange that you should have any other name than Elizabeth. A surname seems to tie you down to earth. I've already forgotten it' [10, с. 167].

В контексте значимости личного имени для человека справедливым представляется также мнение о том, что присваивая ребенку имя, родители задают ему определенную идентичность, которая получает свое дальнейшее развитие и наполняется новым содержанием в процессе социализации индивида [1]. С этой точки зрения люди с одинаковыми именами должны либо обладать схожими чертами, либо полагать, что в общности этого имени есть нечто объединяющее всех его носителей, как это видно из следующего примера, где персонаж убежден в том, что все *Адрианы* известны своей рассеянностью:

I'm afraid neither of us was looking where we were going. We Adrians are notoriously abstracted, are we not? [8, с. 57].

В разных культурах с использованием личных имен связаны определенные правила, которые строго определены, но формально нигде не закреплены, поэтому, взаимодействуя с личными именами, люди полагаются на имеющийся у них социокультурный опыт. Данный опыт может приобретаться осознанно или интуитивно еще в детском возрасте. В следующем отрывке английский автор Р. Брэдбери использует личное имя *Helen*, чтобы продемонстрировать, каким образом та информация представлена в сознании ребенка:

‘Don’t you believe *they called me Helen?*’ said the old lady. ‘*I didn’t know old ladies had first names,*’ said Tom blinking. Mrs. Bentley laughed dryly [6, с. 90].

В англоязычных культурах использование личного имени сродни обращению на «ты» в русском языке, и в большинстве случаев свидетельствует о некоторой близости между людьми и общности их интересов, либо предполагает наличие некоторого знания (как правило, тайного), их объединяющего. Из приводимого ниже отрывка ясно, что таким сближающим фактором является секрет, известный только двум людям и задающий параметры их общения, в рамках которого снимаются барьеры, накладываемые культурой на отношения статусного неравенства (цитируемые слова принадлежат человеку, стоящему на более высокой социальной ступени):

Sit down. *We are conspirators, you and I, and we must be friendly. From now on, you are Eugenia to me when we’re alone, and I am Janus to you* [5, с. 20].

Таким образом, использование личного имени в англоязычных культурах является свидетельством особых межличностных отношений. Данный тип отношений всегда имеет под собой основания, приемлемые для данного социума, в обратном случае он недопустим.

Рассмотрим еще один пример, демонстрирующий, что использование имени в адрес коллеги может вызвать предположение о неформальных отношениях. Цитата содержит комментарий человека по поводу того, что его коллега, девушка по имени *Синтия*, употребила личное имя *Артур* в адрес другого коллеги, Артура Дейвиса. Данное «происшествие» вызывает недоумение, вследствие которого возникает вопрос, не является ли это знаком сблизившихся между Артуром и Синтией отношений:

‘Arthur is not well. Colonel Daintry wants to see you.’ For a moment *Castle wondered who the hell Arthur was; he was unused to thinking of Davis as anyone but Davis. Was Cynthia, he wondered, beginning to yield at last to the long siege? Was that why she now used his Christian name?* [9, с. 118].

Идея о том, что использование личного имени свидетельствует о близости между людьми, акцентируется также в следующем примере:

Kiss me, will you. Stop defending yourself. *Kiss me and call me by my name* [12, с. 185].

Напротив, недоверие одного человека к другому может послужить причиной для отказа от использования имени собеседника. В следующем отрывке персонаж сначала отказывается своему новому знакомому в праве называть себя по имени, но позже, вступив с ним в финансовый сговор, позволяет обращаться к себе по имени *Clay*:

‘Relax, Mr. Carter. Can I call you Clay?’ ‘Not yet.’ <...> ‘You can call me Clay now.’ ‘Thanks, Clay’ [11, с. 89, 94].

Исторически личное имя было наделено сакральной значимостью. Знать чье-либо имя означало иметь доступ к его носителю, поэтому у некоторых народов подлинное имя держалось втайне от посторонних, чтобы обезопасить человека от вредоносных магических действий [3; 4; 7]. В документах зафиксированы случаи, когда наречение новорожденной девочки именем, к примеру, покойной сестры приводило также к ее гибели, в то время как своевременная перемена имени спасала младенца [13]. Несмотря на то, что в большинстве современных культур имя все же утратило ауру таинства, авторы произведений художественной литературы довольно часто обращаются к мифологической его стороне, подчеркивая духовность и сакральность:

‘Good night, Maurice.’ The use of the name was a sign of love. Endearments – dear and darling – were everyday currency to be employed in company, but a name was strictly private, never to be betrayed to a stranger outside the tribe [9, с. 63].

Идея об эзотерической природе личного имени, его особой значимости в жизни человека реализуется в целом ряде произведений. Обратимся к роману М. Ондатже «Английский пациент», где значение имени является средством создания художественных образов, определяет развитие сюжета и способствует реализации идейного содержания книги. Интерпретация такого произведения требует определенного языкового опыта, приобретенного в данном сообществе людей.

В первой главе читатель знакомится с двумя главными героями – молодой медсестрой и ее пациентом, предположительно англичанином, получившим множественные ожоги тела, в том числе лица, которое невозможно распознать. События романа относятся к весне 1945 г., место действия – вилла в Италии, до некоторого времени служившая военным госпиталем, а на момент повествования – прибежищем для девушки и ее пациента, не пожелавших покинуть здание. Важным приемом создания интриги является то, что автор

сначала вовсе не называет своих персонажей по именам, используя местоимение *she* для референции к девушке и указатели *he* и *the English patient* для пострадавшего мужчины. В начале второй главы повествование выстраивается вокруг еще одного персонажа, который тоже находится в больнице, но в Риме. Поначалу его имя также не раскрывается и особо отмечается его желание сохранять свое инкогнито:

During all that time he had never spoken, communicating by signals and grimaces, now and then a grin. *He had revealed nothing, not even his name*, just wrote out his serial number, which showed he was with the Allies [12, с. 29].

Случайно услышав историю о девушке и обгоревшем английском пациенте, а также имя девушки, персонаж немедленно выясняет их местонахождение и отправляется на поиски:

But now walking past the group of doctors in the hall, *he heard the woman's name*, and he slowed his pace and turned and came up to them and asked specifically which hospital she was working in [там же, с. 30].

Прибытие данного персонажа на заброшенную виллу и встреча с молодой медсестрой становится моментом их идентификации, когда читатель узнает его фамилию – *Караваджо* и ее личное имя – *Ханна*, и некоторые загадки находят ответы. В частности, становится понятным, почему Караваджо среагировал на имя молодой женщины: имя *Ханна* (Hana, Hanna, Hannah – др.-евр. вариант распространенного в Европе латинизированного имени Анна [4]) является обычным для англоговорящих стран, но в Италии становится узнаваемым, приобретает знаковую ценность. Установление имен двух персонажей дает основания для раскрытия подробностей их биографии: оба – выходцы из Канады, по разным причинам оказавшиеся в Европе еще накануне Второй мировой войны. Одновременно читатель получает некоторую информацию о деятельности Караваджо:

Caravaggio, who had been her father's friend in Canada ... *had been a thief* who refused to work with men, because he didn't trust them... [там же, с. 49].

Навыки вора, которыми в полном объеме обладал герой, были востребованы в военное время спецслужбами союзнических войск. По мере того как раскрывается информация о работе Караваджо в качестве агента английской разведки, становится известным и его имя –

Дейвид (David). Впервые оно озвучивается в эпизоде, где данный персонаж допрашивается итальянскими агентами после своего провала:

Your name is *David Caravaggio*, right? ... [12, с. 62].

Таким образом, Дейвид Караваджо – это человек с итальянской фамилией (с итальянскими корнями) и с характерным для англоговорящих культур именем *David* (от др.-евр. *Dāwid/Dāwīd* – букв. ‘любимый’ [4]), противопоставленным ей. Фамилия привязывает героя к культуре, в то время как имя акцентирует его личный выбор, который заключается в решении принять сторону союзников во время войны. В процессе повествования автор называет своего персонажа по фамилии, привлекая внимание к его итальянским корням, возможно, намекая на неоднозначность его позиции, в то время как Ханна обращается к нему по имени, что подчеркивает существующую между ними духовную близость. Несмотря на то, что в романе есть информация о ближайших родственниках девушки, ее фамилия автором не называется.

Наиболее загадочной фигурой книги является ее заглавный персонаж – английский пациент. С одной стороны, в романе содержится достаточно информации о нем – история его жизни в пустыне, любви к замужней женщине, его рассуждения, известна даже его любимая книга – томик Геродота, с которым он никогда не расстанется. На первый взгляд, избыток подчас излишне подробной информации должен способствовать созданию более полного и очерченного образа, однако до тех пор пока имя персонажа не названо и его личность остается не идентифицированной, образ не обретает целостности и завершенности, что, во-первых, способствует поддержанию интриги, а во-вторых, позволяет герою жить, несмотря на крайне тяжелое физическое состояние. Как только Караваджо узнает, что фамилия английского пациента – *Алмасы*, раскрывается информация не только о его происхождении, но и о его шпионской деятельности против союзнической армии, и единственным исходом для него становится смерть:

He is dying. I think, you have *the spy-helper Almas*y upstairs. ... Between the wars Almas>y had English friends. Great explorer but when the war broke out he went with the Germans [там же, с. 174].

Almas>y's face fell to the left, staring at nothing – Caravaggio's knees, perhaps. ‘Do you want some morphine now?’ ‘No.’ ‘can I get you something?’ ‘Nothing’ [там же, с. 277–288].

Almásy является распространенной венгерской фамилией. Как известно, во Второй мировой войне Венгрия воевала на стороне Германии. В послесловии к книге автор отмечает, что за персонажами стоят реальные лица. В частности, «английский пациент» Алмаши имеет свой аналог в истории – это венгерский граф Алмаши, известный исследователь пустынь, пособник Германии во Второй мировой войне, чьим именем было венгерское Ласло.

Подчеркнем, что имя английского пациента не называется в произведении. Данный факт является значимым, поскольку способствует созданию оппозиции между Алмаши и Ханой, а также усиливает противоречие между Алмаши и Караваджо. В целом, использование или, напротив, сокрытие личных имен персонажей в книге М. Ондатже «Английский пациент» способствует созданию интриги и реализации идейного содержания произведения. Привлечение только личного имени по отношению к девушке Ханне дополняет образ человека самодостаточного, безразличного к этническому происхождению, но внимательного к человеку как таковому. Использование только фамилии Алмаши, напротив, подчеркивает зависимость человека от своего происхождения, от некоторой общности людей. Употребление одновременно личного имени и фамилии Дейвид Караваджо способствует созданию противоречивого образа, а также позволяет реализовать идею о превратностях войны. Важно, что используемые в тексте имена и особенности взаимодействия с ними (например, стремление скрыть имя) не придуманы автором, а отражают языковые и культурные реалии.

Проанализированный в статье материал доказывает, что способность имен выступать в качестве текстоформирующего и смыслообразующего элемента обусловлена природой личного имени как индивидуализирующего знака и фамилии как знака социального. Кроме того, проведенный анализ показывает, что изучение художественных ономастиконов литературных произведений делает доступными для наблюдения те процессы, которые часто остаются неосознанными в реальной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гарагуля С. И.* К вопросу об антропонимической идентичности // Вопросы ономастики. – 2012. – № 2 (13). – С. 43–52.
2. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и реальность: Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты. – Екатеринбург: Интел Флай, 2007. – 1065 с.

3. Никонов В. А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
4. Рыбакин А. И. Словарь личных имен: 4000 имен. – М.: Рус. Яз., 2000 – 224 с.
5. Цёрох Г. Католическая энциклопедия. – Т. 2. – М.: Изд-во Францисканцев, 2005. – 1818 с
6. Asimov I. Nemesis. – N. Y.–Toronto–London–Sydney–Auckland: Bantam Books, 1990. – 386 p.
7. Bradbury R. Dandelion Wine. – СПб.: Антология, 2010. – 288 с.
8. Bright W. What is a Name? Reflections on Onomastics // Language and Linguistics. – 2003. – P 669–681.
9. Fry S. The Liar. – London: Arrow books, 2004. – 388 p.
10. Greene G. The Human Factor. – London: Vintage Books, 2005. – 259 p.
11. Greene G. The Man Within. – Penguin Books Ltd., registered offices: 80 Strand. – London, 2005. – 195 p.
12. Grisham J. The King of the Torts. – London: Arrow books, 2003. – 486 p.
13. Ondaatje M. The English Patient. – London–New Delhi–NY–Sidney: Bloomsbury, 2004. – 324 p.
14. Wilson S. The Means of Naming: A Social and Cultural History of personal Naming in Western Europe. – UK: UCL Press, 1998. – 402 p.

УДК 81-2

Н. В. Любимова

профессор, кандидат педагогических наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка ФНЯ МГЛУ; e-mail: natalju@yandex.ru

АЛЬПИЙСКИЙ ДИСКУРС В ПОЭТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ И В ПОЛИТИКЕ

В статье рассматриваются характерные особенности швейцарского альпийского дискурса в поэтической коммуникации и политике. Анализ научных исторических и публицистических текстов показывает, что для швейцарцев Альпы – это не только топографическая данность, но и основа идентичности. В художественной литературе альпийский ландшафт объективируется как литературное пространство, формирует мотивную структуру произведения, получает символическое значение. Важно, что альпийский дискурс демонстрирует взаимодействие названных сфер коммуникации.

Ключевые слова: дискурс; литературное пространство; мотив; граница; идиллия; стереотип; архетип; символ; национальная идентичность.

Lyubimova N. V.

Ph. D., Professor Department of German Lexicology and Stylistics,
German Faculty, MSLU; e-mail: NataLju@yandex.ru

THE ALPS FROM THE POETIC AND POLITICAL PERSPECTIVE

The article discusses characteristic features of the Swiss Alpine discourse in poetic communication and in politics. An analysis of historical scientific and journalistic texts shows that the Alps are not only a geographical area for the Swiss, but also the pivot of national identity. In fiction the Alps are often objectified as a literary space, serve to build the motivic structure of the text and tend to acquire a symbolic meaning. It is stressed that the Alpine discourse reveals how the two chosen spheres of communication interact.

Key words: discourse; literary space; motive; border; idyll; stereotype; archetype; symbol; national identity.

DIE ALPEN AUS POETISCHER UND POLITISCHER SICHT

Der kleine Walther Tell fragt seinen Vater: «Giebts Länder, Vater, wo nicht Berge sind?» [23, S. 125]¹. Diese naive Frage führt in die ernste Problematik ein: Die Alpen als literarischer Raum und als politisches Argument. Die Alpen erscheinen in künstlerischen und publizistischen Texten oft und zu verschiedenen Zwecken. Das scheint heute selbstverständlich, aber es gibt in diesem Zusammenhang eine

---

¹ Hier und weiter ist in angeführten Zitaten die Orthographie der Quelle erhalten. – N. L.

nichtliterarische Voraussetzung: Die Wahrnehmung des literarischen Alpenraums war von Anfang an von der Wahrnehmung der realen Alpen abhängig¹.

Im Laufe von Jahrhunderten wurden die Berge schlechthin als etwas Furchtbares und Bedrohliches wahrgenommen (*montes horribiles; locus terribilis*). Sie bildeten eine natürliche Grenze, deren Überwindung mit schrecklichen Gefahren verbunden war. So wurden die Alpen auch auf der italienischen Seite wahrgenommen, «nämlich als Barriere oder Mauer, die Italien vor dem Norden schützte. <...> Diese trennende Funktion der europäischen Alpen blieb bis zur Aufklärung eine wichtige Vorstellung» [19, S. 23].

Mit der Zeit wurden die Bildungsreisen zum Bedürfnis aufgeklärter Persönlichkeiten, doch die Überquerung der Alpen galt immer noch als ein riskantes Unternehmen auf dem Weg nach Italien. Aus dieser Zeit stammen viele Darstellungen der Alpen in Reisenotizen, Briefen und Tagebüchern. Die Beschreibungen der Berglandschaften haben zwangsläufig ambivalenten Charakter angenommen, was auch die modernen Alpenforscher als ein symptomatisches diskursives Merkmal der sog. *alpinen Literatur* betrachten: «Ambivalente Beschreibungen der Bergwelt sind für die alpine Literatur wie auch für den Alpinismuskurs generell typisch. <...> Nie sind die dabei negativ konnotierten Beschreibungen ausschliesslich negativ gemeint, stets wird auf sie zurückgegriffen, um das Faszinierende der Berge zum Ausdruck zu bringen» [11, S. 137].

Goethe unternahm drei Schweizer Reisen und schilderte in *Dichtung und Wahrheit* seine alpinen Eindrücke, die sich durch Emotionalität, Begeisterung, Sentimentalität in der Wortwahl auszeichnen. Gleichzeitig verraten sie enormen Respekt vor der unheimlichen Macht der Natur, die einen starken freiheitsliebenden Geist dazu bewegt, über die Grenzen seiner menschlichen Kräfte zu gehen. Formulierungen wie *wilde Höhen; unabsehbare Schlucht; ein nie gesehener, nie wieder zu schauender Blick; die unerschütterlichen Felswände; mächtige und schreckliche Felsen; der mühselige Weg; der schäumende Fluss* verleihen den entsprechenden Textpassagen einen etwas pathetischen Klang, der die Stimmung des Sturmes-und-Dranges erkennen lässt².

---

¹Über die Modalitäten der Alpenwahrnehmung in verschiedenen Epochen siehe in: [2; 11; 18; 19; 22].

²Ausführlicher über Goethes Schweizer Reisen siehe in: [16].

Auch der deutsche Aufklärer Johann Michael Afsprung, der 1782 die Alpen bereiste, hinterließ seine Erinnerungen, die genau diese Ambivalenz suggerieren:

Die Gebirge, welche diese anmuthige Thäler, besonders das große, einschließen, sind erschrecklich; wenn man zwischen ihnen hinwandelt, so fühlet man sich durch den Anblick dieser ungeheuren Massen fast vernichtet, indem sie der Unmacht tiefes Gefühl im Menschen erwecken – nebst der Tugend und Unschuld der Einwohner sind sie die besten Bollwerke wider die alle menschliche Macht nichts vermag; und gegen welche die unüberwindlichen Festungen der Menschen nichts sind als Kartenhäuser [1, S. 67].

Für die deutsche Literatur wurde die Natur als motivbildendes und den literarischen Raum gestaltendes Element im 17. und besonders im 18. Jahrhundert wichtig. Im aufgeklärten 18. Jahrhundert hat man die Alpen als eine anziehende, liebliche Kulisse (*locus amoenus*) gesehen, als eine Idylle, die die Vorstellungen von entsprechend idyllischen Lebensformen hervorrief. Die überwältigende Größe und Schönheit der Alpenlandschaft wurde in die literarische Tradition mit Albrecht von Hallers Poem *Die Alpen* (1729) und mit Salomon Geßners *Idyllen* (1756) eingeführt.

Albrecht von Haller schuf das Lehrgedicht *Die Alpen*, das sich einer enormen Popularität erfreute und zur Entstehung der Bilder von dem tugendhaften Leben vor dem Hintergrund der Alpen – im so genannten *alpinen Arkadien* – beitrug. Hier übernahmen die Alpen ihre ausgesprochen wichtige Funktion: Sie markierten eine Grenze zwischen dem Lasterhaften, Verdorbenen und Sündhaften der Zivilisation einerseits und der frommen Lebensweise in der freien und wilden Natur andererseits. Am Rande sei bemerkt, dass eine solche Wahrnehmung des alpinen Lebens nicht nur die klischeehaften Vorstellungen der Europäer von den Alpenbewohnern festigte, sondern auch zum Nährboden für schweizerische Autostereotype wurde:

Sicher ist von Haller hauptverantwortlich dafür, dass in den wichtigsten europäischen Ländern ein Bild von der Schweiz und dem schweizerischen Volk entstand, dessen sittliche Reinheit Resultat des natürlichen, durch die Alpen von der sündhaften Welt abgeschirmten Lebensraumes war. <... > Dass von Haller mit seinen Gedanken nicht allein stand, sie vielmehr zeittypischer Ausdruck eines sich zu Beginn des 18. Jahrhunderts entwickelnden neuen schweizerischen Selbstbildes sind, dafür bietet die schweizerische Publizistik bereits früh, noch vor dem Erscheinen des berühmten Alpengedichts, Beispiele [3, S. 177].

Noch ein Schweizer Autor, dem man seinerzeit reges Interesse für die Alpen verdankte und der die Illusion einer alpinen Idylle unterstützte, war Salomon Geßner. Goethe ließ Geßner in seinem wichtigsten biographischen Werk nicht unerwähnt: «Geßners höchst liebliche Idyllen öffneten eine unendliche Bahn» [9, S. 833]. Die *Idyllen* (1756) beginnen mit einem an den Leser gerichteten Vorwort, und schon hier erkennt man die Hallersche Antithese von Laster und Tugend:

Diese Idyllen sind die Früchte einiger meiner vergnügtesten Stunden; denn es ist eine der angenehmsten Verfassungen, in die uns die Einbildungskraft und ein stilles Gemüth setzen können, wenn wir uns mittelst derselben aus unsern Sitten weg, in ein goldnes Weltalter setzen. Alle Gemähde von stiller Ruhe und sanftem ungestörtem Glück, müssen Leuten von edler Denkart gefallen; und um so viel mehr gefallen uns Scenen die der Dichter aus der unverdorbenen Natur herholt, weil sie oft mit unsern seligsten Stunden, die wir gelebt, Ähnlichkeit zu haben scheinen. Oft reiß ich mich aus der Stadt los, und fliehe in einsame Gegenden, dann entreißt die Schönheit der Natur mein Gemüth allem dem Ekel und allen den wiedrigen Eindrücken, die mich aus der Stadt verfolgt haben; ganz entzückt, ganz Empfindung über ihre Schönheit, bin ich dann glücklich wie ein Hirt im goldnen Weltalter und reicher als ein König ... [8, S. 5–6].

Man darf Jean-Jacques Rousseau nicht übergehen, denn er hat mit dem Briefroman *Julie oder Die neue Héloïse: Briefe zweier Liebenden aus einer kleinen Stadt am Fuße der Alpen* (1761) einen wesentlichen Beitrag bei der Lösung des Problems der Ausfüllung des literarischen Raums mit Naturobjekten geleistet. Jean-Jacques Rousseau beeinflusste die Entwicklung des Naturgefühls und sein Roman wurde «zum allgemeinen Vorbild des sentimental Naturerlebnisses» [21, S. 21] etabliert:

All die Gefühle, in denen jeder Empfindsame die Erfüllung seiner eigenen Natursehnsucht erkannte, waren untrennbar mit den Schauplätzen des Rousseauschen Romans verknüpft, in jedem Leser entstand der Wunsch, selber an denselben Orten zu wandern, um auch so tief und leidenschaftlich zu empfinden wie St. Preux. Es begann eine Zeit der Schweizerreisen, der Wahlfahrten zu den Stätten der „Nouvelle Héloïse“ in den Alpen [ebd.].

Selbst Goethe stand unter diesem Einfluss Rousseaus und schickte seinen Werther in der 1808 gedruckten Vorgeschichte zum eigentlichen Werther in die Alpen: «Ja, ich habe die Furka, den Gotthard bestiegen! Diese erhabenen, unvergleichlichen Naturszenen werden immer vor meinem Geiste stehen ...» [10, S. 290].

Es begann die Epoche der sog. *Schweizbegeisterung*. Zu Beginn des 19. Jahrhunderts nahm die Schweiz – nicht zuletzt durch die literarischen Bemühungen zahlreicher Autoren – zwei Existenzformen an: Nicht nur als reales Land, sondern auch als ideale Erwartung in den Köpfen der Reisenden. Dieses idyllisch konstruierte Modell wurde von den Alpenbewohnern sorgsam unterstützt und weiterentwickelt. Michail Schischkin hat diese Tatsache mit der ihm eigenen Ironie kommentiert:

Bereits in den 30er- und 40er-Jahren des 19. Jahrhunderts begann man zu argwöhnen, ob nicht auch die Schweizer selbst das Ihrige dazu beitrugen, den Mythos über sich und ihr Land zu untermauern. An der Idylle, deretwegen die Touristen anreisten und die es nun mal leider Gottes nicht einmal in der Schweiz gab, wurde zielbewusst und sorgfältig herumgefeilt, um sie marktgerecht zu machen. Wo eine Reise in die Alpen zu einer Pilgerfahrt zu den ungetrübten Quellen der Menschheit, zu einem geistigen Erlebnis werden sollte, gaben sich die Gastgeber auch alle Mühe, die Kunden nicht zu enttäuschen. Die realen Schweizer verkauften sich an die leichtgläubigen Touristen als Schäfer und Schäferinnen im Naturzustand. Oder einfacher ausgedrückt: Viele reale Schweizer verdienten sich ihr Brot, indem sie als ideale Schweizer arbeiteten [24, S. 69].

Die beiden Schweizen koexistierten friedlich und tun es heute noch, indem sie sich gegenseitig nähren und ergänzen, obwohl die eine für den «internen Gebrauch» gedacht und die andere doch mehr für die Gäste des Landes bestimmt ist. Diese Lage der Dinge wurde und wird mit Hilfe einer besonderen Schicht Literatur unterstützt, die auf idyllische Bilder, illusorische Harmonie und mythenumwobene alpine Tugenden setzt. Dieser Stil rief bei ernst zu nehmenden Autoren schon immer Bedenken hervor, ausgenommen den Fall, die Beschaffenheit der Texte wäre parodistischer Natur. Im 19. Jahrhundert regte sich Gottfried Keller über die Möglichkeit der übertriebenen Folklorisierung der nationalen Literatur auf, indem er sich weigerte, die Bezeichnung Schweizer Literatur anzuerkennen¹. Der Klassiker befürchtete die Möglichkeit, die nationale Literatur der Schweizer auf jene Gattung zu reduzieren, die einer der Helden aus dem *Grünen Heinrich* als *Alpenrosenpoesie* bezeichnet:

---

¹ Keller, Gottfried. Brief an Ida Freiligrath vom 20.12.1880: «... während ich mich gegen die Auffassung, als ob es eine schweizerische Nationalliteratur gäbe, immer auflehne. Denn bei allem Patriotismus verstehe ich hierin keinen Spaß und bin der Meinung, wenn etwas herauskommen soll, so habe sich jeder an das große Sprachgebiet zu halten, dem er angehört.

Es gibt zwar viele meiner Landsleute, welche an eine schweizerische Kunst und Literatur, ja sogar an eine schweizerische Wissenschaft glauben. Das Alpenglühn und die Alpenrosenpoesie sind aber bald erschöpft, einige gute Schlachten bald besungen, und zu unserer Beschämung müssen wir alle Trinksprüche, Mottos und Inschriften bei öffentlichen Festen aus Schillers Tell nehmen, welcher immer noch das Beste für dieses Bedürfnis liefert... [13, S. 50].

Ausgerechnet aus demselben Grund schreibt der Protagonist aus Meinrad Inglins *Schweizerspiegel* (1938) eine vor Sarkasmus tiefende Buchkritik für die Kultursparte der Stadtzeitung, indem er die niedlichen literarischen Exerzitien im *Chaletstil* verhöhnt:

Die bekannte hochverehrte Autorin unseres neuen Romans schildert die Schweiz im Chaletstil. Es geht so recht behaglich, so recht sauber, so recht freundlich zu. Wir zweifeln nicht, daß unsere Leser sich angeheimelt fühlen werden. Das Kleine bleibt klein, das Große auch. Die Vergangenheit wird anhand von Spinnrädern, Schulbüchern und Großmuttermärchen wachgerufen. Sie erwärmt das Herz. Die Gestalten lieben einander und ihr Ländchen. Ein inniges, sinniges, trautes Beisammensein. Vaterländchen! Heimatchen! Schweizlein! [12, S. 147].

Man braucht sich nicht zu wundern, dass ausgerechnet eine solche Darstellung der Berge in der Literatur ihren wesentlichen Beitrag zur Kommerzialisierung der alpinen Landschaft leistete, weil sie an der Verwandlung der Alpen in eine gewinnbringende Marke teilhatte. Hier genügt nur ein Beispiel – das erfolgreiche touristische Projekt *Heidiland*, inszeniert nach den Heidi-Romanen von Johanna Spyri.

Gegen Anfang des 19. Jahrhunderts verbreiteten sich alpine Motive auch im politischen Diskurs, nicht zuletzt dank den literarischen Bemühungen der schweizerischen und europäischen Autoren. Seit jener Zeit stößt man nicht selten auf schon längst bekannte und zum Teil strapazierte Bilder: Reine Natur und die Berge, die archetypische Qualitäten eines echten Schweizers und einer echten Schweizerin symbolisieren – Tugend und Tapferkeit, um die herum die übrigen Eigenschaften gefächert sind wie Einfachheit, Unschuld, Ehrlichkeit, Naivität, Treue, Biederkeit, Frömmigkeit, Mut, Freiheitssinn und Heldentum [6, S. 396]. Die Meinung Ida Freiligraths über die Novelle *Ursula* in einem Brief an Gottfried Keller bestätigt diese These:

Das ist ein wahrer Genuß, u. ich möchte von Ihren Erzählungen sagen sie seien wie Sie die Ursula schildern: gut wie das tägliche Brod, frisch wie sprudelnder Quell, u. rein wie die Luft Ihrer Berge. – Die Ursula ist

auch herrlich, u. hebt sich von dem meisterhaft gehandhabten historischen Hintergrund, mit ihren schlichten kernigen Naturen, deren Ehrlichkeit, Treue u. Liebe über Unglück, Irrwahn u. Wahnsinn den Sieg davon tragen, ganz plastisch ab [7].

Eine neue Phase in der Geschichte der Alpen-Idealisierung, begleitet von der Heroisierung der Vergangenheit der Schweiz, begann 1891 mit der Erfindung der 1.-August-Nationalfeier. Der Historiker Christoph Merki analysierte politische Publikationen in den schweizerischen Zeitungen zwischen 1891 und 1935, die im Zusammenhang mit der 1.-August-Feier erschienen waren. Seine Analyse hat ergeben, dass die Erwähnungen der Alpen und die Verweise auf die Schönheit der schweizerischen Landschaften in jener Zeit zu einem Topos wurden, was die Selbstwertung der Schweizer ebenfalls positiv beeinflusste: «Ein wesentliches Element in der ideologischen Bewirtschaftung des Schweizer Volkes durch die Bundesfeier stellen die Alpen dar» [20, S. 69]. Und weiter:

Das Ausmalen der Landschaftsschönheit der Schweiz, der Verweis auf die Berge bezwecken dasselbe: der Topos „schöne Natur“ hebt das Selbstgefühl der Schweizer. Die 1.-August-Beiträge besonders der bürgerlichen Presse schildern den Liebreiz der Landschaft. Wie es die National-Zeitung, Bundesfeier 1922, ausdrückt: „Unser Patriotismus ist lyrisch gestimmte Topographie“ [ebd., S. 67].

Nach der Meinung des Forschers wurden die Berge im politischen Diskurs des ersten Drittels des 20. Jahrhunderts zum Sinnbild des *Staatsmachismo*, der Eigenschaft, die erforderlich ist, um die autostereotypen Vorstellungen von einer sehr männlichen schweizerischen Identität, so Merki, zu untermauern: «Eine weitere Figur des Staatsmachismo ist der *Berg*. Er erscheint als Metapher: Hart wie der Granit seiner Felsen, trutzig und unverrückbar, tritt der Schweizer auf!» [ebd., S. 57]

Selbstverständlich konnte man beim Konstruieren des Selbstbildes ohne Literatur nicht auskommen, die zur Quelle für die Visionen der vaterländischen Geschichte wurde. Das interessanteste alpine Konzept an der Schnittstelle der Literatur und Politik ist wohl der von Johann Caspar Lavater erfundene Name *Schweizeralpenland*. 1767 gab Lavater einen Gedichtsband unter dem Titel *Schweizerlieder* heraus. Eines der patriotischen Lieder ist an einen Schweizer gerichtet, der auf Reisen geht (*Abschiedslied an einen Schweizer, der auf Reisen geht*). Neben den Bezeichnungen *Schweizerbund*, *Schweizersinn*, *Schweizerwanderstab*, *Schweizerblut* und *Schweizerpflug* wird hier der später zum Symbol

erhobene Begriff *Schweizeralpenland* gebraucht, der expliziert, dass die Schweiz und die Alpen unzertrennlich sind und zusammen die Grundlage des Freiheitstopos bilden: Liebe zu den Alpen manifestiert die Sympathie mit der Schweiz als Allegorie der Freiheit (*Felsenburg der Freiheit*)¹: «Nicht zu vergessen ist die *Freiheit*. Sie sei das Wahrzeichen des Schweizers ...» [20, S. 57].

Nimm, Bruder! unser Lebewohl,
Und schlage Hand in Hand,
Und reise, wie man reisen soll,
Im Schweizeralpenland!
Fühl auf dem Berge stolzem Haupt
Der tiefen Thäler Glück;
Die **Freiheit**, die kein Neid uns raubt;
Und Freude sey dein Blick [15, S. 365].

Das Konzept *Schweizeralpenland* wurde von den Politikern gern übernommen und sie nutzen es auch heute, wobei sie der Grundidee immer neue Sinne verleihen. Der Schweizer Historiker Gui Marchal bezeichnete *Schweizeralpenland* als eine *imagologische Bastelei*, die ihre Konturen in der Epoche der Nationalstaatenbildung angenommen hatte. Es war kein Zufall, dass die Schweizer Nation in politischen Ausführungen mitunter nicht als eine ethnische, sprachliche, kulturelle Einheit definiert wurde, sondern als ein Gebilde, das durch die vereinigende Kraft der Alpen zustande gekommen ist, die es vermocht haben, verschiedene Kulturen zur nationalen Harmonie zu führen:

Im Zeitalter der Nationalstaatenbildung, als „Nationalität“ durch die Einheit von Sprache, Kultur, geschichtlicher Erfahrung und der Ethnie definiert wurde, kam das Konstrukt der Aufklärer der mehrsprachigen, verschiedene Kulturen umfassenden Schweiz mit ihren regional unterschiedlichen Geschichten entgegen. Ihre „Nationalität“ definierte sich nun aus der prägenden Kraft der Alpen, welche allein hier die verschiedenen Kulturen zusammenführen und die verschiedenen Sprachen in einen höheren nationalen Einklang bringen konnte. Nicht Blut und „Rasse“ bildeten die schweizerische „Nationalität“, sondern das Bewusstsein einer Einheit auf höherem Niveau und der darauf beruhende Wille zum Zusammengehen. Die Schweiz definierte sich als „Willensnation“ [17, S. 142–143].

---

¹ «Diese Felsenburg der Freiheit! Hat sie keinen Winkel für mich?» Diese Worte wurden dem deutschen Pädagogen und Schriftsteller Heinrich Zschokke zugeschrieben, der die Schweizer Bürgerschaft angenommen hatte. Siehe [25].

Aber schon in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts wurden die Alpen von den progressiven Publizisten als ein Bestandteil der nationalen Identität betrachtet:

Schon die bekannteste der schweizerischen Moralischen Wochenschriften, „Die Discourse der Mahlern“ mit ihrer grosser Wirkung im gesamten deutschen Sprachraum, will 1721 programmatisch „die Tugend und den guten Geschmack in unsern Bergen“ einführen. Bei Johann Heinrich Tschudi erscheint die Alpenlandschaft in den ersten zwei Jahrzehnten des 18. Jahrhunderts bereits als Bestandteil einer schweizerischen nationalen Identität. In seinen „Monatlichen Gesprächen“ sind ihm 1715 die Berge Symbol schweizerischer Freiheit, einer Freiheit, die „mit so festen Mauren und Forteressen/ ich will sagen/ mit so hohen und fast unüberwindlichen Bergen verwahret ist“. Deutlich ist die Entdeckung der Alpen hier mit dem Versuch verbunden, die Besonderheiten schweizerischer Identität zu beschreiben und zur Herausbildung eines schweizerischen Nationalbewusstseins beizutragen [3, S. 177].

Im Kapitel *Massensymbole der Nationen* seines Hauptwerkes *Masse und Macht* wies Elias Canetti darauf hin, dass es fehlerhaft sei, die richtige Definition für das Nationale schlechthin zu finden, wenn man den Nationen auf den Grund kommen will [4, S. 197]:

Wäre sie (die Definition. – N. L.) erst einmal da, so liebe sie sich gleichmäßig auf alle Nationen anwenden. Man nahm die Sprache her oder das Territorium; die geschriebene Literatur; die Geschichte; die Regierung; das sogenannte Nationalgefühl; und immer waren dann die Ausnahmen wichtiger als die Regel... [ebd.].

Als er dann auf die konkreten Völker zu sprechen kommt, geht Canetti auf die Schweizer und ihre Berge ausführlicher ein:

Allerdings haben sie (die Schweizer. – N. L.) ein Massensymbol gemein, das ihnen allen jederzeit vor Augen steht und unerschütterlich ist wie das keines anderen Volkes: die Berge. Von überall sieht der Schweizer die Gipfel seiner Berge [ebd., S. 204].

Diese Beobachtung findet durch die Idee aus dem *Grünen Heinrich* (1854/55) Gottfried Kellers Bestätigung:

So kann man wohl sagen, nicht die Nationalität gibt uns Ideen, sondern eine unsichtbare, in diesen Bergen schwebende Idee hat sich diese eigentümliche Nationalität zu ihrer Verkörperung geschaffen [13, S. 50].

Ende des 19. Jahrhunderts wurden die Verweise auf die Alpen beinahe inflationär, und die alpinen ethnokulturellen Praxen wie Älplerfest, Alpaufzug, Höhenfeuer, Fahenschwingen, Jodeln, Alphornblasen usw. haben in politisch relevanten Kontexten zusätzliche symbolische Sinne bekommen. Selbst im 20. Jahrhundert wurden die Alpen als das Fundament des heroischen Bildungsmythos der Schweiz betrachtet, wovon auch die Texte der politischen Publizistik zeugen, die in der oben erwähnten Abhandlung Chr. Merkis analysiert wurden:

„Das geschah in den *grossen* Tagen der Eidgenossenschaft, die wir alle kennen, den Tagen, in welchen der Schweizer es bewährte, dass eine *Kraft* in seiner Seele glühte, welche in ihrer Art nicht schwächer ist, als die *Kraft*, welche seine Berge gen Himmel trieb, dass die Kraft auch in seinen Adern rollte, welche in so eigentümlicher *Stärke* durch alle Erzeugnisse seiner Länder strömt. Das waren die Tage, die wie Sterne leuchten in unsere Geschichte hinein, wo der Schweizer *Ehrenfestigkeit* leuchtete in die treulose Zeit hinein wie ein Gestirn in dunkle Nacht, wo ihre *Heldenkraft* thronte über den Schlachtfeldern <...>.” Diese „Vision von der Vaterländischen Geschichte“ findet sich im berühmten Manifest der schweizerischen Scharfschützeneidgenossenschaft (1844) von Jeremias Gotthelf. Derartiges Gotthelfsches Vokabular und Pochen auf Kraftschwangerheit – nennen wir es *Staatsmachismo* – ist in den bürgerlichen 1.-August-Artikeln bis ins Jahr 1935 allgegenwärtig [20, S. 57].

Heute sind die alpinen Motive im literarischen wie im politischen Diskurs keine Exotik mehr. Die Berge treten in manchen Texten als symbolische Grenze zwischen dem *Eigenen* und dem *Fremden*, zwischen richtig und falsch, zwischen gut und böse auf. Man kann sagen, dass auch im politischen Diskurs alpine Motive funktionalisiert wurden, was mit literarischen Traditionen korrespondiert. Dabei kann die Funktion als dem weitgehenden politischen bzw. ideologischen Ziel dienlich interpretiert werden: Einerseits können die Alpen als Versinnbildlichung für den unitarischen Staat stehen, andererseits können sie durchaus als Symbol der Polykulturalität auftreten. Von besonderer Bedeutung sind die Hinweise auf die Rolle der Alpen in der offiziellen defensiven Militärdoktrin der Schweiz (*das Réduit*)¹. Die Spuren der Réduit-Ideologie, die für die Schweiz bis zum

---

¹ «Das „Réduit nationale“ steht als Inbegriff des Widerstands der Schweiz gegen das Dritte Reich. Es bezeichnet den Kern der Verteidigungsanlage, genauer die Alpenfestung zwischen Sargans, St. Maurice und dem Gotthard. Grundlage ist der in Auftrag gegebene Plan durch General Guisan zur Verteidigung der Schweiz. Er sieht vor, nicht eine solide Festung zu errichten, sondern das Land selbst zur

Ende des Kalten Krieges aktuell war, kann man in modernen literarischen Texten entdecken, denn der Alpenraum war in diese Doktrin einbezogen, mit seiner Topographie und seinen natürlichen Umständen wie Vegetation und Gesteinstypen, darauf weist explizit Chr. Duckart hin [5, S. 66]. Auch dadurch wird die ideologische Funktion der Landschaft realisiert.

In der modernen und postmodernen Literatur wird die Tradition fortgesetzt, die Alpen als literarischen Raum systematisch zu nutzen, wobei die beiden Dimensionen des Raums – die ästhetische und die politische – zur Geltung kommen. Die Funktion der Alpen als eines zeitgemäß modifizierten Heimatsymbols ist auch erwähnenswert, weil in diesem Fall ein modern interpretiertes, diskursbildendes Konzept in den Mittelpunkt der Betrachtung rückt. Und noch eine Rolle, die den Alpen im literarischen Diskurs zugeordnet wird, ist die eines Prüfsteins für Mut, körperliche Kraft, Charakterstärke und andere ausgeprägt maskuline Qualitäten, die bei der verzweifelten Suche nach der eigenen Identität besonders aktuell werden.

Der alpine Raum der Literatur ist vielgestaltig, polymorph und unerschöpflich, desto interessanter sind die Recherchen an den Schnittstellen zahlreicher Diskurse, die ihren Status, ihre Entfaltung und ihr Zusammenspiel den realen Alpen verdanken.

LITERATURVERZEICHNIS

1. *Afsprung J. M.* Reise durch einige Cantone der Eidgenossenschaft. – Leipzig: Koehler & Amelang, 1990. – 144 S.
2. *Bätzing W.* Die Alpen: Geschichte und Zukunft einer europäischen Kulturlandschaft. – München: C. H. Beck, 2003. – 431 S.
3. *Böning H.* «Arme Teufel an Klippen und Felsen» oder «Felsenburg der Freiheit»? Der deutsche Blick auf die Schweiz und die Alpen im 18. und frühen 19. Jahrhundert // J. Mathieu; S. Boscani Leoni (Hg.). Die Alpen! Zur europäischen Wahrnehmungsgeschichte seit der Renaissance. – Bern: Peter Lang, 2005. – S. 175–190.
4. *Canetti E.* Masse und Macht. – Hamburg: Claassen Verlag, 1960 (Lizenzausgabe). – 567 S.
5. *Duckart Chr.* Versteckte Aussichten. Militärische Landschaft in der Schweiz. – Hamburg: Diplomica® Verlag, 2011. – 136 S.

Festung werden zu lassen. Es gab hier zwei Strategien, die verfolgt wurden, der erste Plan sah vor das ganze Territorium der Schweiz mit einer Grenzverteidigung zu schützen, der zweite sah vor sich auf einen soliden Kern zu konzentrieren und dieses zu verteidigen.» [5, S. 65]

6. *Frei D.* Grundzüge des schweizerischen Nationalbewusstseins: Versuch einer Übersicht // Schweizer Monatshefte: Zeitschrift für Politik, Wirtschaft, Kultur. – Bd. 44 (1964–1965). – Heft 5 – S. 391–401. – Persistenter Link : <http://dx.doi.org/10.5169/seals-161620> (abgerufen am: 20.12.2014).
7. *Freiligrath I.* Brief an Gottfried Keller vom 5.2.1878 // G. Keller. Sämtliche Werke: Historisch-kritische Ausgabe/Hrsg. unter der Leitung von W. Morgenthaler im Auftrag der Stiftung Historisch-kritische Gottfried-Keller-Ausgabe. – Basel u. Frankfurt–Zürich : Stroemfeld / Neue Zürcher Zeitung, 1996 ff. – URL: <http://www.gottfriedkeller.ch/briefe/> (abgerufen am 26.05.2015).
8. *Gessner S.* Idyllen. – Zürich, 1756. – S. 5–6 // Deutsches Textarchiv – URL: http://www.deutschestextarchiv.de/gessner_idyllen_1756 (abgerufen am 09.03.2016).
9. *Goethe J. W.* Dichtung und Wahrheit. Vierter Teil. –Achtzehntes Buch // Goethes poetische Werke. Vollständige Ausgabe. – Achter Band : Autobiographische Schriften. Erster Teil. – Phaidon Verlag, O. J. – S. 833.
10. *Goethe J. W.* Briefe aus der Schweiz. Erste Abteilung // Goethes poetische Werke. Vollständige Ausgabe. – Sechster Band : Erzählende Dichtungen. Erster Teil. – Phaidon Verlag, O. J. – S. 283–305.
11. *Hungerbühler A.* „Könige der Alpen“. Zur Kultur des Bergführerberufs / Hrsg. von G. Klein, M. Löw und M. Meuser. – Bielefeld : transkript Verlag, 2013. – 446 S.
12. *Inglin M.* Schweizspiegel. Roman / M. Inglin. Gesammelte Werke in 10 Bänden / Hrsg. von G. Schoeck. Neuauflage. Bd. 5. – Zürich : Limmat Verlag, 2014. – 904 S.
13. *Keller G.* Der grüne Heinrich. Erste Fassung / Hrsg. von Th. Böning und G. Kaiser. – Frankfurt a. M. : Deutscher Klassiker Verlag im Taschenbuch Bd. 23, 2007 – 1395 S.
14. *Keller G.* Brief an Ida Freiligrath vom 20.12.1880 // G. Keller. Gesammelte Briefe / Hg. von C. Hebling. – 4 Bde. – Bern : Benteli, 1950–1954. – Bd. 2, 1951. – S. 357.
15. *Lavater J. C.* Abschiedslied an einen Schweizer, der auf Reisen geht // Schweizerlieder / Neue vollständige Auflage, besonders für Schulen. – Zürich : David Bürkli, 1788. – 189 S. – PURL: <http://digital.staatsbibliothek-berlin.de/werkansicht/?PPN=PPN732083044> (abgerufen am 14.09.2014).
16. *Lubimova N.* Goethe. Drei Reisen in die Schweiz // Швейцарские тетради. – Вып. 3. – Ч. I. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2014. – С. 143–157.
17. *Marchal G. P.* Die Schweizer und ihr Mittelalter: Missbrauch der Geschichte? // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. – Bd. 55 – H. 2. – 2005. – Persistenter Link : <http://dx.doi.org/10.5169/seals-81389> (abgerufen am 12.10.2014).

18. *Mathieu J.* Alpenwahrnehmung: Probleme der historischen Periodisierung // J. Mathieu; S. Boscani Leoni (Hg.). Die Alpen! Zur europäischen Wahrnehmungsgeschichte seit der Renaissance. – Bern : Peter Lang, 2005. – S. 53–73.
19. *Mathieu J.* Die Alpen. Raum – Kultur – Geschichte. – Stuttgart : Reclam, 2015. – 254 S.
20. *Merki Chr.* Und wieder lodern die Höhenfeuer. Die schweizerische Bundesfeier als Hoch-Zeit der nationalen Ideologie: 1.-August-Artikel in der Parteipresse 1891–1935. – Zürich : Chronos Verlag. – 254 S.
21. *Raymond P.* Von der Landschaft im Kopf zur Landschaft aus Sprache. Die Romantisierung der Alpen in den Reiseschilderungen des Gebirges in der Erzählprosa der Goethezeit. – Tübingen : Niemeyer, 1993. – VIII; 367 S.
22. *Römer J.* Vielfalt und Einheit: das Alpenmotiv im politischen Diskurs der Schweiz zwischen 1815 und 1848 // J. Mathieu; S. Boscani Leoni (Hg.). Die Alpen! Zur europäischen Wahrnehmungsgeschichte seit der Renaissance. – Bern : Peter Lang, 2005. – S. 337–347.
23. *Schiller F.* Wilhelm Tell. – Tübingen, Cotta, 1804. – S. 125 // Deutsches Textarchiv – URL: <http://www.deutschestextarchiv.de/schiller_tell_1804> (abgerufen am 09.03.2016).
24. *Schischkin M.* Montreux Missolunghi Astapowo. Auf den Spuren von Byron und Tolstoi: Eine literarische Wanderung vom Genfersee ins Berner Oberland. – Zürich : Limmat Verlag, 2002. – 320 S.
25. *Schondorff J.* Zschokke, der Schweizerbote // Die ZEIT / Archiv vom 30. Dezember 1948. – Ausgabe 53 – URL: <http://www.zeit.de/1948/53/zschokke-der-schweizerbote> (abgerufen am 30.11.2014).

УДК 81'373

Р. М. Мукашева

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: rahat_77@mail.ru

КОНЦЕПТЫ «ФЕМИНИННОСТЬ» И «МАСКУЛИННОСТЬ» В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ

В статье кратко рассматриваются этапы развития гендерных исследований на Западе, в России и в Кыргызской Республике и влияние феминистского движения на данный процесс. Подробно изложены достижения феминистской критики языка в языковой политике франкоязычных стран и феминизация имен во французском языке. Изучаются разновидности концептов «фемининность» и «маскулинность», их языковое проявление и, как следствие социальных изменений, их трансформация в современном обществе. В рамках проведенного анализа на материале киргизского языка предпринята попытка выявления особенностей репрезентации концептов «фемининность» и «маскулинность» в выступлениях киргизских политиков.

Ключевые слова: гендерные исследования; гендерная трансформация; концепт; фемининность; маскулинность; официальная речь политиков.

Mukasheva R. M.

Postgraduate student at the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: rahat_77@mail.ru

THE CONCEPTS “FEMINITY” AND “MASCULINITY” IN LANGUAGES OF DIFFERENT TYPES

The article briefly describes the stages of development of gender investigations in Europe, Russia and the Kyrgyz Republic, and the influence of the feminists' movement on it. The achievements of language criticism in speech politics of French-speaking countries and feminization of names in French are given detailed consideration. Attention is paid to different types of concepts “femininity” and “masculinity”, their representation in speech, and, their transformation in modern society, caused by social changes. An attempt has been made to reveal the special features of representation of the concepts “femininity” and “masculinity” in the speech of Kyrgyz politicians (based on Kyrgyz language).

Key words: gender studies; gender transformation; concept; official politicians' speech; femininity; masculinity.

Язык, являясь средством хранения и передачи информации, сохраняет в себе весь опыт предыдущих поколений в осмыслении тех или иных понятий. Концепты «фемининность» (женственность) и «маскулинность» (мужественность), которые изучаются гендерной

лингвистикой, являясь важными составляющими общественного сознания, присутствуют в любой культуре и в любом языке. Они, будучи концептами картины мира, выражаются различными способами. Одна из задач гендерной лингвистики – выявление этих средств в языках различных типов, в том числе установление их универсального или этноспецифичного характера.

Соотношение языка и пола, способы и механизмы выражения в языке факта существования людей разного пола привлекало внимание философов со времен античности, задолго до появления понятия «гендер» и самого направления «гендерная лингвистика». Взаимосвязь языка и пола рассматривалась в те времена при осмыслении грамматической категории рода, который определялся фактом существования людей разного пола. Данная гипотеза поддерживалась такими известными учеными, как В. Гумбольдт, Я. Гримм, М. Гердер.

Отличия в интеллектуальных способностях, физических возможностях и характере мужчин и женщин заданы природой и, соответственно, предполагалось, что различия в мужской и женской речи также сформированы только их биологическим полом. Первоначально несходство мужского и женского вариантов языков были зафиксированы в примитивных, или экзотических языках, и результаты исследований подвергли сомнению символично-семантическую интерпретацию связи языка и пола. «Тем не менее, в рамках критики этой гипотезы и постепенного вытеснения ее морфологическим и синтаксическим объяснением категории рода неизменным оставалось признание того, что категория рода сама способна повлиять на человеческое восприятие соответствующих слов и понятий» [9, с. 41].

Позднее, в переходный период развития гендерных исследований (первая половина XX в.), который стал подготовительной базой современных гендерных исследований [10], работа немецкого философа Ф. Маутнера, наряду с работами О. Есперсена¹ и Э. Сепира [12, с. 437–454; 13, с. 455–461] пробудили интерес к гендерным аспектам языка и коммуникации. Имевшиеся к тому времени результаты исследований связи языка и пола его носителей в экзотических языках натолкнули лингвистов на мысль о наличии гендерных различий и в европейских языках.

Следующий этап гендерных исследований приходится на период кардинальных изменений в научной мысли (вторая половина XX в.).

---

¹Цит. по: [9, с. 34–36].

Переосмысление взглядов в философии приводит к образованию нового направления – постмодернизма. В возникновении и развитии гендерных исследований на Западе велика роль философии. Важное место в истории развития гендерной лингвистики и гендерных исследований в этой области занимают работы Мишеля Фуко. Французский философ внес огромный вклад в разработку концепции гендера, обосновал высокую значимость пола в западноевропейской культуре [10] и на историческом материале продемонстрировал осознание этой значимости. М. Фуко был одним из первых разработчиков гендерной проблематики и концепции гендерного неравенства.

Так же как и в философии, в лингвистике происходили радикальные изменения, приведшие к смене научной парадигмы. На смену структурализму приходит когнитивно-дискурсивная парадигма, основной особенностью которой является антропоцентризм. Идея антропоцентричности языка становится основной в современной лингвистике. При лингвистическом структурализме язык рассматривался как нечто, существующее «само по себе и для себя», антропоцентричная же парадигма рассматривает человека в языке и язык в человеке. Персональные характеристики говорящего становятся приоритетной частью лингвистических исследований. А это значит, что изучение языка предполагает не только лингвистический анализ, но и учет экстралингвистических данных новых течений, начавших свое развитие в этот период. Одним из таких направлений языкознания стала социолингвистика, рассматривающая язык как общественное явление. Связь языка с обществом проявляется на различных уровнях языковой системы и в различных аспектах его функционирования. Социолингвистика изучает разнообразные виды отношений между языком и обществом, такие как язык и история, язык и культура, язык и этнос, язык и массовая коммуникация и т. д. [11]. В рамках этих исследований также рассматривается социальное варьирование языка, а вместе с ним и гендерное, «связанное с полом говорящих» [5, с. 41].

В целом, гендерные исследования в социолингвистике способствовали наибольшему прогрессу в осмыслении гендера и языка [10]. Нельзя не назвать в этой связи работы американского ученого У. Лабова, изучавшего «звучащую речь» носителей английского языка [там же]. Исследователем было отмечено, что биологическая детерминированность различий мужской и женской речи, хотя и не является решающей, все же имеет место. При этом подчеркивалось, что

значительно бoльшую роль в существовании различий в речи мужчин и женщин (например, фонетических) играют социальные характеристики говорящих. Не менее важная заслуга У. Лабова состоит в том, что при исследовании им впервые был применен особый социолингвистический квантитативный метод изучения речи большого количества информантов, который применяется и в настоящее время.

Этот период истории развития гендерных исследований, помимо смены научных взглядов и понятий, ознаменовался значительными социальными изменениями. В 60–70-х гг. XX в. женщины США и Западной Европы, главным образом Германии, стали все активнее выступать за свои гражданские и экономические права. Возникает феминистское движение за равноправие во всех сферах общественной жизни, на которое большое влияние оказала книга-эссе французской писательницы, философа-экзистенциалиста Симоны де Бовуар «Второй пол» (*Le Deuxième Sexe*), написанная еще в 1949 г. [3]. Это одна из самых известных работ автора, посвященная проблемам женщин, обращении с ними на протяжении всей истории человечества. Книга Симоны де Бовуар рассматривается как один из основных философских трудов феминистского направления и как отправная точка феминизма второй волны.

Американские феминистки также боролись за право женщин быть включенными в образовательный и научный процесс. Под их влиянием были созданы «первые курсы женских исследований в высшей школе США» [4, с. 18]. Были изданы и использовались в процессе обучения несправедливо забытые научные труды женщин, поднимались проблемы женщин и гендера. Изменения такого рода возникли «из осознания того факта, что женщины на протяжении долгого развития культуры обычно исключались из публичного дискурса и ассоциировались с домашней сферой, с семьей и “женской работой”» [там же, с. 19–20].

Новое женское движение имело огромное влияние на дальнейшее развитие гендерных исследований в языке, что привело к возникновению нового направления – феминистской лингвистики, или феминистской критики языка. Исследования представителей этого течения проводились с целью выявления мужского доминирования в языке.

Самой значительной в этом направлении стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины», в которой автор обосновывает «андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке» [9, с. 39].

В феминистской лингвистике выделяются несколько признаков андроцентризма:

- отождествление понятий «человек» и «мужчина» (во многих европейских языках оба выражаются одним словом: «homme» – во французском языке, «man» – в английском и «Mann» – в немецком);
- существительные женского рода являются производными от мужских и несут в себе негативную оценочность;
- мужские формы языка употребляются для обозначения лиц любого пола, что подводит к выводу о том, что в «массе случаев женщины вообще игнорируются языком»;
- фемининность и маскулинность противопоставлены друг другу в качественном и количественном отношениях, что приводит к гендерной асимметрии.

Феминистская лингвистика развивалась в двух направлениях. Первое рассматривало языки с целью выявления асимметрии, направленной против женщин, «из-за второстепенной роли и негативных качеств, приписываемых им патриархальными стереотипами, зафиксированными в языке» [17, с. 211]. Исследования языка в этом направлении продемонстрировали, что «все языки, функционирующие в патриархальных и постпатриархальных культурах, суть мужские языки и строятся на основе мужской картины мира. Исходя из этого, феминистская лингвистика настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику целью своих исследований» [9, с. 41].

Второе течение феминистской лингвистики сосредоточилось на исследованиях особенностей тактик речевого поведения мужчин и женщин в коммуникации в однополых и смешанных группах. Так называемая тактика «коммуникативного сотрудничества», приписываемая женщинам, в основе которой заключены не только чисто лингвистические особенности речи женщин (значительное количество уменьшительно-ласкательных суффиксов большее, чем у мужчин, разнообразие форм вежливости и обращений частое использование сослагательного наклонения и т. д.), но и экстралингвистические характеристики (отсутствие доминантности, неагрессивность, умение слушать и ставить себя на место собеседника), негативно отражается на женщинах при общении в смешанных группах и формирует мнение о том, что «женщины слабее, неувереннее и вообще менее компетентны» [9, с. 42]. Если же женщины используют тактики мужского

речевого поведения (наступательность, директивные речевые акты), то в обществе это воспринимается как неженственность и агрессивность. Такое понимание объясняется несоответствием коммуникативного поведения нормам и стереотипам, установленным обществом относительно роли мужчин и женщин в социуме.

Надо отметить тот факт, что феминистская критика языка добилась успехов не только в общественно-языковой практике ряда стран, но и в их языковой политике. С 1976 г. действует Директива 76/207 Совета ЕЭС по реализации принципа равноправия женщин и мужчин относительно возможности получения профессионального образования, работы и продвижения по социальной лестнице. В 1989 г. была принята Резолюция об избежании сексизма в языке в деловом дискурсе (при оформлении объявлений о найме на работу стали указывать и мужские, и женские варианты профессий и должностей). В этом направлении феминистская лингвистика добилась некоторых изменений языковой нормы, универсальность которых на лексическом уровне заметна прежде всего в европейских языках. Так, например, в Германии форма обращения к молодой девушке *Fräulein* заменяется формой *Frau*, которое раньше употреблялось по отношению к взрослой, замужней женщине. Подобная тенденция наблюдается и в английском, и во французском языках. Вместо *Miss* или *Mrs* используется нейтральное *Ms*, а слово *Mademoiselle* заменено на *Madame*. Также для современного английского языка характерна замена традиционных номинаций для обозначения женского пола словами: *firemen – firefighters, policemen – police officer* и др.

Как и в других европейских странах, феминистское движение во Франции возникло и развивается на фоне изменяющихся процессов в политической, экономической и производственной областях общественной жизни и возрастающей роли женщины в обществе.

В 1984 г. была создана Комиссия по феминизации наименований профессий, должностей, титулов и званий (*La Commission de la féminisation des noms de métiers, fonctions, grades ou titres*). В 1993 г. Комиссией было обнародовано Постановление о правилах феминизации названий (например, по модели образования слова *avocate* образовано слово *magistrate*, по модели *cassière – hussière*, по модели *laborantine – échevine*). Для обозначения женского рода к некоторым обращениям добавляется артикль *la*: *la Ministre de l'économie, la vice rectrice, la chercheuse, la soldate américaine* и др. [16, с. 89].

Реформы такого рода проводились и в других франкоязычных странах: во франкоязычной провинции Канады Квебек (1979), Швейцарии (1988), Бельгии (1993). В Квебеке закрепились «универсализация окончания *-e*» [там же, с. 89], которая отразилась в его добавлении к словам, в которых раньше оно не употреблялось (*une professeure, une auteure, une metteure en scène*). В Швейцарии употребляются парные формы существительных мужского и женского рода (*les instituteurs et les institutrices*).

Во французском языке феминизация имен происходит по «всеобщему языковому закону развития форм по аналогии» [там же], с помощью добавления суффиксов или окончаний к формам мужского рода. Например, суффиксов *-esse* (*une hôtesse, une maîtresse, une poétesse*); *-ière* (*une banquière, une cassière*); окончания *-euse* (*une chercheuse, une basketteuse, une programmeuse*); окончания *-trice* (*une aviatrice, une conductrice, une doctrine*).

Кроме всего вышеперечисленного, гендерная лингвистика (или феминистская критика языка) становится наукой междисциплинарной. К гендерным исследованиям привлекаются различные науки о человеке (психология, социология, история, антропология, этнография).

В российской лингвистике феминистское направление возникает позже и не выражено так ярко как в западной, в силу того, что советский период характеризуется отсутствием феминистской лингвистики. Это объясняется рядом исторических фактов, и, прежде всего тем, что в СССР женщинам не надо было бороться за социальное и экономическое равноправие. С 1917 г. советские женщины обрели «равные с мужчинами гражданские права, имели возможность получать высшее образование, в советские годы (особенно в период стахановского движения) целью государственной политики было привлечение женщин к освоению мужских профессий» [9, с. 54]. Большая часть советских женщин не ограничивала себя только рамками домашней, семейной, жизни. Они являлись передовиками производства, активистками общественной жизни, участвовали в политической жизни страны.

Киргизия (в настоящее время Кыргызская Республика) вошла в состав Российской империи во второй половине XIX в., сохранив патриархально-феодальный строй. Но после Октябрьской революции 1917 г. жизнь в Киргизии изменилась во многих сферах. На женщин Киргизии «распространились общие для советской страны

законоположения, представляющие женщине равные права с мужчиной» [2, с. 6]. Женщины советской Киргизии не боролись за свои права, само государство им их предоставляло и создавало условия для достижения равноправия. Поэтому многие киргизские женщины, еще во времена становления советской власти, активно участвовали в социальных преобразованиях молодой республики. Советская власть принесла эмансипацию киргизским женщинам. Но говорить о том, что женское движение в Киргизии не существовало вообще нельзя. Оно возникло еще в 1925 г. и помогало государству в выполнении идеологических задач. Таким образом, женское движение в Киргизии XX в. коренным образом отличается от западного, но имеет тесную связь с российским, в силу общности исторического развития.

В Кыргызской Республике гендерные исследования в политическом и социальном аспектах проводятся только с 2000-х гг. Изучаются вопросы о роли и месте киргизской женщины в обществе и политике, рассматриваются социокультурные аспекты гендерных отношений.

В лингвистике же гендерные исследования на материале киргизского языка не проводились, и, соответственно, феминистская лингвистика не развита так, как на Западе или в России.

В последние десятилетия активно развивается концептология, основной единицей которой является концепт. Понятие заимствовано из когнитивной психологии и является терминологически разнообразным.

По мнению Ю. С. Степанова, «концепт – явление того же порядка, что и понятие» [14, с. 40] и рассматривается им в рамках математической логики и культурологии. Определяя концепт как «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [там же, с. 41], Ю. С. Степанов выделяет три его «слоя»:

- основной, актуальный, признак (актуален для всех носителей языка и культуры);
- дополнительные, «пассивные» признаки, являющиеся историческими (осознаются лишь представителями некоторых социальных групп);
- внутреннюю форму, запечатленную во внешней, словесной форме (существенна лишь для ученых).

А. В. Кирилина также рассматривает термин «концепт» как синоним «понятия», имея в виду, что оба они не совпадают с объемом

словарной дефиниции и включают как общезначимые признаки (коллективный опыт), так и индивидуально значимые (индивидуальное сознание), связанные с жизненным опытом индивида» [9, с. 89].

Исследования концептов маскулинности и фемининности, а также сопоставительные исследования на материале различных языков широко проводятся в России в последние десятилетия в рамках лингвокультурологии. Интерес вызывают вопросы изучения специфики стереотипов маскулинности и фемининности и их функционирование в языке.

По мнению Е. С. Бадмаевой, концепты «фемининность» и «маскулинность» рассматриваются не только как следствие природных факторов, но и как понятия, обусловленные культурной традицией. «“Маскулинность” и “фемининность” понимаются как совокупности лингвокультурных концептов, сформированные в сознании человека и отражающие его представления о мужском и женском началах» [1, с. 9].

Концепты «фемининность» и «маскулинность» рассматриваются также как комплекс анатомических, физиологических признаков женского и мужского пола. В то же время они представляют собой гендерные категории, включающие в себя и социально-аксиологические признаки, характеризующие женщин и мужчин в обществе.

Нужно отметить тот факт, что изучение фемининности и маскулинности не проводилось параллельно в один и тот же промежуток времени в силу развития именно феминистской критики языка. Изучение феминности, женской гендерной идентичности и ее отражения в языке началось намного раньше, чем исследование маскулинности.

Концептом «фемининность» занимаются разные ученые, рассматривая мифологию, религию, искусство, а также все, что связано с общественным и индивидуальным сознанием носителей разных культур. В. Н. Кардапольцева выделяет следующие проявления фемининности:

- традиционные – сострадательность, способность к сочувствию, самопожертвованию, сопереживанию, «христианственность души»;
- героические – для которой семья, домашняя работа – не главное в жизни; приоритетом является общественная деятельность;
- демонические – нарушение условностей, проявление эгоцентризма, сочетание красоты и мистичности, а также способность быть музой [8].

Несмотря на различные проявления фемининности, исследователи указывают, как мы отмечали выше, что женская речь более эмоциональна, богата употреблением вежливых форм и сослагательного наклонения, лишена ругательных слов и агрессивных выражений. Безусловно, все эти признаки женской речи зависят не только от принадлежности к женскому полу, но и от социальных факторов.

Но некоторые исследования последних лет фиксируют изменения стереотипов фемининности, выделяя:

- нормативную фемининность, «которая соответствует женскому хабитусу с ориентацией на традиционно закрепившиеся в общественном сознании женские ценности» (семья, дом, дети);

- инфантильную фемининность, представительницы которой пытаются быть активными лидерами, самодостаточными личностями, семейные ценности не занимают первостепенное место в их жизни. Женщины такого типа инфантильны в сфере семейно-материальных установок, несмотря на свою активность;

- инверсионную фемининность представляют женщины, обладающие чрезмерной маскулинизацией. Они «вспыльчивы, склонны к гневу, злобе, эмоциональной неустойчивости». Поведение женщин данного типа воспринимается как мужское. Инверсионная фемининность связана с такими понятиями, как независимость, уверенность в себе, профессионализм, амбициозность, соревновательность, агрессивность, т. е. всеми атрибутами маскулинности;

- деформированную фемининность, которая выражается в моделях поведения, «сопряженных с алкоголизмом, наркоманией и другими деструктивными паттернами»;

- андрогинную фемининность, в которой сочетаются и женские, и мужские характеристики [7].

Такое разнообразие фемининности в настоящее время еще раз подтверждает мысль о меняющихся ориентирах в обществе.

С конца 80-х гг. прошлого столетия, наряду с исследованиями фемининности, возрастает интерес и к проблемам маскулинности, о чем свидетельствуют проведенные научные конференции и выпущенные публикации, результатом которых стало определение четырех разных типов маскулинности. Эти данные базируются на исследованиях С. Поллака материалов английского языка:

- «Sturdy Oak» (крепкий дуб) – основывается на мужском стоицизме;

- «Give 'em Hell» (покажи им, где раки зимуют) – создает ложную «самость» из отваги, бравады, любви к насилию;
- «Big Wheel» (крутой парень) – подчеркивает потребность любой ценой достичь высокого статуса, власти, влияния;
- «No Sissy Stuff» (без соплей) – осуждение выражения мальчиком любых сильных или теплых чувств, привязанности, зависимости от всего, что считается «женственным» и, следовательно, неприемлемым или табуированным¹.

Стереотипы подобного рода доказывают, что для мужчин существуют определенные социальные нормы, такие как успешность, физическая сила, умственные способности, смелость, эмоциональная стойкость. Эти нормы несут в себе социальное давление, которое испытывает на себе мужчина, результатом чего являются ограничения в выражении эмоциональности, слабости, вынуждают к проявлению лидерства во всех сферах, к соревновательности, потребности контролирования окружающих и ситуаций. Все эти нормы и ожидания общества приводят к кризису маскулинности, так как мужчина (как социальный класс) не соответствует современным меняющимся условиям жизни и общества и должен перестраиваться и вносить изменения в самосознание [6].

В настоящее время в силу изменений, происходящих в гендерных отношениях, различаются две разновидности концепта «маскулинность»:

- гегемонная маскулинность;
- естественная маскулинность.

Гегемонная маскулинность включает в себя такие понятия, как лидерство, власть, первенство. Естественная маскулинность проявляется в снятии «разного рода ограничений, накладываемых гегемонной маскулинностью. Сюда относятся и право на эмоциональность, и признание за мужчиной права быть неуверенным, обеспокоенным будущим, и возможность иного отношения к семье, к детям» [7, с. 136]. Новый концепт маскулинности имеет место в современном обществе, что говорит о трансформации гендера. Привычные, стереотипные, понятия маскулинности заменяются концептом естественной маскулинности.

Изменения в сфере эмоциональных отношений, проявляющиеся у женщин и мужчин и являющиеся следствием преобразований

---

¹Цит. по: [9, с. 47].

в сфере труда и экономики, в сфере политики и в других видах общественной деятельности, выражаются в «мужской» агрессивности и жесткости у женщин, и наоборот, в «женской» чувствительности, сентиментальности и неуверенности у мужчин [7].

Большое разнообразие трактовок концептов фемининности и маскулинности наглядно свидетельствует о трансформации гендера в обществе, которая выражается в поведении, одежде, выражении эмоций и во многом другом. И, безусловно, в манифестации гендера в языке.

В данной статье мы представляем фрагмент анализа особенностей манифестации концептов «фемининность» и «маскулинность» в официально-политических текстах киргизских представителей власти на материале киргизского языка, который входит в алтайскую (тюркскую) семью языков и является агглютинативным.

Выявление и изучение данных о концептах фемининности и маскулинности и входящих в их состав гендерных стереотипов способствует рассмотрению вопроса об «авторе дискурса» с учетом гендерной специфики.

Материалом предварительного исследования послужили тексты выступлений президента Кыргызской Республики переходного периода Розы Исаковны Отунбаевой, опубликованные в киргизоязычных газетах «Де факто» от 1 ноября 2011 г. и «Кыргыз туусу» от 15 ноября 2011 г., и инаугурационное выступление избранного президента Алмазбека Шаршеновича Атамбаева в газете «Кыргыз туусу» от 15 ноября 2011 г. Этот материал объединен одной темой – сложением полномочий президента переходного периода, выборы нового президента и его инаугурация.

Прежде чем говорить о предварительных результатах анализа небольшого количества статей, нужно сказать об особенностях грамматики и стилистики киргизского языка. В киргизском языке отсутствует грамматическая категория рода, часто и в официально-деловой, и в обиходной речи употребляются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, а также устойчивые фразеологические обороты, пословицы и поговорки, что связано с историей развития языка. Киргизский язык, не имевший ранее письменности, фиксировался в устном народном творчестве, что выражается в большом количестве паремий и фразеологизмов.

Основываясь на данном материале, предварительно можно отметить, что официальная речь женщины-политика Р. И. Отунбаевой

и речь действующего президента А. Ш. Атамбаева имеют некоторые схожие черты, такие как использование паремий, устойчивых выражений и цитат из великого эпоса киргизского народа «Манас»:

Р. И. Отунбаева:

«Кыбыраган кыр ашат» – Тише едешь, дальше будешь;

«Ачуу душман акыл дос» – Злоба – враг, а ум – друг¹;

«Бирдик болсо тирлик болот» – Если будет единство, будет и жизнь (перевод наш. – *Р. М.*);

«Жолунуз шыдыр болсун, жолдошунуз Кыдыр болсун» – Пусть дорога будет без препятствий, и попутчиком будет хороший человек (перевод наш. – *Р. М.*).

А. Ш. Атамбаев:

«Көч бара-бара түзүлөт» – Время все сглаживает²;

«Сабырдын түбү — сары алтын» – Кто скромн – золота достоин [перевод по: 15, с. 256];

«Ыймандуу бийде тууган жок, туугандуу бийде – ыйман жок» – У справедливого правителя нет родственников, а у правителя, имеющего много родственников, нет справедливости (перевод наш. – *Р. М.*);

«Ырыс алды – ынтымак» – Единодушие – залог счастья (перевод наш. – *Р. М.*).

Использование этих лингвистических средств и мужчиной, и женщиной, демонстрирует почитание ценностей киргизского этноса и близость к простому народу, для которого все эти лингвистические обороты близки и понятны. Рассматривая подробнее речь политиков, нужно отметить тот факт, что в речи Р. И. Отунбаевой мы наблюдаем очень частое употребление сложноподчиненных предложений, причем в одном предложении могут использоваться несколько придаточных (придаточные времени, причины, цели, образа действия, меры, уступительные придаточные предложения). Использование в речи сложноподчиненных предложений, которое мы наблюдаем в официальной речи Р.И.Отунбаевой, О. Есперсен охарактеризовал как мужскую модель речи. Выступления же А.Ш. Атамбаева отличаются бóльшим употреблением простых и сложносочиненных предложений, хотя встречаются и сложноподчиненные конструкции, но гораздо в меньшей степени, что О. Есперсен определяет скорее как женскую модель.

---

¹ Цит. по: [15, с. 60].

² Цит. по: [15, с. 208].

Дальнейший анализ газетных статей еще раз показал, что речь Р. И. Отунбаевой все же больше относится к стилю мужской речи, о чем свидетельствуют такие факты как отсутствие эмоциональности, редкое употребление превосходных степеней прилагательных, официальность. Речь А. Ш. Атамбаева напротив, наполнена эмоциональностью, что выражено прилагательными (чоң – большой, алтын – золотой, асыл – умный, ыймандуу – совестливый, честный, порядочный), обращением к Всевышнему (Кудайга шүгүр – Слава богу; Кудай колдосун – Да хранит Бог; Кудай-таала – Бог, Господь), которые не встречаются в речи Р. И. Отунбаевой, а также использованием большого количества образных выражений. Такой вид речи является более простым и близким для понимания простого народа.

Предварительный анализ показывает, что в выступлениях этих политиков нет однородности. В речи Р. И. Отунбаевой чаще встречаются черты мужской речи, а в выступлениях А. Ш. Атамбаева – женской. Дальнейший анализ, надеемся, покажет более ясную картину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бадмаева Е. С.* Концептуальные пространства маскулинности и феминности (на материале фразеологизмов и паремий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2010. – 25 с.
2. *Бектурганова К. А.* Роль името женщины в истории Кыргызстана (XIX – начало XXI века). – Бешкек : 2006. – 192 с.
3. *Бовуар С. де.* Второй пол. – Т. 1 и 2 : пер. с франц. / общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой ; комм. М. В. Аристовой. – М. : Прогресс : СПб. : Алетейя, 1997. – 832 с.
4. Введение в гендерные исследования. – Ч. I: учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков : ХЦГИ, 2001 : СПб. : Але-тейя, 2001. – 708 с.
5. *Германова Н. Н.* Введение в языкознание. Язык в социокультурном контексте: учеб. пособие. – М. : Рема, 2008. – 144 с.
6. *Ефремов В. А.* Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина – женщина»: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2010. – 406 с.
7. *Ильиных С. А.* Концепты маскулинности и феминности в русле гендерного подхода // Идеи и идеалы. Научный журнал. – 2011. – № 4 (10). – Т. 1. – С. 131–144.
8. *Кардапольцева В. Н.* Особенности конструирования и репрезентации женственности в русской культуре нового и новейшего времени: дис. ... д-ра культурологии (теория и история культурологии). – М., 2005. – 491 с.

9. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. – М. : Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. – 180 с.
10. *Кирилина А. В.* Язык и пол (гендерная лингвистика) // Открытая (публичная) лекция проф. А. В. Кирилиной от 19.01.2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.youtube.com>
11. *Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд-во, испр. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
12. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. Аномальные речевые приемы в нутка: пер. с англ. под ред. и с предисл. д-ра филол. наук. проф. А. Е. Кибрика. – М. : Прогресс–Универс, 1993. – 656 с.
13. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. Мужские и женские варианты речи в языке яна: пер. с англ. под ред. и с предисл. д-ра филол. наук. проф. А. Е. Кибрика. – М. : Прогресс–Универс, 1993. – 656 с.
14. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
15. *Шамбаев С.* Киргизско-русские пословицы, поговорки и изречения / сост. и пер. Сыргабек Шамбаев; авт. предисл. Сапарбек Закиров. – Фрунзе : Мектеп, 1979. – 340 с.
16. *Шемчук Ю. М., Андреева А. В.* Феминизация лексических изменений как проблема гендерной лингвистики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. – Вып. 2 : Филологические науки. – С. 86–92.
17. *Щербакова О. А.* Оппозиция «маскулинность–фемининность» и ее реализация в языке и речи // Коммуникативно-дискурсивные практики в различных национальных культурах. – М. : МГЛУ, 2013. – С. 207–221. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 5 (665). Сер. Языкознание).

УДК 81:704:003

Л. А. Ноздрина

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и сравнительного языкознания МГЛУ, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка ФНЯ МГЛУ; e-mail: caf.sprachwissen@yandex.ru

О СЕМИОТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ТЕКСТА Э. ШТРИТТМАТТЕРА «ЛЕБЕДИ»

Статья посвящена семиотике и семиотическому анализу немецкоязычного текста. В ней рассматриваются три аспекта: семантический, синтаксический и прагматический как составляющие семиотики. Текст Эрвина Штриттматтера «Лебеди» дан в оригинале (на немецком языке) и в переводе на русский язык.

Ключевые слова: семиотика; семиотический анализ; целое речевое произведение; синтаксис; семантика; прагматика; читатель; автор.

Nozdrina L. A.

Doctor of Philology, Head of the Department of General and Comparative Linguistics, Professor at the Department of Grammar and History of German, German Language Faculty, MSLU; e-mail: caf.sprachwissen@yandex.ru

A SEMIOTIC ANALYSIS OF «DIE SCHWÄNE I» BY E. STRITTMATTER

The article undertakes a semiotic analysis of «Die Schwäne I» by E. Strittmatter. The text in question is studied in terms of semantics, syntax and pragmatics, that is from the standpoint of the three branches of semiotics. E. Strittmatter's text is introduced both in German, which is its original language, and in its literal translation into Russian.

Key words: semiotics; semiotic analysis; a single verbal unit; syntax; semantics; pragmatics; reader; author.

Семиотика как наука знает имена не только зарубежных, но и отечественных авторов. Г.Г. Почепцов приводит в качестве ее предвестников целый ряд ученых, чьи имена могут быть названы в этом списке: А. Н. Веселовский, Н. В. Крушевский, А. А. Потебня, А. А. Богданов, П. А. Сорокин, Н. Д. Кондратьев, В. М. Бехтерев и другие. Кроме Г.Г. Шпета и А. Белого в послереволюционный период в этой области трудились П. А. Флоренский, Е. Трубецкой, Вяч. Иванов и многие другие, все имена которых не могут быть названы в данной статье не в силу их незначимости для развития этой науки, а в силу

многочисленности. Их теории, многоплановость и значение которых не вызывают сомнения, могут быть отнесены к отечественной семиотике и упоминаются Г. Г. Почепцовым в его труде [6].

Язык художественного произведения, независимо от его объема, как известно, представляет собой некую систему, состоящую из ряда семиотических сущностей. В. В. Фещенко и О. В. Коваль относят к их числу как морфологические, так и синтаксические категории. К знаковым сущностям в поэтической речи ученые причисляют метрический размер, инструментовку, грамматические формы, пробелы, образы, мотивы. К синтаксическим средствам относятся длина предложений в прозаическом художественном тексте, объем абзаца, протяженность текста. Наряду со знаковыми сущностями текста поэтического они также представляют собой «семиотический арсенал», который находится в распоряжении художника слова, его языковой инвентарь для смыслообразования, и в который входят на языковом уровне инструментовка, грамматические формы, словоразделы и т. д. [8, с. 48].

Рассмотренный с этих позиций текст-миниатюра Э. Штриттматтера «Die Schwäne I» («Лебеди») выступает в аспекте художественной семиотики как образец-иллюстрация выдвинутого положения. Прежде чем начать анализ используемых писателем приемов, приведем весь текст:

Die Schwäne I

Neun junge Schwäne waren's im Mai, acht waren's im Juni, sechs im September. Wer hat die Schwäne vom See gerissen? Der Habicht, die Weihe, ein großer Hecht?

Das Leben hat die Schwäne gerissen. Der Mensch sagt dem Leben nichts Böses nach. Er nennt die Fraßgier des Lebens – den Tod. [12, с. 122]

Лебеди I

Девять молодых лебедей было в мае, восемь было в июне, шесть в сентябре. Кто отнял у озера трех лебедей? Коршун, лунь, большая щука?

Жизнь отняла лебедей у озера. Человек не бросает злых слов вслед жизни. Ее прожорливость он зовет смертью [9, с. 438].

В предисловии к книге сказано, что читатель сам сможет оживить ландшафт и людей, описанных в текстах, но в первую очередь сможет определить личность автора, ведущего беседу, диалог с собой

и окружающим его миром [там же, с. 122]. Точка зрения автора («внутренняя» по Б. А. Покровскому) начинает проявляться уже в заголовке текста.

«Заглавие – ключ к интерпретации», – пишет У. Эко [10, с. 10]. Заглавие миниатюры «Die Schwäne I», на наш взгляд, – возврат к романтизму. Оно носит явно романтический характер. Название миниатюры – одна из «сильных позиций» текста – могло бы быть и другим. В выборе именно этого варианта выражено авторское желание показать связь человека с природой, осмысление течения жизни, характерное для романтического направления. Размышления о смысле жизни, об одной из ее сторон идет от романтизма как направления в искусстве, в данном случае – в словесном произведении. Мир воды (природы) – мир птиц (части природы) – мир человека (составляющей природы) даны здесь как единая линия. Для всех трех частей окружающей жизни действуют одни и те же законы. В этом единстве заключается то «семиотическое напряжение», которое разряжается в созерцании и в сознании читателя, о чем и говорит В. Кандинский [3, с. 307; цит. по: 8, с. 224]. Это – история-загадка. У. Эко пишет: «... и медицинский диагноз, научный поиск, метафизическое исследование – тоже догадки. В сущности, основной вопрос философии (и психоанализа) – это и основной вопрос детектива: кто виноват? Здесь автор сам дает ответ: это и есть жизнь» [10, с. 224].

Обращаясь к семиотическим идеям С. Дягилева, высказанных им совместно с Д. Философовым в одной из статей, В. В. Фещенко и О. В. Коваль называют четыре постулата для оценки художественного произведения (написание и грамматика оставлены прежними).

1. Творец есть всеобъемлющее начало бесчисленных переживаемых нами художественных моментов ... (с этим трудно не согласиться. – Л. Н.).

2. Красота в искусстве есть темперамент, выраженный в образах (вполне допустимое предположение. – Л. Н.).

3. «...для всякого воспринимающего художественное произведение ценность и значение последнего заключается в наиболее ярком проявлении личности творца и в ближайшем соответствии ее с личностью воспринимающего» (что мы и видим в тексте Э. Штрийтматтера. – Л. Н.).

4. «Искусство и жизнь нераздельны и рефлектируют одно другим» (это также доказывает текст художественной миниатюры. – Л. Н.) [2, с. 569–570; 573, 575; цит. по: 8, с. 52–53].

Те же авторы (В. В. Фещенко и О. В. Коваль) отмечают важность этих постулатов для всех последующих теорий авангарда [8, с. 53]. Нам же представляется, что этим положениям вполне отвечает и характеристика текста Э. Штриттматтера, т. е. они в полной мере подходят и к той парадигме, которая господствовала в немецкой художественной литературе 60-х гг. прошлого века.

Паола Волкова, лекциями и очерками которой многие сейчас зачитываются (соглашаясь или не соглашаясь с ее трактовками), говорит о театре и приводит хорошо известные слова В. Шекспира: «Весь мир есть театр, и люди в нем актеры», отмечая, что в греческом театре, который оказал большое влияние и на нас, поскольку все в нем лежит в области психологии и сознания человека, главное – зритель. «Театр для того и существовал, чтобы он – зритель, участвуя в ситуациях, осознавал себя, мир, свою духовную жизнь и свои отношения» [1, с. 125]. То же можно, вероятно, сказать и о большой литературе, которая существует для читателя. Театр играет самую важную роль в оппозиции «автор – читатель». Автор выбирает именно эти языковые средства, чтобы донести до читателя, как воспринимающего художественное произведение, его ценность и значение, которое оно имеет для автора (писателя) (см. постулат третий С. Дягилева и Д. Философова) [2]. Именно читатель должен создать гармонию с Логосом, «ибо мир и есть Логос» [там же, с. 127]. В. В. Фещенко и О. В. Коваль отмечают, что в русском модерне поворот к языку принял вид обращения к Логосу [8, с. 315]. Логос, пишут ученые, обозначал глубочайшее единство слова и мысли. Это единство стало ключевой константой в живописи, в авангарде, в частности, у В. Кандинского, о котором говорят особо. Логос – это речь самой природы, «скрытой сущности мира» [8, с. 316].

«Любое искусство замечательно, когда оно больше себя», – пишет П. Волкова. «Микельанджело потому и Микельанджело, что он больше скульптуры, а Рембрандт больше живописи. И Чаплин больше кинематографа» [1, с. 130]. По всей вероятности, в текстах «Шульценгофского календаря “Всякая всячина”» Э. Штриттматтер – больше, чем писатель. Он, скорее, писатель-философ, поскольку стремится не только дать свое видение природы и людей, но и сообщить читателю, что мир – это некий порядок, Логос, система, не подвластная воле человека. Человек должен вписаться в эту систему, стать ее частью, но при этом не разрушить ее.

Теперь о другой составляющей оппозиции «автор – читатель». Анализируя научные взгляды Г.Г. Шпета и Х.-Г. Гадамера, В.В. Фещенко и О.В. Коваль отмечают: Г.Г. Шпет показал, что искусство, также как и наука, как и повседневная жизнь, есть вид знания и вид познания, но его специфичность заключается в том, что посредством произведения искусства мы познаем не только объективный мир, но в первую очередь личность художника. Проецируя его ощущения на свой мир, мы познаем себя [8]. Таким образом, мы познаем мир художника и себя, как читателя. «В работе материал проявит свои природные свойства», пишет У. Эко, «но одновременно напомним и о сформировавшей его культуре (эхо интертекстуальности) [10]. Он, читатель, «...читая о самом себе, и развлекаясь этим, получал еще кое-что дополнительно, становился немножко другим человеком. Развлекаясь, он обучался. Узнает ли читатель новое о мире или же он узнает новое о языке – это специфика того или другого типа поэтики, но главное не меняется».

У. Эко пишет о так называемом эмпирическом читателе: «Это вы, я, любой человек, читающий текст. Эмпирические читатели прочитывают текст по-разному, и не существует закона, диктующего им, как именно читать, поэтому они зачастую используют текст как вместилище своих собственных эмоций, зародившихся вне текста или случайно текстом навеянных» [11, с. 18–19].

Итак, как уже говорилось ранее, предложение выступает в роли одной из крупных языковых единиц в составе текста и обладает своими характеристиками, отличающими его от остальных текстовых и семиотических единиц, составляющих макротекст [5]. Использованное в качестве зачина целого текста, предложение построено автором в данном тексте таким образом, что его содержание (быстро уменьшающееся число лебедей на озере) тесно связано с его формой (каждая из трех составных частей предложения меньше предыдущей по объему): если первая представляет собой двусоставное распространённое предложение, из шести членов, то вторая часть значительно короче первой и включает в себя уже четыре члена предложения, а последняя, третья, свернута совсем и состоит лишь из двух членов. Это и есть их синтаксическая характеристика.

Объем предложения поддерживается и числительными: они расположены в порядке убывания (*neun – acht – sechs – девять – восемь – шесть*). Две эти линии – линия расположения числительных по убыванию и линия свертывания синтаксической структуры

предложения – поддерживают и усиливают друг друга в создании художественного образа, который автор текста стремится создать и передать читателю.

Числа вообще играют особую роль в тексте. «Высший образ является нам через образ числа. Это – дух, явленный через материю мира», пишет П. Волкова. «Человек – это тоже число. Число – самое мудрое из всех вещей» [1, с. 223]. С этим утверждением можно соглашаться или нет, но вот автор выводит его в ряд первый, самый наглядный, самый значимый для всего содержания, и число начинает «играть» свою роль, заставляя читателя, самый важный персонаж разыгрываемой пьесы, задуматься над всей структурой Логоса-мира. Число – это тот семиотический элемент, без которого невозможен мир как система, как некий порядок, неподвластный человеку и потому объективный, мир как гармония. Число, по мнению П. Волковой, входит в ряд семантических составляющих семиотического подхода [1].

С. Махлина, говоря о семиотике и семиотическом подходе, выделяет три уровня исследования знаковых систем: синтактику, занимающуюся изучением синтаксиса систем, т. е. структуры сочетаний знаков и правил их использования и преобразования без учета значения и функций систем; семантику, изучающую знаковые системы как средства выражения смысла с интерпретацией знаков и знакосочетания; прагматику как отношения между знаковыми системами и воспринимающими, интерпретирующими и использующими содержащиеся в них сообщения. Внимание уделяется и взаимосвязям, существующим между этими уровнями [4, с. 494].

Прагматика (соотношение между языком как знаковой системой и читателем, воспринимающим ее) передается автором читателю с целью сообщить ему свое отношение к мироустройству. Вопрос о том, воспринимает ли читатель жизнь так, как автор текста или по-иному, остается открытым, но не в этом главная задача автора. Задача в возможности заставить задуматься. В этом заключается прагматика семиотического подхода. Заставляя читателя воспринимать мир так же, как сам создатель текста, автор дает импульс к размышлению («я думаю так же или иначе?»), «...анализ дуалистичности визуально-вербальной картины мира дает возможность глубже разобраться в природе человеческого языка и в работе когнитивных механизмов, влияющих на языковую упаковку информации о мире и способах его репрезентации, в том числе и средствами пластической образности» [8, с. 332].

Разумеется, средства всех языковых уровней действуют в тексте не разобленно, не отдельно, а в тесной взаимосвязи, дополняя друг друга. Фонетический, лексический, грамматический аспекты и объединяющая их стилистика соединяются в тексте и создают единый текст-знак, передающий некую ситуацию и восприятие ее творческим опытом автора. Его творчество, его познание мира сведено в анализируемом нами тексте к показу мира природы, частью которого является человек. На примере природы автор доносит до читателя основную мысль текста – о Логосе, о закономерностях, царящих в природе и воспринимаемых человеком как частью этой природы. Здесь речь идет о тех семиотических аналогиях, которые существуют между словесным языком и миром, в котором живет человек. Для создания образа, возникшего в художественном представлении автора, и выбираются те языковые категории, которыми автор пытается передать читателю свое понимание мира. Это его позиция, его точка зрения, которую он стремится сообщить читателю.

Этим текстом автор утверждает еще одну семиотическую мысль, свое понимание условности знаковой природы языка: то, как человек называет одно и то же явление разными единицами: *die Fraßgier des Lebens – der Tod. – Прожорливость жизни – смерть*. В концовке текста, в его «сильной позиции», звучит мораль, превращающая обычную художественную миниатюру в сентенцию, сообщая, таким образом, поучительное положение: *Der Mensch sagt dem Leben nichts Böses nach. Er nennt die Fraßgier des Lebens den Tod. – Человек не говорит ничего злого. Он называет прожорливость жизни смертью*. Это восприятие смерти лишь как перехода из одного состояния в другое и есть та «остановка во времени», о которой говорит П. Волкова и которая роднит этот переход с искусством («уйти красиво» как драматург, как сценарист своей жизни, а не только как ее исполнитель, по словам П. Волковой). Обуздывая себя, свои страсти, человек создает великую гармонию с Логосом, иными словами, с миром, в котором он живет, пишет П. Волкова [1, с. 221].

Семиотический подход к анализу данного текста, на наш взгляд, заключается в том, что читатель достаточно полно видит не только используемые автором приемы, но и понимает (поскольку это выражено вербально) композицию и само содержание текста. Важно отметить, что композиция текста позволяет отнести его к притчам: сначала дается повествовательная часть, содержание, а затем – мораль, вывод.

В так называемой сильной позиции, т. е. в концовке текста, приводится вывод. Б. А. Успенский, говоря о композиции иконы, включает ее в семиотический анализ и отмечает связь иконописи с языком, а иконописного изображения – с письменным и устным текстом. «Оба вида письма (словесное и иконное) выступают как два равноправных и дополнительных способа выражения» [7, с. 229]. Напомним, что мы рассматриваем только одну семиотическую систему – словесное письмо.

Подразделению на повествование и мораль способствует не только графическое построение текста (мораль отделена от повествования и подается как отдельный абзац), но и словесное: в повествовании используются две временные формы глагола: претерит и перфект. Мораль же, как нечто важное для жизни вообще, для каждого ее периода, выдержана в презенсе. Итого – три временные формы для небольшого по объему (семь строк) произведения!

Несмотря на то, что в тексте все изображается с одной точки зрения, через восприятие одного лица, и ни разу не появляется личное местоимение *ich* («я»), текст передает именно внутреннее состояние автора-рассказчика, его оценку. Здесь необходимо вспомнить, что эта миниатюра имеет как бы двойственный характер: с одной стороны, она – вполне самостоятельное произведение, имеющее свое заглавие, зачин и концовку, с другой – составная часть другого макротекста – книги-календаря, которая представляет собой структурированное собрание текстов, представляющих восприятие автором разных времен года и часто написанных от первого лица, с употреблением личного местоимения *ich*.

Таким образом, анализируемый текст Э. Штриттматтера с точки зрения семиотики может быть определен как некая семиотическая система в ее действии. В завершение статьи хотелось бы предложить читателю еще раз обратиться к переводу текста на русский язык, выполненный Е. Вильмонт и Н. Ман, и определить, сохранилась ли эта семиотическая система при переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова П. Д. Портреты. Книга вторая. – М. : Мелихово, Хорошая книга, 2015. – 272 с.
2. Дягилев С., Философов Д. Сложные вопросы // Мир искусства. – 1899. – № 3/4. – С. 37–61 (см. : То же // Искусствознание. – 1999. – № 1. – С. 574).
3. Кандинский В. В. Избранные труды по истории искусства: в 2 т. – Т. 2. – М. : Гилея, 2001. – 446 с.

4. *Махлина С.* Словарь по семиотике культуры. – СПб. : Искусство–СПб., 2009. – 752 с.
5. *Ноздрина Л. А.* Поэтика грамматических категорий. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2004. – 212 с.
6. *Почепцов Г. Г.* Русская семиотика (образовательная библиотека). – М. : Рефл-бук : Киев : Ваклер, 2001. – 768 с.
7. *Успенский Б. А.* Семиотика искусства. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.
8. *Фещенко В. В., Коваль О. В.* Сотворение знака: очерки о лингвостилистике и семиотике искусства. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 640 с.
9. *Штримматтер Э.* Лебеди // Избранное. – М. : Художественная литература, 1971. – С. 438.
10. *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы». – М. : Астрель : CORPUS, 2011. – 160 с.
11. *Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах. – СПб. : Симпозиум, 2002. – 285 с.
12. *Strittmatter E.* Schulzenhofer Kramkalender. – Berlin: Aufbau Verlag, 1966. – 314 S.

УДК 81'23

Н. С. Панарина

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: panarina_n@list.ru

ДИНАМИКА ЗНАЧЕНИЙ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЕДИНИЦ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу динамики значений прецедентных единиц. Особое внимание уделяется взаимообусловленности структуры актуального значения, структуры речевой деятельности, а также специфики функционального использования единиц.

Ключевые слова: прецедентность; прецедентное значение; речевая деятельность; вторичная номинация.

Panarina N. S.

Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics,
MSLU; e-mail: panarina_n@list.ru

DYNAMICS OF PRECEDENT UNITS MEANINGS: PSYCHOLINGUISTIC ASPECT

The article analyses the dynamics of precedent units meanings. Particular focus is placed on the interdependence of the actual meaning structure, speech activity structure and specific character of the functional use of the precedent units.

Key words: precedence; precedent meaning; secondary nomination; speech activity.

В современных лингвистических исследованиях особое внимание уделяется культурологическому аспекту функционирования языка как средства коммуникации. Предметом исследования зачастую выступают сложнейшие ментальные феномены, которые требуют междисциплинарного подхода в установлении их сущности, и, таким образом, едва ли могут быть эффективно описаны в рамках только лингвистической парадигмы. Одним из них, на наш взгляд, является феномен прецедентности, который, как правило, рассматривается в лингвокультурном и лингвокогнитивном аспектах.

Так, при разработке моделей ментальных репрезентаций действительности, характерных для представителей того или иного лингвокультурного сообщества (далее – ЛКС), особое внимание уделяется культурно-специфическому содержанию сознания. Такими моделями являются, например, «языковое сознание» Е. Ф. Тарасова [12], «когнитивная база» В. В. Красных, понимаемая как совокупность «знаний

и представлений определенного ЛКС» [4, с. 128]. При этом прецедентный текст (далее – ПТ) чаще всего определяется как ядерный элемент когнитивной базы, который связан с конкретным единичным феноменом – текстом.

Таким образом, основной исследовательской задачей в работах по прецедентности чаще всего становится установление принципов организации знаний и национальной специфики такой организации. Однако, как представляется, недостаточно раскрывается вопрос о том, как возникает, организуется и протекает собственно оперирование знаниями с опорой на прецедентные феномены (далее – ПФ), как осуществляется и структурируется познавательное действие, а рассматривается лишь итог, содержание интерпретации языкового выражения. А потому остается нерешенным вопрос о сущности действия механизма прецедентности.

На наш взгляд, актуальное содержание прецедентных единиц (далее – ПЕ) отражает структуру конкретной речевой деятельности, поэтому анализ специфики вербальной репрезентации культурно-специфического знания предполагает прежде всего анализ структуры акта функционального оперирования знаком, прецедентной единицей. Такой анализ может быть выполнен в рамках психолингвистической парадигмы.

Одним из дискуссионных вопросов теории прецедентности является проблема десемантизации ПЕ. В концепции В. В. Красных этот вопрос решается посредством выделения так называемых «умирающих» ПФ [там же, с. 121], которые постепенно «выходят» из когнитивной базы ЛКС, а носители языка все реже воспринимают связанные с феноменами языковые единицы как прецедентные. Подобная трактовка десемантизации не позволяет провести границу между «сокращением» прецедентности феномена, с одной стороны, и недостаточной интеграцией индивида в культурную среду – с другой.

Для объяснения закономерности десемантизации ПЕ представляется необходимым исследовать **механизм автоматизации речевого действия**, динамика которого, как предполагается, лежит в основе включения культурно-специфического знания в значения прецедентных языковых единиц. Такое исследование должно включать анализ:

- специфики структуры прецедентного значения;
- условий культурной реализации прецедентного значения;
- функционального и структурного преобразования речевой деятельности, предполагающей оперирование ПЕ.

О возможности трактовки прецедентности как качества значения, реализующегося в речевом акте, свидетельствует факт изменения значения языковых единиц за счет актуализации отдельных его компонентов, а также за счет вхождения новых компонентов в периферию, а затем – и в понятийное ядро значения. Примером тому может служить вариативность структуры значения фразеологизма *малиновый звон*.

Согласно распространенной гипотезе, выражение связано с названием бельгийского города Мехелен (*фр.* Малин), в городском соборе которого «были колокола особой чистоты, о чем рассказывали русские путешественники, называя их звон “малинским”» [2, с. 427]. В прошлом веке название *малинский* превратилось в *малиновый* «как более понятное и близкое народу» [там же]. Принятие данной гипотезы позволяет нам интерпретировать выражение *малиновый звон* (*малинские колокола*) как *звон колоколов в городе Малин* или *сходный по звучанию с ним*, а значит, в понятийно-предметном ядре значения выражения можно выделить указание на конкретный культурный объект. Таково значение выражения в следующем фрагменте:

...она пыталась расслышать что-то на остановках при почтовых станциях, где меняли лошадей, но и голоса доносились до нее пока что нечетко ... протяжная русская речь сливалась в какой-то один чарующий гул, напоминающий немного ей перезвон малинских колоколов на маленькой лютеранской кирхе Штутгардта... [10].

Соотносящееся с выражением *малинских колоколов* сочетание *чарующий гул*, характеризующее качество восприятия звука, способствует тому, что в периферию значения единицы входит компонент *приятный на слух*. Тем не менее денотативный признак *те, что в городе Малин* обладает доминантной значимостью в контексте. Такое эксплицированное значение назовем *прецедентным*. Структура прецедентного значения отличается тем, что в его предметно-понятийном ядре доминантную значимость приобретает культурологический компонент, отражающий содержание связи культурной реалии с действительностью. Специфика речевого акта состоит в том, что такое значение фиксирует обобщение актуальных признаков объекта и компонентов культурно-специфического знания. Так, в вышеназванном примере в значении обобщаются признаки *приятный на слух* и *те, что в городе Малин*.

По мнению филолога В. Н. Сергеева, вышеназванная гипотеза является спорной, поскольку связь выражения *малиновый звон*

и топонима *Малин* возникла на основе народной этимологии по аналогии с *красным звоном* [15, с. 277]. Впрочем, мы считаем возможным рассматривать выражение *малиновый звон* как изначально культурно мотивированное, принимая во внимание мнение потомственных звонарей Москвы и Костромы, приведенное в диссертации В. Н. Ярешко, безоговорочно поддерживающих версию «заимствования», или «образца» [там же, с. 278].

В современном русском языке выражение *малиновый звон* имеет в структуре значения устойчивое понятийное ядро: «очень приятный, мягкий по тембру звон» [5, с. 360; 13, с. 564]. Согласно одному из основных положений теории номинации, слово «служит средством языкового мышления, ... значения слов вовлекаются в процесс развития понятий» [11, с. 31]. В прецедентном значении при актуальности указания на объект выражено новое социально значимое понятие, которое формируется за счет актуализации одного или нескольких признаков в значении. С формированием понятийного компонента в значении языковая единица приобретает лексико-семантическую самостоятельность и способность использоваться в актах вторичной номинации.

Проследим, как случаи словоупотребления способствуют метафорическому переосмыслению ПЕ. «Целый день в монастыре колокольный звон, а колокола-то были чудные, звон-то серебристый, малиновый» [13, с. 564]. В таком контексте слово *малиновый* не только означает *приятный звон чудных колоколов*, но и соотносится со словом *серебристый*, характеризующим тот же самый объект. Такое положение стимулирует выстраивание значения на основе обобщения по принципу цвета, что способствует утверждению ассоциативной связи с малиновым (или красным) цветом.

В то же время при сформированности понятия можно констатировать расширение денотативной отнесенности выражения. Так, А. И. Бардовская на основе анализа национального корпуса русского языка показывает, что слово *малиновый* используется при определении не только звона колоколов, колокольчиков, бубенцов, но и в выражениях *малиновый звон шпор; будильники с малиновым звоном; медали... позванивали малиновым звоном; у меня на душе малиновый звон* и т. д. [1, с. 239–240]. Подобные словоупотребления показывают, что при всё более частом переосмыслении выражения *малиновый звон* как характеристики внутреннего, эмоционального состояния говорящего,

возникающего в ответ на восприятие внешнего стимула, связь с жанровыми разновидностями колокольного звона стирается, уступая место функционально более актуальным признакам.

В завершение рассмотрения выражения *малиновый звон* приведем еще один пример из прозы К. И. Чуковского: «В России голод, люди поедают детей, а он издает журнал, – «Мой Журнал», где на первой странице печатает: – Сегодня жизнь кумачовая – малина!... Сегодня малиновый звон, завтра малиновый звон, не слишком ли много звону! А без звона Каменский не может...» [14]. В данном контексте выражение служит негативной оценке высказываний В. Каменского и приобретает значение *бесмысленные, не отражающие действительность, лживые*. Многократное же повторение слова *звон*, сначала как компонента выражения *малиновый звон*, а затем – как самостоятельной единицы, усиливает его семантическую значимость в выражении и ассоциативную связь со словом *звонить* в значении *болтать* (см.: «Звонить ... *разг.-сниж.* разглашать что-л., распространять сплетни, всем, повсюду рассказывать» [5, с. 360]).

Таким образом, представляется очевидным, что не всякое употребление ПЕ сообщает ей функцию выражения культурно-специфического знания. С этой точки зрения не так важно, являлась ли первоначально актуальной связь выражения *малиновый звон* с конкретным городом или имела место синестетическая метафоризация. И в том, и в другом случае структура значения с неизбежностью изменяется, поскольку отражает общественную практику использования слова. Индивид выбирает и использует в речевой практике единицы, которые в разных речевых действиях способны приобретать разное значение.

Развитие прецедентности имени протекает за счет использования его в актах вторичной номинации.

Представляется, что в развитии прецедентного значения языковых единиц можно выделить несколько стадий.

1. Прежде всего, **формирование сигнификативного компонента** в значении языковой единицы – это результат мысленного выделения некоторых признаков объекта и абстрагирования от других. «При этом предмет деятельности выступает двояко: первично – в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично – как образ предмета, как продукт психического отражения его свойств, которое осуществляется

в результате деятельности субъекта...» [6, с. 67]. В речевой деятельности оперирование именем культурного объекта приводит к тому, что в качестве продукта отражающей деятельности психики формируется единство отражаемого признака объекта и его имени, т. е. значение.

2. **В дальнейшем в коммуникации** культурологический компонент, реализуясь в значении, указывает на осознанную апелляцию индивида к культурно специфическому знанию, составляющему содержание отношения реалии к действительности. Однако каждый случай словоупотребления свидетельствует о переосмыслении сигнификативного содержания значения, происходящем не только на основе конкретной функциональной реализации имени, но и отражающем значимость культурного содержания для индивида.

3. Поскольку такое содержание представляется говорящему определяемым только для членов группы, то качество обозначаемого отношения реалии к действительности может становиться более значимым для акта номинации, чем само содержание отношения. Тогда индивид использует выражение как предпочитаемый способ выделения объектов. Доминантным мотивом в акте номинации становится не идентификация объекта, а подтверждение принадлежности коммуникантов к одной социальной группе, а значит, использование языковой единицы получает **новую функцию**. Тогда, на наш взгляд, процесс десемантизации особенно интенсивен, поскольку для представителей лингвокультуры становится возможным проводить перенос, лежащий в основе вторичной номинации, не только на основании культурологического компонента значения, но и на основе иных признаков объекта.

Таким образом, апеллятивная функция, предполагающая осознанную отсылку, и классифицирующая функция номинации перестают реализовываться совместно, так как классификация становится возможным проводить на разных основаниях. А значит, и доминантными в значении становятся признаки, ранее относимые к второстепенным. При многообразии и частотности подобных номинаций содержание отношения к реалии, бывшее изначально основой выделяемого признака и формируемого понятия, стирается, поскольку наиболее частотной, а значит, устойчивой, является связь имени с функциональным употреблением, служащим номинации новых, социально более актуальных признаков. Тогда внутренняя форма значения перестает осознаваться, поскольку культурологический компонент больше не включается в обобщения.

4. Со временем слово теряет связь со старым значением и предстает для индивида как **объективный инструмент** – знак, который функционально может быть использован для вербализации социальных не значимых признаков.

Развитие значения ПЕ не обязательно предполагает односторонность стадийных переходов. Ее использование в конкретный период лингвокультуры может допускать формирование ее значения как на культурно значимом, так и ином основаниях.

Рассмотрим функциональную реализацию высказывания *всё вокруг колхозное, всё вокруг мое*. «Словарь разговорных выражений» фиксирует вариативность значения: «(1) о чем-л., что говорящий хочет присвоить; 2) все, что принадлежит неизвестно кому, можно взять себе; 3) о колхозе» [3, с. 35]. Подчеркнем, что непосредственная апелляция к колхозу как культурной реалии упоминается авторами словаря как наименее частотная.

Сегодня высказывание часто функционирует в качестве заглавия публицистических текстов, содержание которых в разной степени связано с реализацией апеллятивной функции ПЕ.

Рассмотрим некоторые из них: «В нашем сознании, как и в наших песнях, все еще поется, что “все вокруг колхозное, все вокруг мое”... Так и с людьми: поменять их отношение к “общему” имуществу очень непросто» [9]. При осознанной апелляции к культурному объекту, ПЕ используется в освещении проблемы брошенных возле супермаркета продуктовых тележек и означает *отсутствие бережного аккуратного обращения с имуществом*. При этом в значении ПЕ компонент, репрезентирующий связь с коллективным хозяйством, оказывается неактуальным. Доминантным становится компонент *принадлежащее неизвестно кому, а потому заслуживающее небрежного обращения*.

В заметке, также озаглавленной выражением «Всё вокруг колхозное, все вокруг мое...» и представляющей авторское рассуждение о деятельности министра спорта РФ В. Мутко, приводятся данные из отчета Счетной палаты РФ о сумме суточных, «выплаченных лицам, включенным в состав олимпийской делегации» на Олимпийских играх в Ванкувере. «Гостиничный номер ..., в котором за счет бюджета проживал Мутко, обошелся в 1400 канадских долларов в сутки... министр умудрился за 20 дней командировки взять 97 ваучеров на завтраки... По закону Мутко мог рассчитывать на номер за \$130, подчеркивается в отчете» [6]. На основе содержания заметки в значении

заглавия доминантную значимость приобретает компонент *незаконное присвоение бюджетных средств, растрата*.

Интересно в этой связи, что ситуация незаконного присвоения имущества представляла изначально внешний контекст реализации высказывания. Так, героиня фильма «Отчий дом», в ситуации обнаружения присвоения ею части урожая ссылается на текст советской песни: «Ну и что я у тебя взяла? ...мы на этой земле сто потов пролили. Свое беру, заработанное. Как в песне поется: все вокруг колхозное, все вокруг мое. Понял?» В таком случае в значении ПЕ доминантную значимость приобретает компонент *полученное общими усилиями, а потому являющееся собственностью каждого члена коллектива*.

Внутренняя форма слова *колхозный* указывает на обозначение им отнесенности объекта к *колхозу*. Формирование сигнификативного компонента прецедентного значения слова *колхозный* происходит в данном случае на основе доминантной значимости признака принадлежности к кооперативному объединению. «Колхоз – коллективное хозяйство (кооперативное объединение крестьян для совместного ведения крупного сельскохозяйственного производства)» [5, с. 360]. Однако доминантным может стать и признак *коллективный*. Так, наряду с вышеупомянутым значением слова «колхоз», толковый словарь фиксирует употребление *всем колхозом*, означающее *все вместе, коллективно* [там же].

Постепенную деактуализацию культурологического содержания отражает и словарная трактовка выражения *колхоз «Красный лапоть»*: «разг., шутил.-ирон. 1. Об отстающем, отсталом колхозе; 2. О недобросовестном, примитивном и некачественно работающем предприятии; 3. Об отсталых, малограмотных, недобросовестно работающих людях» [8, с. 303]. Нетрудно заметить, что постепенная деактуализация связи слов *колхоз* и *колхозный* с культурной реалией сопровождается также постепенным формированием социально значимого понятия *о нечестных / незаконных действиях, небрежности и отсталости человека* на основе признаков, изначально характеризовавших элементы ситуации словоупотребления – как говорящего, так и объект обозначения.

В этой связи стоит также выделить выражение *колхозная внешность*, доминантной значимостью в значении которого обладает признак *неухаженный, неопрятный, нелепый внешний вид, без печати интеллекта на лице*.

Рассмотренное выше изменение значения ПЕ позволяет говорить о взаимозависимости функционального использования языковой единицы, структуры речевой деятельности и структуры актуального значения.

Первоначально единственно реализуемая апеллятивная функция словоупотребления служит номинации культурно значимого объекта. Такое указание структурно представляет собой речевое действие, поскольку подчинено сознательной цели, субъективно выделяемой индивидом в форме представления о результате – актуализации представления о конкретном объекте. А потому в структуре значения доминирует денотативная отнесенность к конкретному объекту.

Поскольку всякое используемое в речевой деятельности имя есть знак, содержание которого переосмысливается индивидом при каждом случае оперирования на основе мысленного абстрагирования и конкретизации, новые случаи употребления ПЕ приводят к формированию сигнификативного компонента в значении. Это становится возможным за счет того, что апеллятивная функция словоупотребления реализуется в рамках коммуникативной и не может рассматриваться отдельно от последней. Целью речевого действия остается актуализация культурно значимого содержания, однако, как имя явилось средством формирования понятия, так и апелляция к культурному объекту становится не целью, а средством актуализации формирующегося понятия. То есть то, что ранее выступало целью (актуализация представления о культурном объекте) и соответствовало представлению о результате, становится «промежуточным» результатом на пути к актуализации понятия. «Выделение целей и формирование подчиненных им действий приводит к тому, что происходит как бы расщепление прежде слитых между собой в мотиве функций» [7, с. 81]. В случае использования в речи прецедентных единиц апеллятивная функция, как было отмечено выше, отделяется от классифицирующей. Связь языковой единицы с культурным объектом представлена в актуальном значении прежде всего качеством выделяемого признака – его социальной значимостью для ЛКС.

В дальнейшем при отсутствии осознанной необходимости обращения к культурному объекту использование имени в речи, становится условием обозначения понятия, сформированного на базе данного имени, и более того – номинации признаков иных, актуальных объектов речевых действий индивида, непосредственно не связанных

с изначальным культурным объектом. В рамках психологической теории деятельности такое структурное изменение деятельности названо А. Н. Леонтьевым сдвигом цели на условие: «Действие может превратиться в операцию, если неоднократно достигаемая цель, устойчиво связываясь со способом достижения, ввиду автоматизации действия перестает осознаваться и оказывается в структуре деятельности условием выполнения другого действия» [там же].

Так, любой акт вторичной номинации представляет собой случай «укрупнения» единиц речевой деятельности и вхождения одних речевых действий в другие. В случае с использованием в речи ПЕ, целью нового действия становится выделение признаков другого объекта. При этом устойчивость ассоциативных связей нового значения имени с прежним не означает постоянного обращения внимания индивида к этим связям, если этого не требует цель речевого акта. Соответственно, при переосмыслении знака, употребляемого во всё новых контекстах, осознание этой связи прекращается тем скорее, чем интенсивнее происходит опосредование знаком речемыслительной деятельности.

Таким образом, десемантизация прецедентных единиц является результатом оперирования ими. В свою очередь, речевая практика употребления ПЕ отражает динамику отношений индивида к объектам действительности, развитие этих отношений, в ходе которого «развивается также и психическое отражение людьми реальности» [7, с. 20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардовская А. И. Синестетическая метафора в «Национальном корпусе русского языка» (на материале анализа словосочетания «малиновый звон») // Вестник ТвГУ. Сер. «Филология». – 2003. – Вып. 2. – С. 235–242.
2. Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург, 2000. – 937 с.
3. Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. – М. : ПАИМС, 1994. – 192 с.
4. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
5. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

6. *Курганов А.* Все вокруг колхозное, все вокруг мое... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2013/07/10/569>
7. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М. : Смысл, 2004. – 352 с.
8. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 785 с.
9. *Параскивиди Е.* Все вокруг колхозное, все вокруг мое // Зареческая ярмарка. – № 29. – 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zar-yarmarka.ru/2015/29/Vse_vokrug_kolhoznoe_-_vse_vokrug_moe
10. *Романова Е. П.* Мадам Мишель, княгиня Свобода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cooked.moy.su/news/elena_pavlova_romanova_madam_mishel_knjaginja_svboda/2010-06-23-281
11. *Серебренников Б. А.* Языковая номинация (Виды наименований). – М. : Наука, 1977. – 358 с.
12. *Тарасов Е. Ф.* Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М. : ИЯ РАН, 1993. – С. 6–15.
13. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под. ред. А. Н. Тихонова // Справочное издание: в 2 т. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 1. – 832 с.
14. *Чуковский К. И.* Кубофутуристы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Futuristy2.htm>
15. *Ярешко А. С.* Русские колокольные звоны в синтезе храмовых искусств: история, стилевые основы, функциональность: дис. ... д-ра искусствоведения. – М. : РГБ, 2006. – 401 с. (Из фондов Российской Государственной Библиотеки).

УДК 81'373

И. А. Семина

доктор филологических наук, доцент; заведующая кафедрой лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка МГЛУ; e-mail: gramethistor_ffya@mail.ru

ОБЩАЯ СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ ШИРОКОЗНАЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена изучению семантических особенностей французских широкозначных антропонимов. Отмечается их связь с аналитическим характером языка, антропоцентризмом, событийностью, способностью к грамматикализации.

Ключевые слова: широкозначные существительные; антропонимы; аналитические языки; антропоцентризм; грамматикализация; событийность.

Syomina I. A.

Doctor of Philology, Head of the department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French language, MSLU; e-mail: gramethistor_ffya@mail.ru

GENERAL SEMANTIC TRAITS OF WIDE-MEANING ANTHROPONIMICS IN MODERN FRENCH

The article researches semantic traits of French wide-meaning anthroponimics. The author stresses their connection with analytical languages, anthropocentrism, their capacity to name different events, and to participate in the processes of grammaticalization.

Key words: wide-meaning nouns; anthroponimics; analytical languages; anthropocentrism; grammaticalization; the capacity to name different events.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении основных семантических характеристик широкозначных антропонимов современного французского языка.

Лексико-семантическая категория французских антропонимов представляет собой номинативный класс лексических единиц, включающий в свой состав совокупность конкретных существительных (имен собственных, нарицательных, собирательных), называющих человека. Из них нами анализируются имена нарицательные, содержащие моносеманты с антропонимическим значением, а также полисеманты с отдельными антропонимическими значениями.

Особое положение антропонимов в лексико-семантической системе языка обусловлено способностью этих единиц выступать

в качестве языковых репрезентантов категории *человек*, универсальной для всех языков. Этот факт обеспечивает, с одной стороны, **универсальный характер** лексической подсистемы антропонимов, важность и активность составляющих ее лексем в разных языках, в том числе в современном французском языке, а с другой – их **антропонимичность**. Кроме того, антропонимы французского языка выступают и в качестве **непосредственных индикаторов антропоцентричности** сознания и языка. Они – формальные показатели и прямые выразители категории антропоцентричности, преломляющейся в их семантике. Поэтому антропонимы как номинативный класс обладают центральным статусом в лексической системе языка и организующей ролью в его номинативном пространстве.

Кроме того, при всей широте подходов изучение активно используемой в языке лексической подсистемы антропонимов в аспекте широкозначности носит фрагментарный характер. Все изложенные выше факты свидетельствуют об актуальности исследования французских широкозначных антропонимов.

Образуемая антропонимами лексико-семантическая система является неоднородной и подразделяется нами на основании иерархических (гиперо-гипонимических) отношений на широкозначные (собственно широкозначные и условно широкозначные) и узкозначные антропонимы. Условно широкозначные антропонимы выделяются здесь как единицы, имеющие переходный характер между собственно широкозначными и узкозначными антропонимическими лексемами.

Таким образом, класс антропонимов включает в себя несколько лексических подсистем и может рассматриваться с точки зрения иерархических (классификационных) отношений, о которых писал еще Аристотель. Однако, несмотря на наличие в составе категории антропонимов нескольких лексических подсистем, в нашем исследовании в качестве категории рассматриваются только широкозначные антропонимы. Узкозначные антропонимы служат фоном для того, чтобы отделить широкозначные существительные от узкозначных.

Широкозначные антропонимы выступают как часть номинативного класса антропонимических единиц, как его категория, или, фактически, субкатегория. Они характеризуются рядом общих параметров с узкозначными антропонимами (общей референтной базой, указывающей на группы людей), а также с абстрактными широкозначными именами (общей способностью субстантивировать разнородные

референты, представляя их как реифицированные сущности и объединяя их в относительно большие классы).

При отнесении антропонимов к собственно широкозначным необходимо обратиться к их семантике. При этом важно, чтобы в их словарной дефиниции хотя бы одно из отдельных значений соотносилось с понятием «человек». Методом сплошной выборки из авторитетных толковых словарей современного французского языка нами выделены девять таких лексических единиц: *homme m* – человек; *personne f* – человек, лицо, личность; *être m (humain)* – человеческое существо, человек; *humain m* – человек; *individu m* – индивид, индивидуум, личность, отдельный человек; *créature f* – человеческое существо; *mortel m* – смертный; *prochain m* – человек, ближний; *semblable m* – человек, подобный, ближний.

При этом антропонимы переходной зоны (условно широкозначные антропонимы) составляют более пятисот лексических единиц и включают в свой состав такие лексемы как *artiste m*, *militaire m*, *peintre m*, *écrivain m* и т. д.

Прежде чем перейти к рассмотрению семантических особенностей широкозначных антропонимов, подчеркнем, что исследователями отмечался универсальный характер эврисемии.

По их мнению, универсальность явления широкозначности проявляется не только в том, что данный тип значения в той или иной мере присущ всем языкам, но и в тенденции к систематическому развитию максимальной абстракции внутри любой части речи (существительного, местоимения, союза, предлога, глагола), где имеется единица, адекватно реализующая специфические признаки определенного разряда или класса слов в целом. Такие слова-«универсалии» (*universaux*) способны употребляться в значениях и функциях слов своего класса. Для французского языка это существительное *chose f*, местоимения *ce*, *qui (quoi)*, *il*, глагол *faire*, союз *que*, предлог *de* [9].

Несмотря на универсальный характер феномена широкозначности, широкозначным лексическим единицам в разных языках отводится разное место. Так, подчеркивается, что для языков аналитического строя эта категория имеет особое значение. По мнению В. Г. Гака, во французском языке слова широкого значения используются в большей степени, чем, например, в синтетических немецком и русском языках. Способность французского языка употреблять слова, широкие по

своему значению, связывается не столько с особыми свойствами мышления французов, сколько, прежде всего, с особенностями французского словообразования [2]. Исследователь отмечает, что содержание лексических единиц французского языка характеризуется большей широтой и меньшей спецификацией значения по сравнению с русской лексикой. Например, французское *pot m* может называть русские *кувшин, бидон, кринку, вазу, банку, баночку*, так как это слово употребляется применительно к любому сосуду независимо от формы, размера, материала и назначения. Французское *manifestation f* обозначает любое выступление: *демонстрацию, митинг, собрание, забастовку* [там же]. В связи с гипотезой об обратной зависимости между степенью широкозначности, полисемией слов и объемом словаря В. Г. Гак на основе типологического анализа русского и французского языков делает вывод о том, что широкозначность, как и полисемия, создает условия для парадигматической экономии. Вследствие этого французский словарный состав меньше по объему, чем словарный состав других развитых языков [3]. Однако, по справедливому замечанию В. П. Конечкой, для обоснования данного положения, вытекающего из сопоставительного анализа, требуется предварительная унификация в определении семантических компонентов слов и их семантических типов в разных языках [5, с. 30].

Факт большего тяготения языка аналитического строя к широкозначной лексике показан также А. И. Шеиным [7] на примере перевода англоязычных художественных текстов на русский, при преимущественном использовании приема конкретизации значения:

(1) Lighting a lamp, Wing Biddlebaum washed the few dishes soiled by his simple *meal* and, setting up a folding cot by the screen door that led to the porch, prepared to undress for the night (*Anderson*). – Крыло Бидлбаум зажег лампу, вымыл посуду после своего скудного *ужина*, поставил перед сетчатой уличной дверью койку и начал было раздеваться (*Андерсон*) (перевод А. И. Шеина).

Понятие, выражаемое русским словом «ужин», с точки зрения интенционала *уже*, чем понятие, выражаемое английским словом «meal». В подобных случаях, в зависимости от контекста, переводчик выбирает один из гипонимов: «завтрак», «обед» или «ужин».

(2) One night, in an excessive spurt of high spirits, the boys backed around the square in a borrowed flivver, resisted arrest by Maycomb's ancient

beadle, Mr. Conner, and locked him in the courthouse outhouse (Lee). – Однажды вечером, разойдясь больше обычного, мальчишки прикатили на главную площадь задом наперед на взятом у кого-то взаймы дрянном фордике, оказали сопротивление почтенному церковному старосте мистеру Коннеру, который пытался их задержать, заперли его во флигеле для присяжных во дворе суда (*Лу*).

В данном случае гипонимическое преобразование в отношении логико-семантического компонента (автомобиль → форд) сопровождается двойным гипонимическим сдвигом в отношении экспрессивного компонента: превращение «форда» при помощи уменьшительного суффикса в «фордик», а также добавление слова «дрянной», которое привносит ярко выраженную негативную оценку [7, с. 8].

Особый интерес для нас представляют выводы А.И.Шеина относительно специфики перевода на русский язык английской конкретной лексики общего значения, выраженной антропонимами. Исследователь предлагает заменять широкозначные антропонимы типа *man, woman, person, creature* на конкретные имена собственные или существительные типа *старик, солдат, прохожий, хозяйка* и др., в зависимости от контекста [там же, с. 21]. Данный пример подтверждает тенденцию к широкозначности языка аналитического строя, каковым является и английский, по сравнению с такими синтетическими языками, как русский.

Другой особенностью французских широкозначных антропонимов является тот факт, что их в целом предметный характер не исключает **свойство событийности**.

Понятие события, часто используемое в философии, логике, психологии и лингвистике, с точки зрения теории познания представляет собой определенный этап в процессе осознания и обобщения фактов действительности. Два теоретических направления стоят у истоков событийного подхода: логико-философский анализ, разработанный в 60–70-е гг. XX в. Д. Дэвидсоном, З. Вендлером, Н. Д. Арутюновой и др., и аргументно-функциональный подход, возникший в начале 80-х гг. из лексикалистских теорий.

Представители первого направления рассматривают событие крайне широко как любое изменение, обладающее пространственно-временными характеристиками, и трактуют его в качестве философской категории. События, к которым З. Вендлер относит такие понятия, как процессы, действия, условия, ситуации, изменения, положения

дел, локализованы в пространстве и представляют собой сущности реального мира [15]. Широкому пониманию события З. Вендлером и др. Н. Д. Арутюнова противопоставляет более узкую его трактовку: для события релевантен признак важности, выделенности из потока происходящего [1]. Наряду с логико-философской интерпретацией событийных имен существует и другой достаточно распространенный подход, при котором значение номинализации соотносится с внутренней структурой события, передаваемого глаголом [12; 14].

По мнению О. К. Ирисхановой, событие может быть определено как целостный фрагмент картины мира, отражающий локализованное во времени и пространстве изменение, важность и уникальность которого отмечены социумом или индивидом. Являясь объектом познания, оно определенным образом организуется в сознании и оценивается людьми, исходя из их коллективного и индивидуального опыта. В данном понятии проявляется то, как человек видит себя в окружающем мире [4].

Называя событийные имена «свернутой пропозицией», Е. С. Кубрякова подчеркивает, что «параллельно процессам означивания отдельных элементов мира постоянно протекают процессы означивания событий. Именуются не только явления, процессы и их качества, свойства, атрибуты и т. д., но и целые ситуации. Так, за словом типа *школьник* стоит мотивирующее его суждение *он учится в школе*, и сказать о ком-то он – *школьник* в общем семантически равносильно тому, что мы бы сказали о нем: “он учится в школе”» [8].

Событийные существительные, подобно глаголам, выстраивают вокруг себя ситуации. Свойство непосредственного выхода на ситуацию отражено в словарных дефинициях исследуемых нами имен существительных. Таковы, например, условно широкозначные антропонимы *auteur m*, *bénéficiaire m*, *complice m*, *dépositaire m*, *titulaire m*, *victime f*: **auteur m** – *personne qui est la première cause d’une chose, à l’origine d’une chose*; **bénéficiaire m** – *personne qui bénéficie d’un avantage, d’un droit, d’un privilège*; **complice m** – *personne qui aide qn à commettre un délit, un crime*; **dépositaire m** – *personne qui reçoit, possède qch*; **titulaire m** – *personne qui a une fonction, une charge pour laquelle il a été personnellement nommé, en vertu d’un titre*; **victime f** – *personne qui souffre, pâtit (des agissements d’autrui, ou de choses, d’événements néfastes)* [10].

В данных примерах событийность связана с указанием на актанта. В нашем случае это одушевленный участник определенного события. Событийность находит семантическое выражение в словарных дефинициях этих слов, в которых можно наблюдать структуру события. С этой точки зрения событийны такие широкозначные антропонимы, как *créature f, mortel m, prochain m, semblable m*, которые обозначают понятие «человек».

В то же время, являясь предметными именами, антропонимические лексемы обладают свойством лабильности, т. е. способностью включаться в большое количество различных ситуаций, не будучи связанным с определенным событием (например, существительное *книга*). Е. В. Рахилина подчеркивает, что, в отличие от глаголов, которые в силу своих семантических особенностей связаны с одной конкретной ситуацией, предметные имена лабильны [6, с. 27–29].

Такие широкозначные имена, обозначающие человека, как *personne f, individu m, homme m, être m humain, humain m* рассматриваются нами как лабильные, так как не связаны с каким-либо определенным событием, не содержат указание на предикативность, составляющую основу событийности, однако могут выступать в качестве участников множества событий.

Некоторые антропонимические существительные, компрессирующие в своей семантике аргументную структуру событий, могут, подобно глаголам, выстраивать вокруг себя ситуации. Свойство непосредственного выхода на ситуации отражено в их словарных дефинициях. С этой точки зрения событийны также собственно широкозначные антропонимы, как *créature f, mortel m, prochain m, semblable m*.

Событийность прослеживается в этимологических, морфологических и словообразовательных характеристиках широкозначных антропонимов. Во французском языке (в отличие от узкозначных имен, большинство из которых имеет производную основу, образованную от глагола и прилагательного, и являются, таким образом, событийными) такие широкозначные антропонимы, как *personne f, homme m, individu m, être m humain, humain m* несобытийны. Однако антропонимы широкой семантики, также обозначающие человека – *mortel m, créature f, semblable m, prochain m*, – реализуют нетипичное для подобных единиц качество событийности, что делает их менее типичными единицами с точки зрения субстантивной широкозначности.

Рассматривая событийные антропонимы в системе, мы имеем дело с событийностью «внутри» имени (*écrivain m* – писатель, *victime m* – жертва и т. д.) – так называемой **скрытой событийностью**. Широкозначные антропонимы, функционирующие в дискурсе, часто показывают нам событийность, выходящую за пределы антропонимических единиц и «перерастающую» в атрибутивные конструкции – в **открытую событийность**.

В подобных атрибутивных конструкциях, как правило, выделяются атрибуты бытийные и событийные, в соответствии со способностью их семантики обозначать состояние или событие, статичность или динамичность.

Бытийными атрибутами являются те, которые содержат описание состояний человека, связанных со статичностью: *personne vulnérable; invalide; narcissique; l'homme véritable; rationnel; l'individu biologique; rétif; les patients schizophrènes et psychotiques; l'homme anonyme; mental; sociable; moderne; contemporain; les êtres historiques; l'humain contemporain; individu capable d'agir selon la volonté; l'homme incapable de parvenir à une entente collective*.

Событийные атрибуты соотносятся с изменениями состояния человека, с определенными событиями, т. е. с динамикой: *personne appelée à témoigner dans une procédure pénale; l'individu participant à la production; l'agent agissant sous la responsabilité d'un officier de la police judiciaire; l'homme qui vit en fonction de la conscience; le client qui n'a pas les moyens juridiques de s'opposer à la cession*. При этом событийность выражена эксплицитно в атрибутах и носит открытый характер (открытая событийность) в противопоставление скрытой событийности, содержащейся в семантике самого антропонима.

Факт выделения бытийных и событийных атрибутов, релевантных для общих процессов категоризации в языке, свидетельствует о том, что дискурсивные категории создаются по-разному – с опорой как на статичные, так и на динамичные признаки объектов.

Еще одной важнейшей особенностью собственно широкозначных антропонимов является их особая **связь с процессами грамматикализации**. При этом явлении, как отмечалось выше, происходит «выветривание» лексического значения при одновременном нарастании грамматического значения, в результате чего слово десемантизируется и начинает выполнять грамматическую функцию.

В качестве примера грамматикализации в изучаемой нами группе имен приведем случаи, когда имя существительное выступает

в функции местоимения, т. е. выполняет функцию анафоры, обеспечивая при этом связность на уровне синтаксических конструкций – двух частей одного предложения или двух предложений в рамках одного текста. В приведенных ниже примерах анафорическую функцию выполняют собственно широкозначные антропонимы *personne f*, *individu m*, *homme m* с указательным местоимением в препозиции:

– в юридическом дискурсе:

Lorsqu’une personne a déjà été entendue comme témoin assisté, le juge d’instruction peut requérir par commission rogatoire tout juge d’instruction de procéder à la mise en examen de cette personne [11].

– в философском дискурсе:

Un homme voit que ses besoins et les choses qui lui sont nécessaires vont au-delà d’une simple protection contre la chaleur et le froid, la faim, la nudité et la maladie, ainsi que d’autres nécessités et besoins du même ordre. Un homme qui agit ainsi est loué. Il rend un culte à Dieu par sa quête même de l’argent. *Cet homme* a un comportement qui pourrait ressembler à de l’ascèse, mais n’est en fait qu’une lassitude psychologique, que La Fontaine a traduit par l’expression- image “les raisins sont trop verts” [12];

– в дискурсе СМИ:

L’identification d’un *individu* grâce à son ADN n’existait pas. On ignore toutefois s’il existe un lien entre cet individu et le véhicule en question [13].

Другим примером грамматикализации является случай, когда широкозначное слово грамматикализуется до морфемы. Так, в словах *superman* и *spiderman* широкозначная лексема *man* становится частью словообразовательных моделей. Здесь не происходит окончательного выветривания значения, *man* является корневой морфемой. Однако основную лексико-семантическую роль берет на себя другая морфема, соответственно, *super-* и *spider-*. Во французском языке подобными примерами являются такие сложнопроизводные слова, как *homme-orchestre*, *homme-sandwich*, *homme-marionnette* и многие другие, образованные на основе широкозначного антропонима *homme m*.

Таким образом, широкозначные антропонимы, как лексико-семантическая категория, представляют собой такие единицы, которые обладают некоторой степенью абстрактности и конкретности, могут носить событийный или предметный характер, являясь

номинативными однозначными единицами, могут одновременно выполнять грамматическую функцию, т. е. частично десемантизироваться.

Предположительно, перечисленные системные свойства французских широкозначных антропонимов проявляются при употреблении этих имен в разных типах дискурса, оказывая влияние на их синтаксическую и лексическую сочетаемость, а также обеспечивают их участие в дискурсивной (*ad hoc*) категоризации.

В связи с последним замечанием важно отметить, что с точки зрения процессов категоризации широкозначные антропонимы французского языка, принадлежащие к средствам наименования широкой референциальной сферы «человек», могут быть рассмотрены в двух планах: системном и функциональном. Первый, системно-лексический, аспект категоризации антропонимов необходимо дополнить функциональным аспектом, в целях рассмотрения особенностей использования данных имен в нескольких типах дискурса. При этом, в соответствии с динамическим взглядом на категоризацию, представленным в современных когнитивных концепциях, можно предположить, что существует определенная соотношенность между широкозначностью французских антропонимов в системе языка, некоторыми особенностями их сочетаемости (в частности, атрибутивной сочетаемости) и функциями соответствующих языковых единиц, участвующих в *ad hoc* категоризации в дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 265–272.
3. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – 3-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.
4. Ирисханова О. К. Семантика событийных имен существительных в языке и речи: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 200 с.
5. Конецкая В. П. Семантические типы слов (на материале английского языка) // Вопросы Языкознания. – 1983. – № 6. – С. 89–99.
6. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
7. Шейн А. И. Типология гипонимических преобразований при переводе с английского языка на русский: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 23 с.

8. Языковая номинация. Виды наименований / под ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1977. – 357 с.
9. Brøndal V. Le français: langue abstraite. – Copenhague : Munksgaard, 1936.
10. DAALF – Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P. : Dictionnaires Le Robert, 2001. – 2841 p.
11. Recueil permanent des Revues juridiques. – URL: <http://editionslarcier.larciergroup.com>
12. Revue Philosophie. – URL: <http://www.cairn.info/revue-philosophie.htm>
13. Le monde. – URL: <http://www.lemonde.fr>

УДК 81'276.5

Э. И. Слугина

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, МГЛУ;
e-mail: elina.lennon@gmail.com

ЧАСТОТНЫЕ СПОСОБЫ ПОПОЛНЕНИЯ ЖАРГОНА НАРКОЗАВИСИМЫХ (на материале английского языка)

В статье рассматриваются частотные способы пополнения жаргона наркозависимых: метафорический и метонимический перенос, специализация литературного значения слова, заимствования. Автор акцентирует внимание на проблеме распространения жаргона наркозависимых в условиях господствующей культуры постмодернизма через художественную литературу.

Ключевые слова: жаргон наркозависимых; метафора; метонимия; специализация значения литературного слова.

Slugina E. I.

Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics,
MSLU; e-mail: elina.lennon@gmail.com

FREQUENT SOURCES OF NEW UNITS IN DRUG-RELATED JARGON (based on English fiction prose)

The article explores the most frequent ways of stocking drug-related jargon with new units: metaphor, metonymy, semantic specialization and borrowings. The author also focuses on the problem of drug-related jargon expansion through fiction prose, taking into account the domination of the ideology of postmodernism.

Key words: drug-related jargon; metaphor; metonymy; semantic specialization.

Цель статьи – представить частотные способы пополнения лексики жаргона наркозависимых и доказать, что художественный текст может являться источником его распространения в среде людей, не принадлежащих к субкультуре наркоманов. Материалом исследования послужил оригинальный текст книги «Дневник Алисы» неизвестного автора (“Go Ask Alice” Anonymous), в основе которой – подлинный дневник девочки-подростка, пристрастившейся к наркотикам. В качестве иллюстративного материала также использовались романы шотландского писателя-постмодерниста Ирвина Уэлша (Ecstasy: Three Tales of Chemical Romance [5]; Glue [6]; Trainspotting [7]) и представителя бит-поколения Уильяма Берроуза (Junky [4]). Материал извлекался из представленных текстов методом сплошной

выборки, в исследовании лексического материала использовались элементы компонентного анализа.

Исследование социальных жаргонов неизбежно связано с внешней лингвистикой, изучением их носителей – социальных групп и общностей, их субкультур, мировоззрения, психологии, социальных отношений и т. п. Развитие массовой контркультуры во второй половине XX – начале XXI вв. способствует разрушению единой ценностной системы всего общества. Особое место в этом процессе отведено молодежи. Характерной особенностью современного общества стало выделение молодежи в особую социальную группу и появление многочисленных субкультур.

Жаргон наркозависимых является социально обусловленной вне-литературной формой существования языка, которая выделяется на основе принадлежности к субкультуре наркозависимых и связанных с ними социальных кругов. Исследователи подчеркивают антисоциальный характер наркотической субкультуры, поскольку она основана на системе ценностей, трансформированной асоциальным мышлением, представители ее обладают специфическим мировоззрением, вступающим в противоречие с социальными и правовыми нормами, установленными обществом [1]. Наркотики и наркотическая субкультура, к сожалению, стали постепенно усиливающейся реальной составляющей повседневной жизни российской молодежи. С одной стороны, наркотическая субкультура является базой для распространения специфического корпоративного жаргона, что, как показывает социальный опыт, ведет к постепенному увеличению числа наркозависимых.

С другой стороны, в условиях господствующей культуры постмодернизма динамика пополнения словаря молодежного жаргона наркожаргонизмами отражает быстрое распространение субкультуры наркоманов, что представляет угрозу не только лингвистической безопасности страны. Известно, что постмодернизм отрицает различие высокого и низкого, какую-либо иерархию ценностей, разницу между искусством и его оригиналом – жизнью. Постмодернистская культура освобождает человека от каких бы то ни было правил и социально обусловленных требований. Способом жизни становится новизна без традиций и стереотипов. Если для модернизма была характерна вера в науку, прогресс, достижение лучшего будущего, то постмодернизм отрицает научно-технический и моральный прогресс, поскольку

достижение личного благополучия и счастья посредством прогресса невозможно. Единственной реальностью объявляется настоящее как период существования, потребления, наслаждения, причем последнее становится основной целью жизни. Эта идеология, быстро распространяющаяся среди молодежи, способствует и дальнейшей наркотизации общества: «Главной причиной вхождения личности в зависимость является утрата ею смыслообразующих ценностей жизни. В процессе взаимодействия с виртуальным миром, который становится основной ценностью, личность приобретает специфические характеристики, обусловленные деформацией ее смысловых структур, состоящей в том, что реальные смыслообразующие ценности подменяются искусственными и мнимыми. У личностей, никогда не входивших в психологическую зависимость, таких специфических характеристик не существует» [2, с. 9].

Носитель языка, осуществляя свою речевую деятельность в разных сферах общения и владея несколькими вариантами лексических систем, бытующих в языке, употребляет их в зависимости от коммуникативной ситуации, переключаясь с одного регистра речи на другой. При этом мировоззрение говорящего отражается в его идиолекте, его личностных смыслах. Участники коммуникации, использующие жаргон наркоманов, невольно и неосознанно оказываются под влиянием психологии правонарушителей и преступников.

Несмотря на социально-прагматическую важность, многие проблемы, связанные с изучением особенностей функционирования жаргона наркозависимых, например его источники и характер пополнения, остаются не вполне исследованными.

Как правило художественный текст не рассматривается как источник пополнения и практического распространения жаргона наркозависимых. На наш взгляд, жаргон наркозависимых активно распространяется среди не принадлежащих к этой субкультуре молодых людей и через художественный текст, что требует от лингвистов, по крайней мере, акцентирования проблемы.

Доминирующим способом образования наркожаргонизмов является *метафора*. Метафорический перенос может осуществляться на основе общности самых различных признаков формы, цвета, позиции, поведения и др. Метафора, как известно, предполагает наличие общей семы у сравниваемых слов. При выявлении общих сем, лежащих в основе метафорического переноса, мы пришли к выводу,

что для большинства вторичных номинаций в жаргоне наркозависимых применима традиционная классификация метафор.

Так, частотна вторичная номинация, основанная на внешнем сходстве сравниваемых предметов.

White stuff – of the color of milk or fresh snow, due to the reflection of most wavelengths of visible light; the opposite of black [8] – актуализация семы «белый» (цвет вещества) стала основой для метафорического переноса, в результате чего возник жаргонизм со значением «героин»:

But eating hop is different from shooting the white *stuff* [4, с. 146].

Heart – a thing shaped like a heart [8] – общность семы «сердце» привела к образованию жаргонизма «сердечки» – таблетки экстази (МДМА) в форме сердца или с изображением сердца, т. е. метафорическое переосмысление основано на сходстве формы:

I suspect she knows about drugs, because she’s given me hearts a couple of times when I’ve been really low [3, с. 20].

Powder – fine dry particles produced by the grinding, crushing, or disintegration of a solid substance [8] – пудра – в результате метафорического переноса на основе внешнего сходства порошкообразного состояния вещества возник жаргонизм со значением «героин», «амфетамин»:

Syringe, needle, spoon, candle, lighter, packet *ay powder* [7, с. 8].

Collar – the part around the neck of a shirt, blouse, jacket or coat, either upright or turned over [8] – воротник – метафорический перенос основан на сходстве формы и функции (воротник – полоска бумаги, обернутая вокруг кончика пипетки для более плотной посадки иглы):

He showed me how to make a *collar* out of paper to fit the needle to an eyedropper [4, с. 21].

Trip – a journey to a place and back again, especially a short one for pleasure or a particular purpose [8] – путешествие – значение, возникшее в результате метафорического переноса, основанного на схожести чувства радости, эйфории, вызванного приемом психоактивных веществ – «психоделическое состояние», «трип»:

Sure, it’s great and groovie going on trip, I will never be able to say it isn’t. It’s exciting and colorful and dangerous, but it isn’t worth it! [3, с. 42].

Литературное значение слова *buzz* – a low, continuous humming, or murmuring sound [8] – жужжание, гул, гудение – легло в основу жаргонного значения «кайф», «приход», вследствие актуализации семы «гул» – состояние наркотического опьянения сопровождается неким гулом и монотонными звуками:

Terry was getting a mischievous rather than loved-up buzz from E. [6, с. 253].

Активен также процесс метафорического переосмысления, основанный на сходстве функций. Так, *upper* (up + суффикс *-er*) – situated above another part [8] – сема «вверх», «движение снизу вверх» актуализировалась в жаргонизме со значением «амфетамин»: после употребления этого стимулятора центральной нервной системы повышается настроение и физический тонус организма:

So I told him I like *uppers* best. Who needs to go down when you can go up? [3, с. 35].

Downer – an experience that makes you feel sad or depressed [8] – барбитураты оказывают угнетающее влияние на центральную нервную систему:

The uppers or the downers. I'm through with the whole mess [3, с. 42].

Speed – the quality of being quick or rapid [8] – на актуализации семы «скорость» основано жаргонное значение «спид», «скорость» (амфетамин) – воздействие этого стимулятора на организм связано с выбросом норадреналина в центральной и периферической нервных системах, амфетамин повышает двигательную и речевую активность:

They are a pretty poor band, but one is much the same as the other if you are full of *the speed* and the beer [5, с. 82].

Charge – the amount of electricity that is put into a battery or carried by a substance [8] – сема «заряд» легла в основу метафорического переноса вследствие психостимулирующего действия кокаина:

Aye, jist one *charge* wi holdalls fill ay stuff – we've nae place tae store the bigger gear [6, с. 155].

Метафоризация – один из доминантных способов познания действительности и представления результатов познанного, потому что предполагает активную опору на имеющиеся у индивида

ассоциативные связи. Поэтому метафора становится не только художественным приемом или стилистическим средством, но и способом формирования языковой картины мира. И если метафора является одним из доминирующих смыслопорождающих компонентов художественного произведения, повествующего о различных аспектах субкультуры наркозависимых и объективно пропагандирующего антиценности и антинормы, то она в силу своей образности может оказывать значительное влияние на восприятие и понимание текста.

В основе номинации жаргонных понятий может лежать *метонимия*. Так, жаргонная номинация существительного *blunt* – «косяк», «сигарета с марихуаной» – осуществляется на основе метонимического переноса названия бренда сигар “Phillies Blunt” на сигарету с марихуаной. Табак в сигарах заменялся марихуаной:

Montel was sittin' on the porch all day, sippin' his 40 and smokin' *blunts* [9].

Слово *chuck(s)* – meat from the shoulder of a cow [8] – лопатка разделанной говяжьей туши – в результате метонимического переосмысления по пространственной смежности приобрело жаргонное значение «свин», «свинак», «хавчик» – сильное чувство голода, возникающее после употребления некоторых наркотиков:

After eight days I got the *chucks* and developed a tremendous appetite for cream puffs and macaroons [4, с. 42].

Лексема *spike* – a thin, pointed piece of metal, wood, or another rigid material [8] – острие – в результате переосмысления по пространственной смежности приобрело жаргонное значение «игла для инъекций»:

He flipped back his coat lapel and showed me a *spike* stuck in the underside of the lapel [4, с. 134].

Наркожаргонизм может быть образован путем переноса названия одежды на человека, который ее носит: лексема *skirt* – a woman's outer garment fastened around the waist and hanging down around the legs [8] – юбка – в результате метонимического переноса приобретает жаргонное значение *a girl who uses drugs* – наркоманка:

I hate to see *skirt* smoking. Different in geezer like, but common in skirt, especially young skirt [5, с. 72].

К частотным способам пополнения словаря наркозависимых также относится *специализация значения литературного слова*. В этом

случае значение литературного слова выступает как родовое, жаргонное – как одно из составляющих его видовых, причем такой перенос первоначально выполняет конспиративную функцию, а потому использование вторичной номинации – процесс исходно осознанный. Специализация значения литературного слова или слова, отмеченного в какой-либо другой форме существования языка, сопровождается специфическими словообразовательными процессами, усиливающими его экспрессивность. Так, в предложении *I really would like to go out on dates. I don't mean with **the grass gang**, but with the nice kids* [3, с. 46] слово *grass* (трава, травка) – устойчивый компонент жаргона, указывающий на регулярное употребление марихуаны. Литературное *grass* – *vegetation consisting of typically short plants with long, narrow leaves, growing wild or cultivated on lawns and pasture, and as a fodder crop* [8] – трава – имеет родовое значение, а жаргонизм «травка» представляет видовое значение (травка – марихуана – психоактивное средство, получаемое из *растения* конопли), причем коннотативное значение слова меняется с нейтрального на эмоционально-экспрессивное. Литературное значение глагола *to cook* – *prepare (food, a dish, or a meal) by mixing, combining, and heating the ingredients* [8] – «готовить» – является родовым, а жаргонное – *to dissolve junk in water heated in a spoon or other container* [4, с. 175] – «готовить наркотик к употреблению» – видовым: *Those syrettes have too much water and you have to squeeze the stuff out and **cook** it down* [там же, с. 18].

Литературное значение *acid* – *any of a class of substances whose aqueous solutions are characterised by a sour taste, the ability to turn blue litmus red and the ability to react with bases and certain metals to form salts* [8] – «кислота», «химическое соединение» – выступает как родовое, а жаргонное «кисляк», «лизер» (наркотическое вещество ЛСД) – как видовое:

That's you goat the set now. Dope, *acid*, speed, E, mushies, nembies, valties, smack, the fuckin lot [7, с. 39].

Этот способ образования жаргонизмов также является частотным, поскольку понятие, лежащее в основе лексического значения слова, характеризуется размытостью и подвижностью границ – оно имеет устойчивое ядро и периферию, благодаря чему понятие лексического значения слова может сужаться. Этот процесс обусловлен ассоциативными связями, которые являются отражением

представлений индивида о взаимодействии объектов и явлений реального мира. Эти связи сложны и многообразны. Наиболее устойчивые из них, закрепленные в социальном опыте языкового коллектива и являющиеся источником вторичной номинации, базируются на устанавливаемой нашим сознанием реальной или вымышленной связи и общности объектов окружающего нас мира.

Активно используются лексические *заимствования из других языков*, что обеспечивает определенную закрытость жаргона наркоманов. Так, слово *smack* (*идиш* *shmek* – вкус) приобрело жаргонное значение «героин»:

It was amazing, he decided? How things like sex and Hibs, which were nothing to him when he was on *smack*, suddenly became all-important [7, с. 62].

Pot (*исп.* *potiguaya* – *potación de guaya* – бренди, использовавший для вымачивания листьев конопли) – «травка», «марихуана»:

I simply can't wait to try pot, only once, I promise! All the things I've heard about LSD were obviously written by uninformed, ignorant people like my parents who obviously don't know what they're talking about [3, с. 13].

Hash (*непс.* *hashīsh* – сено, сухая трава) – «гашиш»:

Eftir a bit we decided tae go back tae ma place for a smoke ay *hash* and some more tea [7, с. 113].

Подобные заимствованные лексемы быстро адаптируются жаргонном наркозависимых.

Таким образом, словарный состав жаргона наркозависимых непрерывно пополняется новыми единицами, что обусловлено изменениями, наблюдающимися в обществе, при этом наиболее частотными источниками пополнения данного пласта лексики являются метафора, метонимия, специализация литературного значения слова и заимствования из других языков.

Мы считаем, что неконтролируемое распространение художественных произведений, посвященных наркотической субкультуре и изобилующих жаргонизмами, представляет серьезную угрозу для российского общества. В условиях утраты ценностных ориентиров современным обществом и размывания границ допустимого нерегулируемая пропаганда наркотической субкультуры со страниц

художественных произведений неизбежно приведет к интенсификации взаимопроникновения языковых средств различных социальных групп, что, в свою очередь, будет способствовать дальнейшей наркотизации молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алоян А. А.* Предупреждение распространения субкультуры наркомании в молодежной среде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 26 с.
2. *Гарифуллин Р. Р.* Аддикция как основание личности. Постмодернистская теория личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: psyfactor.org/t/garifullin4.doc
3. Anonymous. Go Ask Alice. – URL: <http://ebookprovider.blogspot.com>
4. *Burroughs W. S.* Junky. – URL: <http://ebookprovider.blogspot.com>
5. *Welsh I.* Ecstasy: Three Tales of Chemical Romance. – URL: <http://ebookprovider.blogspot.com>
6. *Welsh I.* Glue. – URL: <http://ebookprovider.blogspot.com>
7. *Welsh I.* Trainspotting. – URL: <http://ebookprovider.blogspot.com>
8. Oxford Dictionaries. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>
9. Urban Dictionary. – URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=blunt>

УДК 81'373.4

В. Л. Соколова

кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка английского факультета МГЛУ; e-mail: sokolova_mglu@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ АППРОКСИМАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается явление аппроксимации (приблизительности) в различных формах дискурса (лекция и интервью) британском и американском вариантах английского языка.

Одним из исходных положений для данного исследования послужило распространенное мнение, что аппроксимация связана с недостаточным знанием об объекте номинации. В результате своих наблюдений автор приходит к выводу, что аппроксимация обусловлена не только недостаточностью информации, но и имеет лингвокультурные основания.

Ключевые слова: аппроксимация; выражение примерности; субъективная модальность; дискурс лекции; дискурс интервью; британский английский; американский английский; лингвокультурные исследования.

Sokolova V. L.

Ph. D. Associate Professor at the Department of English Stylistics,
Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: sokolova_mglu@mail.ru

LINGUOCULTURAL ROOTS OF APPROXIMATION IN ENGLISH DISCOURSE

As suggested by its title, the article considers the phenomenon of approximation in English discourse. The observations have been made based on two types of discourse – Lecture and Interview, and in two varieties of English – British and American.

In the course of research the author concludes that approximation in English discourse can be caused not only by the commonly recognized insufficiency of information, but can also be rooted in the mindset of the speakers.

Key words: approximation; subjective modality; discourse of public lectures; discourse of the interview; American English; British English; linguocultural research.

Настоящая статья посвящена выражению аппроксимации в англоязычном дискурсе. Толчком для обращения к этому вопросу послужили публикации на интернет-ресурсе Проза.ру. [2; 4], авторы которых были, вполне закономерно, возмущены чрезмерным использованием

в русском языке выражения примерности и цитировали такие фрагменты русскоязычных интервью и репортажей, как:

Наша команда пропускает достаточно мало! (*спортивный репортаж*). Южнокорейская команда достаточно низкорослая!... [2; 3].

На этой полке товар разложен достаточно правильно... А вот на этой – достаточно неправильно... (*пояснения торгового представителя*).

Мы находимся достаточно в центре событий!... (*из репортажа*).

Наши бойцы имеют достаточно неплохую подготовку... (*из интервью командира ОМОНа*) [3].

Нельзя было не задуматься о том, *откуда* к нам пришло это явление – повсеместное выражение примерности. Мы полагаем, – из англоязычного дискурса, и является оно интерференцией в русский язык. Подтверждение или опровержение этого предположения является предметом отдельного изучения. Целью же нашего исследования было рассмотрение некоторых особенностей употребления аппроксимации в английском языке. В частности, были поставлены следующие задачи:

- выявить, насколько различается интенсивность аппроксимации в различных формах дискурса;
- выяснить, имеются ли в этом отношении национальные различия;
- выдвинуть предположение о лингвокультурных основаниях этого явления.

Для начала хотелось бы обозначить материал исследования. Прежде, это так называемые лексические единицы-аппроксиматоры, которые имеют в своей семантической структуре сему «приблизительность» [4, с. 65].

Примечательно, что в исследованиях, посвященных этому вопросу, выражение категории аппроксимации не привязано к определенной части речи и может выражаться совершенно различными способами: через такие наречия, как *almost, slightly, somewhat, about*, предложные сочетания *sort of, kind of, in some ways*, суффиксы *greenish, greyish* и *elevenish* [1, с. 29].

Кроме того, в свое исследование мы включили средства выражения субъективной модальности (*In my opinion; to the best of my knowledge; I mean*), а также лексико-грамматические средства выражения иносказания (*I don't necessarily think it's the right thing to do*).

Несмотря на такую лексическую и грамматическую гетерогенность, все рассмотренные нами лексические единицы и конструкции содержат в своей концептуальной структуре компонент «отсутствие категоричности суждения».

До сих пор бытовало мнение, что выражение аппроксимации связано прежде всего с неточным знанием об объекте номинации [1, с. 29]. Однако всегда ли недостаточные знания о нем являются основанием для выражения аппроксимации?

Чтобы определить другие возможные причины, по которым коммуниканты могут использовать аппроксимацию, мы рассмотрели примеры из двух форм дискурса – лекции и интервью – в двух национальных вариантах английского языка – британском и американском английском.

Лекция была выбрана в качестве материала исследования, поскольку является подготовленной речью, где говорящий достаточно хорошо информирован о том, что он сообщает.

Интервью было выбрано как образец квазиспонтанной коммуникации, которая, хотя и имеет определенную структуру, содержит в себе элементы неподготовленной речи, особенно в ответах интервьюируемого.

В результате проведенного исследования было отмечено, что средний процент коммуникативных средств, выражающих аппроксимацию, составляет:

– в лекциях – 0,87 % (т. е. 0,87 % всех лексических единиц в исследованном материале содержало в своей семантической структуре сему «примерность»);

– интервью – 3,6 % (т. е. 3,6 % всех лексических единиц в исследованном материале содержало в своей семантической структуре сему «примерность»).

В большинстве отмеченных случаев выражения аппроксимации как в лекциях, так и в интервью, значение примерности реализовалось через субъективную модальность говорящего (*seem to*, *in my opinion* и т. д.):

And on the flip side, the people who race in are in such a frenzy of anxiety that they don't have original thoughts either. There's a sweet spot where originals *seem to live* (Лекция) [5].

I'm an informatics and data science guy and really, *in my opinion*, the only hope – only hope – to understand these interactions is to leverage lots of

different sources of data in order to figure out when drugs can be used together safely and when it's not so safe. (Лекция) [6].

AMBER RUDD: So I think it's worth having the debate, but I don't think it's necessarily the case. I mean, as I say, as an MP, and with my colleagues, we have to make a lot of declarations, so I don't necessarily think it's the right thing to do but it's worth looking into. (Интервью) [7].

TRUMP: I don't think he knew her. I mean, based on what I heard, I don't think he really even knew who she was. To the best of my knowledge, they really didn't know each other. (Интервью) [9].

В плане национальной вариативности выражения аппроксимации коммуникативные средства, выражающие аппроксимацию, составили, в среднем:

- в британском материале – 5,1 %;
- в американском материале – 1,75 %.

Таким образом, результаты нашего небольшого исследования показали, что наличие аппроксимации в коммуникации в значительной степени зависит от *формы дискурса* (в квазиспонтанном, неформализованном дискурсе наличие аппроксиматоров выше) и от *национальной разновидности английского языка* (в британском варианте наличие аппроксимации, в целом, выше, чем в американском).

Первое обстоятельство – то, что аппроксиматоры преобладают в спонтанном или квазиспонтанном дискурсе – объяснить достаточно легко: поскольку в спонтанном дискурсе производство высказывания происходит по мере его произнесения, выражение субъективной модальности дает говорящему возможность выиграть время.

Кроме того, жанр лекции, при наличии временных ограничений, просто не дает возможности говорящему отклоняться от темы и заставляет его говорить по существу.

То, что аппроксиматоры преобладают в рассмотренном нами британском материале также имеет свое объяснение. Как известно, и это подчеркивается в ряде лингвокультурных исследований (например, [9]), многие британцы стараются избегать категоричных высказываний, чтобы не оказаться в затруднительном или смешном положении. Пожалуй, именно этим можно объяснить наличие в исследованном материале таких фраз, как: *I don't necessarily think it's the right thing to do but it's worth looking into* [7] в значении *No*.

Американцы же, как мы полагаем, могут избегать категоричности из-за риска потенциальных обвинений в нарушении правил

политкорректности, что, особенно в американской культуре, может грозить судебным разбирательством.

Таким образом, результаты нашего предварительного исследования позволяют высказать предположение, что явление аппроксимации в англоязычном дискурсе далеко не всегда обусловлено отсутствием или недостаточностью информации и в ряде случаев имеет лингвокультурные основания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильева Л. В.* Категория аппроксимации и способы ее реализации в новостном дискурсе // Филология. Искусствоведение: Вестн. Челябинск. гос. ун-та, вып. 38. – Челябинск, 2009. – С. 29–32.
2. *Пытьева Е.* Достаточно беременная, как-бы, типа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2016/02/24/1421>
3. *Сениф.* ДПД или Еще раз о грамотности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2015/02/05/2045>
4. *Сорокин Ю. Е.* Конструкции приблизительной оценки в современном английском языке // Функциональная семантика синтаксических конструкций: межвуз. сб. науч. тр. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. – С. 63–78.
5. *Altman R.* What really happens when you mix medications? – URL: http://www.ted.com/talks/russ_altman_what_really_happens_when_you_mix_medications/transcript?language=en#t-811
6. *Andrew Marr Show* 10th April 2016 Amber Rudd – URL: <http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/10041603.pdf>
7. *Grant A.* The surprising habits of original thinkers. – URL: http://www.ted.com/talks/adam_grant_the_surprising_habits_of_original_thinkers/transcript?language=en#t-876040
8. Interview with Donald Trump – URL: <http://cnnpressroom.blogs.cnn.com/2016/03/29/full-rush-transcript-donald-trump-cnn-milwaukee-republican-presidential-town-hall/>
9. *Fox K.* Watching the English. – URL: <http://vivalinguaclub.ru/wp-content/uploads/2010/03/Kate-Fox-Watching-the-English.html>

УДК 81'373'48

А. В. Солопенко

аспирант кафедры лингвистической семантики английского факультета
МГЛУ; e-mail: sladkoanya@mail.ru

СЕМАНТИКА ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В ЛЕКСИКЕ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ КОСМЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В статье рассматриваются основные характеристики рекламного слогана, анализируются разные подходы к определению и классификации данного понятия отечественными учеными. Выявлены его основные признаки и функции как элемента рекламной коммуникации. Анализ рекламных слоганов косметических товаров проведен с целью определения языковых средств, используемых для нацеливания рекламы косметических средств на женскую и мужскую целевые аудитории. Большое внимание уделяется изучению гендерных стереотипов и гендерных ролей в лексике рекламных слоганов косметики. Обсуждается также проблема коммуникативной эффективности рекламного слогана.

Ключевые слова: слоган; мужской слоган; женский слоган; таргетинг; гендерные стереотипы; гендерные роли; рекламная коммуникация.

Solopenko A. V.

Postgraduate student, Department of Linguistic Semantics, MSLU;
e-mail: sladkoanya@mail.ru

THE SEMANTICS OF GENDER ROLES AS REFLECTED IN SLOGANS FOR FRAGRANCE AND COSMETICS

The basic characteristics of advertising slogans are considered in the paper along with various approaches to definition and classification of slogans suggested by Russian scholars. Principal features and functions of a slogan as an element of advertising communication are revealed and discussed at some length. An analysis of advertising slogans is carried out in order to identify linguistic means used to orient cosmetic and fragrance ads toward, respectively, male and female target audience. Special attention is paid to the study of gender stereotypes and gender roles as reflected in the vocabulary of cosmetic and fragrance slogans. The problem of the efficiency of ad slogans is also discussed.

Key words: slogan; male slogan; female slogan; targeting; gender stereotypes; gender roles; advertising communication.

Современная рекламная коммуникация играет весьма существенную роль в формировании и распространении гендерных стереотипов. Проявляется это, в частности, в том, что убеждения, касающиеся

роли женщины и мужчины в обществе, находят свое отражение в рекламных сообщениях, включая как вербальную, так и невербальную их составляющие. Рекламисты при этом могут сознательно использовать эти убеждения или быть их носителями, находясь под влиянием стереотипов в своей профессиональной деятельности и, возможно, не в полной мере осознавая это.

Результаты исследований в области гендерной лингвистики и гендерной семиотики способствуют рефлексии профессионального сознания создателей рекламных сообщений и выбору ими инструментов влияния на потребительские предпочтения [1; 2; 5; 9; 10]. В технологическом плане это означает, что гендерные стереотипы входят в число разнообразных факторов, учет которых, по возможности, более сознательный, необходим при создании по крайней мере части (а может быть, и всех) рекламных сообщений – наряду со множеством фоновых знаний, национальной культурой и даже такой широко используемой, хотя плохо поддающейся определению категорией, как менталитет народа [8, с. 108]¹.

Цель данной статьи – охарактеризовать проявления специфической семантики гендерных ролей в лексике рекламных слоганов косметических средств. Изучение реализации в них различных гендерных стереотипов значимо и актуально потому, что реклама выполняет не только экономическую функцию – она является еще и существенным элементом массовой культуры. Так, О. Б. Максимова называет рекламу «социальным гидом», поскольку «позиционируя индивида в бесчисленных ситуациях, возможных в условиях свободного выбора товара ... реклама снабжает нас информацией о принятых в данном обществе правилах поведения, моральных нормах, образе жизни. В ходе социальной коммуникации рекламные символические репрезентации женственности и мужественности передают информацию о характерных особенностях межличностных взаимоотношениях мужчин и женщин, свойственных данной культуре, осуществляя некоторую корректировку гендерных стереотипов аудитории» [5, с. 246].

Под слоганом мы понимаем краткую, яркую и хорошо запоминающуюся фразу, входящую в состав рекламного обращения и являющуюся одним из главных средств привлечения внимания и интереса

---

¹ Собственно говоря, всё это суть разновидности знаний, но детально вдаваться в обсуждение когнитологической проблематики (ср., например, [8]) в рамках этой статьи не представляется возможным.

аудитории, хотя в целом набор его функций гораздо шире [3; 7]. Принято считать, что он является важным элементом вербальной части рекламного сообщения, наряду с заголовком (и, часто, подзаголовком), основным текстом, реквизитами и так называемой эхо-фразой. Впрочем, необходимо иметь в виду, что данный набор элементов зависит от вида рекламы. В вещательной, например, заголовков не бывает – это атрибут рекламы печатной [1; 12; 14]. Некоторые современные исследователи рассматривают слоган как автономную единицу, однако стоит отметить, что данная точка зрения не является общепризнанной. Например, И. П. Лапинская и Е. Г. Отрощенко в статье «Художественная форма слогана» утверждают, что «слоган – краткое самостоятельное рекламное сообщение, представляющее собой свернутое содержание рекламной кампании» [4], что не всегда верно в силу разнообразия типов слоганов и их соотношения с рекламными кампаниями.

Таким образом, с одной стороны, слоган – это константа рекламного текста, а с другой – самостоятельное сообщение, которое может существовать изолировано от других рекламных продуктов. Однако во всех определениях основной акцент делается на краткости слогана¹ и потенциале его воздействия на аудиторию.

Существует несколько классификаций рекламных слоганов [3; 6; 12; 14]. В частности, О. А. Феофанов (один из основоположников отечественной школы рекламоведения), выделил три категории: слоган фирмы, слоган рекламной кампании и слоган-предложение определенного товара или услуги [13]. В содержательном плане это означает, что слоган, в зависимости от объекта продвижения, может выражать в краткой форме философию фирмы, передавать основной аргумент рекламной кампании или подчеркивать достоинства производимого фирмой товара. Фирменный слоган иногда «привязывается» к логотипу, инкорпорируясь в него (и постоянно сохраняя в этом случае свою графическую форму), либо устойчиво соседствуя с ним [13]. Например, **Garnier: Заботься о себе!**; **L’Oreal: Ведь Вы этого достойны!**; **Max Factor: Советуют профессионалы!**; **Gillette: Лучшие для мужчины нет.**

---

¹ В норме число слов в нем не должно превышать так называемого магического числа Миллера-Ингве (оно же «кошелек Миллера»), т. е. 7 плюс–минус 2, что соответствует количеству однородных элементов, помещающихся в кратковременной памяти человека, см. [7].

Если слоган относится ко всей кампании, он направлен на достижение определенной маркетинговой цели. Например, **Черный жемчуг**: *Наука о красоте; Чистота – чисто Тайд*; **Always**: *Говорят на языке твоего тела*. **Max Factor**: *Твой образ. Твое высказывание*.

Слоган, напрямую связанный с конкретным товаром или услугой, иногда принимает на себя функции заголовка рекламного сообщения. Например, **L’Oreal**: *Нежное дыхание цвета на моих губах*; **Garnier**: *1-й BB Cream. Совершенная кожа мгновенно!*

И.Г Морозова выделяет два признака, или две составляющие рекламного слогана [6]:

- основную – маркетинговую (она же информативная);
- творческую (эмоциональную) составляющую, наиболее важная задача которой – привлечь внимание покупателя к рекламируемому объекту.

Одной из функций слогана как элемента рекламной коммуникации является ориентация сообщения на ту или иную аудиторию покупателей – **таргетирование**. Целевые группы бывают разными, и инструменты нацеливания также отличаются разнообразием. Влияет на таргетинг и специфика товарной категории.

Под таргетингом понимают рекламную и, шире, маркетинговую технологию, позволяющую выделить из всей группы только ту часть, которая удовлетворяет заданным критериям (целевую аудиторию), и показать рекламу именно ей.

Целью данной технологии является создание целевого рекламно-информационного сообщения с концентрацией взаимодействия с аудиторией, получение большей отдачи от такого взаимодействия. Таргетинг позволяет показать рекламу целевой аудитории, что ведет к повышению эффективности рекламного сообщения. Рассмотрим этапы реализации данной технологии.

1. На этапе *сбора информации* изучается аудитория, отслеживаются вкусы потребителей.

2. Этап *анализа информации* позволяет на основании собранных данных о представительном количестве пользователей сделать некоторый вывод об их предпочтениях, способах коммуникации, покупки и т. п. Соответственно, для рекламной кампании отбираются только те целевые группы, к которым относится наибольшее количество потенциальных адресатов рекламы.

3. На следующем этапе выгодно представляется *информационное сообщение, товар или услуга*. Реклама размещается только на тех информационных ресурсах, которые посещает потенциальная аудитория (определенные сайты, страницы, отделы магазинов, разделы в журналах, телевизионные передачи).

Информация, содержащаяся в рекламном сообщении, формирует отдельные образы и понятия, которые в дальнейшем закрепляются в сознании адресата и перерабатываются в конкретные желания и поступки. Для большего эффекта языковые средства используются в рекламной коммуникации с учетом гендерных стереотипов, которые и интересуют нас в данной работе в первую очередь. Выявление языковых средств, используемых для нацеливания рекламы косметических средств на женскую и мужскую целевые аудитории, является задачей данной статьи, в которой реализуется обозначенная выше цель.

В большинстве рекламных текстов косметических средств представлены следующие гендерные роли, формирующие стереотипы маскулинности и феминности в современном обществе (см. табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление гендерных ролей в современной рекламе

Мужские образы	Женские образы
Образ «авантюриста»	Образ «городской кокетки»
Образ «соблазнителя»	Образ «женщины-соблазнительницы»
Образ «делового человека»	Образ «деловой женщины»
Образ «инфантильного мужчины»	Образ «беззаботной девушки»
Образ «спортивного человека»	Образ «спортивной девушки»
Образ «семьянина»	Образ «жены, матери, домохозяйки»

На основе анализа рекламных слоганов косметических средств можно дать описание существующих характеристик феминности и маскулинности, а также проследить вектор их изменений в современном российском обществе. Стоит отметить, что наиболее используемым в рекламе косметики вполне предсказуемым является женский образ (что само по себе является проявлением гендерного стереотипа). Искусство красоты и обольщения принадлежит женщине. Однако

и современный мужчина является активным пользователем косметических средств. Об этом свидетельствуют не только новые линии мужской парфюмерии, средств для волос, ухода за лицом и телом, но и спрос мужской аудитории на данные товары и услуги.

Женский образ в рекламе косметических средств практически всегда привлекателен, но при этом в нем можно выделить несколько разных типов.

Женщина-домохозяйка – один из самых распространенных и традиционных образов в рекламе. Под этим типом объединены несколько женских прообразов: матери, хранительницы домашнего очага, заботливой и верной жены. Такие женщины обычно хозяйственные, знающие всё о домашнем уюте и его поддержании. Они создают тепло, чистоту и красоту; у них дружная, заботливая и любящая семья: муж – глава семьи и дети. Однако существуют и образы, которые свидетельствуют об изменении гендерных ролей в современном обществе. Это роль *беззаботной девушки* и *городской кокетки*. Такие девушки молоды, независимы, эмоциональны, нерассудительны и нелогичны. Они обладают яркой и привлекательной внешностью. Их задача – стать эталоном красоты, сохранить молодость, получить удовольствие от жизни. Эти девушки безответственны и жизнерадостны, они стремятся стать примером «шикарной жизни». Роль *женщины-соблазнительницы* встречается в рекламе парфюмерии и косметики не менее часто. Ей соответствует архетип Афродиты, она – объект мужского притяжения и желания. Раскрепощенная, смелая, активная, дерзкая. Наряду с данными ролями, отражающими изменения в сознании людей, новое понимание места и значения женщины в обществе, активно позиционируется образ *деловой женщины*. Это успешная женщина, профессионал, лидер, а не ведомая. Роль *спортивной девушки* в настоящее время также весьма распространена в рекламе косметических средств. Это образ молодой девушки, которая следит за своим здоровьем, обладает привлекательной внешностью, стройной фигурой. Она активна, энергична и предприимчива.

Таким образом, женский (фемининный) образ имеет в современной рекламе косметических средств следующие характеристики: 1) хранительница домашнего очага, жена, нежная, верная; 2) слабая, беззащитная; 3) эмоциональная, чувственная; 4) предприимчивая; лидер, а не ведомая; 5) активная, энергичная. Именно эти черты используют копирайтеры для создания стереотипного женского образа в рекламе

косметических средств при обращении к клиенту-женщине, мотивации ее покупательной активности. Кроме того, отмечены изменения в женском образе. Ему стали приписывать некоторые черты, традиционно присущие мужскому характеру.

Маскулинная идентичность есть категоризация себя как представителя мужской социальной группы и воспроизведение гендерно обусловленных ролей, диспозиций, самопрезентаций [11, с. 203]. Ее основой является «идеология мужественности», определенная нормой статуса, твердости и антиженственности. Данные нормы закреплены в традиционных патриархальных стереотипах.

Мужской образ в рекламе косметических средств также имеет несколько типов. Традиционной является роль *делового мужчины*, успешного, разумного, реализованного в карьере, лидера, а не ведомого. Этот образ часто сочетает в себе характеристики *спортивного мужчины*. Он атлетичен, здоров и активен. Это профессионал, которому присуща свобода в самых разнообразных ее проявлениях. Он имеет престижную работу, дом и автомобиль, возможность путешествовать. Ему присущи черты *мужчины-авантюриста*, он может позволить себе пойти на риск. Роль *мужчины-семьянина* является столь же распространенной, как и *мужчины-соблазнителя*. Первый образ («мужа и отца») предопределен такими характеристиками, как заботливый, любящий, надежный, «каменная стена», защитник и кормилец, и больше ориентирован на женскую аудиторию, чем на мужскую. Второй (роль «соблазнителя») – это воплощение женского желания. Он свободен, раскрепощен, смел, активен, дерзок и страстен.

С некоторых пор и мужскому образу стали приписывать некоторые женские черты. Это такие характеристики, как своеобразная беззаботность, легкомысленность, отсутствие ответственности, считающиеся присущими женщинам (подобного рода изменения можно наблюдать в частом использовании роли «инфантильного мужчины» в рекламе косметических средств).

Таким образом, традиционный мужской (маскулинный) образ в рекламе косметических средств задается следующими характеристиками: 1) успешный, реализованный в карьере, лидер, а не ведомый, разумный; 2) сильный, энергичный; 3) активный, рискующий; 4) «каменная стена», надежный; 5) прямолинейный, дерзкий.

Реклама косметической продукции очень специфична. Построение слоганов для мужской и женской аудитории различно. Они отличаются представленными в ней тематическими группами. В семантике слоганов женской косметики это лицо и тело; красота, очарование, молодость; нежность, наслаждение, блаженство; роскошь, великолепие, совершенство (см. табл. 1). Используемые существительные содержат выраженную коннотативную сему. В семантике рекламы мужской косметики выделяются иные тематические группы: качество, престиж, авторитет; бодрость, свежесть, комфорт; энергия, соблазн, страсть; надежность, дерзость, смелость (см. табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление тематических групп рекламных слоганов

Семантика тематических групп слоганов мужской косметики	Семантика тематических групп слоганов женской косметики
<i>Значение выбора определенного средства</i>	<i>Место воздействия определенного средства</i>
Идеально чистая кожа – быстро и легко. Превосходный результат (<i>Clarinsmen</i>)	Нежное дыхание цвета на моих губах (<i>Л'Ореаль</i>)
Привилегия настоящих мужчин (<i>Secret Mission</i>)	Прекрасный объем: воздушные, пушистые ресницы (<i>Bourjois</i>)
Готов принять вызов (<i>Hugo Boss</i>)	Возрождение кожи во время сна (<i>Olay</i>). Брось вызов невозможному
Энергия, соблазн, страсть	Критерии внешности
Огненный эликсир страсти (<i>Fendi</i>)	Открытие Vichy: Ваша кожа может быть идеальной
Начни игру (<i>New Playboy Vip</i>)	Вся сила моря для молодости кожи (<i>Idilica</i>)
	Пусть мир заметит твою красоту. (<i>Дискрим</i>). Ощущение свежести, заметное всем
Ощущения	Ощущения
Чувствуйте все, до чего Вы дотрагиваетесь (<i>Kamill for men</i>)	«Пушистые формы соблазняют... Мега чувственно. Мега объем. Это мои ресницы!» – Клаудиа Шиффер (<i>Л'Ореаль</i>)

Семантика тематических групп слоганов мужской косметики	Семантика тематических групп слоганов женской косметики
<i>Ощущения</i>	<i>Ощущения</i>
Глубоко вдохните (<i>Issey Miyake</i>)	Откройте для себя новую чувственность (<i>Fendi</i>)
	«Красивой коже необходима защита», – Дженифер Лопес (<i>Venus</i>). Почувствуй себя богиней
<i>Черты характера потребителя</i>	<i>Результат применения средства</i>
Экстремально. Будь уверен (<i>Adidas</i>)	Трехступенчатая система Clinique. Три средства, дважды в день. Ваша кожа здоровая, как никогда
Красный, значит, вперед! Новый дерзкий аромат для мужчин (<i>Hugo Boss</i>)	ВВ: две буквы – один секрет. Совершенная кожа мгновенно! (<i>Garnier</i>)
Истинная сила. Максимальный результат во всем (<i>Л'Ореаль</i>)	Быть иконой стиля (<i>Dior Addict Extreme</i>)

Анализ материала показывает также, что в рекламе мужских косметических средств редко используется метафора. Предпочтение отдается использованию слов в прямом смысле. Это прилагательные, которые описывают качества предлагаемого товара. Наоборот, на женское сознание, если судить по практике копирайтеров, воздействуют все виды семантического переноса: *Неувядающая красота розы; Арифметика красоты (Avon); Сияние бриллианта в новой помаде (Pupa)*. При создании слогана, отражающего место применения косметического средства, частотны сравнения: *Кожа, как шелк (Nivea); Губы, подобные лепестку (Avon)*.

Надо отметить и такие качества слоганов, ориентированных на мужчин, как особая (даже для слогана) краткость и лаконичность. Суть рекламного предложения формулируется в двух–четырёх словах: *Скорость. Адреналин. Риск. Приключения (Nivea)*. Еще одним приемом, характерным для мужских слоганов, является градация, которая обеспечивает сюжетное движение: *Экспрессия. Страсть. Соблазн; Движение. Встречи. Перемены; Быть сильнее. Быть лучше (Avon)*.

Женские слоганы, насколько это возможно, многословны, в них часто встречаются лексические повторы: *Нежнее нежного; Новая форма. Новое содержание. Новый образ; Совершенный, как никогда раньше (Л'Ореаль)*.

Таким образом, мужской слоган менее эмоционален, чем женский; он лаконичен и представляет собой «попытку афоризма». Экспрессивность текстов мужской направленности достигается за счет лексических средств художественной выразительности (метафора, оксюморон) и фигур речи (антитеза, градация). Решение женщины предполагается менее рациональным, оно обусловлено чувственным восприятием мира, импульсивностью. Поэтому подбор лексических средств в слоганах, ориентированных на женскую целевую аудиторию, иной. Во-первых, метафора строится на основе раскрытия существующего стереотипа о женственности. Во-вторых, частотны сравнения, позволяющие фиксировать внимание женщины на частном, «приложить к себе» предлагаемый товар, а также лексические повторы.

Итак, рассмотренный материал достаточно наглядно свидетельствует о том, что реклама воздействует на мужское и женское сознание с помощью разных экспрессивных средств языка. В рекламе косметических средств присутствуют языковые инструменты, позволяющие акцентировать такие прототипические мужские атрибуты, как стабильность, престиж, обеспеченность, тогда как женщины представляются в роли «объекта вздыхания». Дифференциация сфер деятельности женщин и мужчин при этом представлена в явном соответствии с распространенными гендерными стереотипами, хотя одновременно выявляются и отклонения от нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бернадская Ю. С.* Текст в рекламе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Реклама». – М. : Юнити-Дана, 2008, – 288 с.
2. *Гусейнова И. А., Томская М. В.* Гендерный аспект в текстах современной рекламы (на материале журнальной прессы ФРГ) // *Филологические науки.* – 2000. – № 3. – С. 81–92.
3. *Колокольцева Т. Н.* Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография. – М. : Флинта-наука, 2011. – 296 с.

4. *Латинская И. П., Отроценко Е. Г.* Художественная форма слогана // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. научных статей. – Воронеж. – 2001. – № 1. – С. 103–109.
5. *Максимова О. Б.* Гендерные стереотипы в рекламе: постановка проблемы и основные концепции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. – 2002. – № 1. – С. 169–173.
6. *Морозова И. Г.* Слагая слоганы. – М. : РИП-Холдинг, 2003. – 172 с.
7. *Миллер Дж. А.* Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова. – 3-е изд. – М. : ЧеРо, 2002. – 296 с. – URL: http://www.ebbinghaus.ru/wp-content/uploads/2010/02/Miller_564-580.pdf.
8. *Паршин П. Б.* К вопросу о лингвистически ориентированной классификации знаний // Уч. зап. Тартуского гос. университета. – Вып. 594 (Тр. по искусственному интеллекту IV). – Тарту, 1981. – С. 102–115.
9. *Пирогова Ю. К.* Рекламный слоган как инструмент брендинга: функциональный подход // Реклама: теория и практика. – 2010. – № 2 (38). – С. 76–87.
10. *Родина О. В.* Прагматические пресуппозиции как фактор эффективности воздействия рекламного текста // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – С. 108–118.
11. *Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой.* – М. : Информация XXI век, 2002. – 256 с.
12. *Сердобинцева Е. Н.* Структура и язык рекламных текстов. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 104 с.
13. *Феофанов О. А.* Реклама. Новые технологии в России: учеб. пособ. для подготовки профессионалов в сфере рекламы. – СПб. : Питер, 2000. – 384 с.
14. *Фещенко Л. Г.* Структура рекламного текста: учеб.-практ. пособие. – СПб. : Петербургский институт печати, 2003. – 384 с.

УДК 81'114.2

В. С. Страхова

кандидат филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: strahova44@yandex.ru

МАРКЕРЫ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ СМИ

В статье исследуется категория эвиденциальности и ее маркеры в русском и немецком языках на материале дискурса СМИ. Предлагается изменить принятую сегодня лингвистами трактовку статуса эвиденциальности и рассматривать ее как коммуникативную категорию, эксплицирующую отношение говорящего к источнику информации не только грамматическими, но и лексическими средствами.

Ключевые слова: волюнтативная функция языка; эвиденциальность; засвидетельствованность; язык СМИ; маркеры эвиденциальности; коммуникативная категория.

Strakhova V. S.

Ph. D., Professor, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: strahova44@yandex.ru

EVIDENTIAL MARKERS IN THE LANGUAGE OF MASS MEDIA

The article focuses on evidentiality in mass media discourse in the Russian and German languages. The author considers a new approach to the notion of evidentiality and defines evidentiality as a communicative category that explicates the speaker's attitude to the source of information not only grammatically but also lexically.

Key words: volitional function of language; evidentiality; indirectivity; language of the mass media; evidential markings; communicative category.

Проблема выражения отношения говорящего к сообщению, а именно отсылке к источнику передаваемой информации, связана с изучением взаимодействия в высказывании своего и чужого. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «оно имеет далеко идущие последствия для разных аспектов языка... и принимает самые разнообразные формы, к числу которых относятся: цитирование, прямая, косвенная и несобственно прямая речь» [1, с. 668–669].

В настоящее время указанное явление обозначается термином «эвиденциальность», под которым понимается «любой способ экспликации источника информации с помощью специальных маркеров» [3, с. 87]. Помимо вышеназванного термина, также используются: *пересказывательность, инференциальность, заглазность, медиатив,*

засвидетельствованность, имперцептив и др. [4]. В данной статье в качестве синонимов используются *эвиденциальность* и *засвидетельствованность*.

Эвиденциальность входит в число наиболее спорных категорий, так как представлена далеко не во всех языках мира и репрезентируется с помощью разнообразных средств. Это связано с соотношением роли морфологии и синтаксиса, способов выражения модальности в языках различного типа и другими факторами.

По мнению некоторых ученых, эвиденциальность – это грамматическая категория, относящаяся наряду с модальностью, оценочностью и некоторыми другими к разряду семантико-прагматических, выражающих отношение между говорящим и пропозицией [8]. М. М. Маркцев говорит о грамматикализованной эвиденциальности, которая характеризуется наличием специальных грамматических средств выражения данной категории [7]. Однако такой подход применим далеко не к любому языку. Традиционно к языкам, в которых засвидетельствована категория эвиденциальности, относятся языки американских индейцев, финно-угорские, тюркские, балтийские, тибето-бирманские, кавказские, тунгусо-маньчжурские, некоторые африканские языки, а также албанский, армянский, персидский, таджикский, корейский, японский.

Если сравнительно недавно категория эвиденциальности казалась экзотической (вероятно, потому, что в наиболее распространенных индоевропейских языках она отсутствует), то в последнее десятилетие отмечается существенный рост интереса к данному явлению. Не последнюю роль в этом играет то обстоятельство, что типологический анализ обнаруживает присутствие эвиденциальности во все большем количестве языков.

В. А. Плуныян выделяет пять ареалов, богатых языками с грамматическим выражением эвиденциальности:

- «Большой эвиденциальный пояс»: от языков Балкан через Малую Азию, Кавказ, Поволжье, Южную Азию и Сибирь до Дальнего Востока;
- Северная Сибирь и циркумполярная область Евразии: самодийские, обско-угорские языки, юкагирский и некоторые другие;
- Прибалтийский ареал: литовский, латышский и эстонский;
- Языки Северной, Центральной и Южной Америки;

– Австралия и Новая Гвинея, где встречаются наиболее сложные эвиденциальные системы из известных на сегодняшний день (прежде всего в Новой Гвинее)¹.

К ареалам, в которых грамматикализованная эвиденциальность представлена слабо или вообще отсутствует, относятся Океания, Тропическая Африка, вся Европа (кроме Балкан и Балтии).

Высказывается мнение, что распространение эвиденциальности в разных языках одного ареала объясняется тем, что заимствуются именно те языковые категории, которые непосредственно связаны с процессом коммуникации, а эвиденциальность – одна из них.

М. М. Макарец пишет: «Скорее вызывает удивление, то, что в эти ареалы входят также языки, которые эту категорию не заимствуют, что, по всей видимости, может быть связано с внеязыковыми причинами (например, с их более высоким статусом)» [7, с. 10]. Думается, именно поэтому эвиденциальность не свойственна таким развитым и социально значимым языкам, как английский, немецкий, русский, французский.

Однако последнее положение может быть оспорено в свете новейших исследований эвиденциальности, а именно – неграмматических средств ее выражения, в том числе и в тех языках, где она традиционно не выделялась, как, например, в английском, греческом, испанском, итальянском, немецком, польском и русском. Лексические маркеры эвиденциальности активно изучаются в рамках ряда проектов в университете И. Гуттенберга (г. Майнц, Германия).

Таким образом, категория эвиденциальности выходит за пределы строго очерченных ранее морфологическими маркерами границ и попадает в область синтаксиса. М. М. Макарец предлагает поместить эвиденциальность в семиотическое пространство текста, где она получает статус коммуникативной категории.

Основываясь на изложенных выше положениях, обратимся к анализу языка СМИ, в котором ссылка на источник получения информации присутствует практически в каждом тексте, так как воздействие на читателя с целью вызвать его доверие, склонить на свою сторону (реализация волюнтаривной функции языка) – основная задача журналиста.

В русской грамматике эвиденциальность как языковая категория вплоть до последних десятилетий рассматривалась в качестве

¹ Цит. по: [7, с. 9].

составной части модальности. В частности, согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, «к сфере модальности относят: <...> разную степень уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности» [6, с. 218]. Из средств выражения этой категории в словаре упомянуты только «специальные модальные частицы, напр., для выражения неуверенности (вроде <...> недостоверности (якобы)». Впоследствии категория эвиденциальности была выделена из понятия модальности и стала рассматриваться отдельно [3; 7; 10].

В частности, исследованием данной категории занималась известный типолог Н. А. Козинцева. В одной из своих многочисленных статей она анализирует различные варианты пересказывательности как формы косвенной засвидетельствованности в русском языке [5]. В частности, рассматривается сложное предложение, конструкции с модальными речевыми частицами (мол, дескать, де, якобы), с вводными словами, конкретное лицо или печатный орган как источник информации, общепринятое мнение как источник и т. д. [2]. Приведем некоторые примеры.

Как утверждают информированные источники, руководил всей операцией в Одессе именно он. (Он – глава Совета национальной безопасности и обороны Украины Андрей Парубий. – В. С.) (*Комсомольская правда*, 06.05.2014).

В данном случае журналист использует вводное предложение с глаголом речи, подчеркивая тем самым отказ нести персональную ответственность за сообщаемый факт.

Довольно часто при указании на косвенный источник информации используются модальные речевые частицы. Однако их появление в текстах, относящихся к жанру газетной статьи, представляется не всегда уместным, поскольку некоторые из них стилистически маркированы и вносят в речь элементы разговорного стиля:

В первые часы после решительного голландского «нет» интеграции Украины в Евросоюз социальные сети Незалежной едва не взорвались от воплей: «Ну почему эти наркоманы любят москалей больше, чем нас?!» *Дескать*, министр иностранных дел П. Климкин, чтобы понравиться голландцам, даже полетел в Амстердам, где, надев вышиванку, в окружении дивчин и парубков катался на велосипеде, изображая настоящего европейца (*Аргументы недели*, 14.04.2016).

[На прямой линии с президентом был задан вопрос о Тимирязевской академии]. Путин ответил, что, дескать, Тимирязевку оставят в покое, хотя... и Москва должна развиваться... (*Собеседник, № 15, апрель 2016*).

Приведем пример упоминания конкретного лица или печатного органа в качестве источника информации:

В начале недели немецкий таблоид *Vild* опубликовал специальное расследование, опирающееся на доске одной неназванной западно-европейской разведслужбы. В нем говорится, что Германия наводнена хорошо замаскированными «спящими» бойцами элитных спецподразделений, заброшенными из России. Якобы все они владеют русским боевым искусством под названием «Система». Немцы утверждают, что этой технике единоборств обучались и обучаются все советские и российские сотрудники спецслужб – «агенты Кремля, солдаты элитных подразделений в отставке с лицензией на бесшумное убийство» (*Аргументы недели, 14.04.2016*).

Автор, называя источник, тем самым в какой-то мере снимает с себя ответственность за достоверность информации. Прямое указание на него позволяет также оценить правдивость сообщения в зависимости от уровня ответственности источника. Судя по тексту, автор статьи не доверяет журналу «*Vild*», о чем свидетельствует употребление частицы *якобы*, обладающей значением недостоверности.

Частотность использования маркеров эвиденциальности в последнем примере свидетельствует о том, что в дискурсе СМИ они являются обязательным компонентом текста, отражающим точку зрения журналистов на достоверность представленной информации.

Обратимся к материалу немецкого языка, который несколько отличается от русского набором языковых средств, выступающих маркерами эвиденциальности. Как известно, в немецком языке категория эвиденциальности может выражаться с помощью как лексических, так и грамматических средств и конструкций.

К группе *лексических средств*, используемых для выражения категории эвиденциальности, прежде всего относятся глаголы, которые выражают акты восприятия и коммуникации. Класс таких глаголов в немецком языке является открытым и довольно разнообразным, они также часто образуют сложноподчиненные предложения. Бьерн Ханзен выделяет следующие основные семантические типы глаголов относительно источника информации [9]:

- слухового восприятия (*hören, sagen*);
- зрительного восприятия (*sehen*);

- восприятия посредством чтения (*lesen*);
- восприятия с помощью умозаключения (*zum Schluß kommen*).

С помощью этих глаголов в немецком языке можно выразить почти все частные значения категории эвиденциальности.

Из лексических средств, используемых для выражения категории эвиденциальности в немецком языке, следует также отметить эвиденциальные частицы. Они не являются членами предложения, не выделяются ударением и не могут употребляться с отрицанием, а по своей форме похожи на наречия: *angeblich* – как сообщается, *vorgeblich* – якобы.

Среди **грамматикализованных средств** немецкого языка наибольший интерес представляет такое морфологическое средство, как конъюнктив I. Эта глагольная форма указывает на любое сообщение как от первого, так и третьего лица. Таким образом, конъюнктив I может употребляться и тогда, когда говорящий ссылается на свои собственные слова, сказанные ранее:

Ich sagte ihm, ich sei nicht zuständig.

Я ему говорил, что это не входит в мои обязанности.

Одна из функций конъюнктива I – ссылка на косвенную речь. В таком случае он может употребляться для указания на цитирование. Однако его использование характерно для немецкого литературного языка, а в разговорной речи более предпочтительным является индикатив. Ср.:

Литературный язык: *глагол говорения + конъюнктив I*

Peter sagt, dass er nächste Woche nach Regensburg *komme*.

Разговорная речь: *глагол говорения + индикатив*

Peter sagt, dass er nächste Woche nach Regensburg *kommt*.

На русский язык оба этих примера переводятся одинаково:

Петр говорит, что на следующей неделе придет в Регенсбург.

Кроме конъюнктива I, также довольно часто встречается конъюнктив II, который маркирует глаголы в конструкциях со значением условия. Однако в разговорной речи формы обоих конъюнктивов часто употребляются синонимично:

Peter sagt, dass er nächste Woche nach Regensburg *käme*.

При передаче большого куска речи глагол говорения может опускаться. В таком случае конъюнктив I будет маркировать косвенную

речь. Это часто встречается в газетно-публицистическом стиле при передаче чьих-то слов, например:

New York – In Syrien ist nach Einschätzung der UNO-Inspektoren das Nervengas Sarin eingesetzt worden. *Es gebe* “klare und überzeugende” Beweise, dass am 21. August bei Damaskus Sarin benutzt worden sei, heißt es in einem Bericht, der im Laufe des Montags dem Uno-Sicherheitsrat vorgelegt werden soll.

Нью-Йорк: по оценке инспекторов ООН, в Сирии был использован газ зарин. Существуют четкие и убедительные доказательства, что 21 августа около Дамаска был использован зарин, что засвидетельствовано в отчете, который должен быть представлен Совету безопасности ООН в течение месяца.

Немецкий язык обладает более или менее закрытым классом модальных глаголов, из которых только два обладают эвиденциальным значением: *sollen* и *wollen*.

Главное назначение глагола *sollen* – передача чужой речи. При этом необходимо выделить следующую модель: *X soll p*: *Z* сообщает о том, что *Y* хочет, чтобы *X* сделал *p*.

В русском языке точного эквивалента данному глаголу нет. При передаче чужой речи *sollen* обычно сочетается с инфинитивом:

Peter *soll* kommen.

Кто-то хочет, чтобы Петер пришел.

Вторым модальным глаголом, имеющим эвиденциальное значение, является *wollen*. Синтаксически он похож на глагол *sollen*. *Wollen* также сочетается с инфинитивом I и II, при этом в конструкции с инфинитивом II будет преобладать эвиденциальное значение. Основное же значение данного глагола будет схоже с русским «хотеть – выражать волеизъявление»:

Peter *will* nach Regensburg kommen.

Петер хочет поехать в Регенсбург.

В других же случаях *wollen* указывает на то, что источником информации является само действующее лицо:

Peter *will* in Regensburg gewesen sein.

Петер утверждает, что он был в Регенсбурге.

Помимо модальных глаголов, в немецком языке имеются вставные конструкции, позволяющие включать в предложение новую,

дополнительную информацию, указывающую на источник сведений и не изменяющую его структуру. Информация, которая была введена с помощью вставки, способствует акцентированию внимания на самом содержании чужого высказывания, носитель информации при этом уходит на второй план.

Характерной особенностью вставных конструкций является то, что они могут выражать эвиденциальные значения наряду с различными модальными, ср.:

Dies ist meiner Meinung nach aber weder für die Betroffenen noch für die Sache nützlich oder sinnvoll [9, с. 17].

Meines Erachtens stellt für eine Erhebung des studentischen Interessens an deutscher Landeskunde die Ausgangsuniversität mit ihren Studienmodalitäten nur eines uner mehreren Bedarfskriterien dar [6, с. 18].

Как видим, в данных примерах реализуется эвиденциальная вставная конструкция, выражающая степень уверенности говорящего в сообщаемой информации. Но при этом говорящий не утверждает, что его информация абсолютно верна.

Маркеры прямой эвиденциальности являются неотъемлемой составляющей текстов СМИ, они дают ссылку на источник полученной информации. По нашим наблюдениям, прямая эвиденциальность встречается в текстах СМИ не часто, так как представленные в них факты обычно не основываются на сенсорном восприятии отдельного человека. Маркеры выражения косвенной эвиденциальности, напротив, представлены широко. Пожалуй, наиболее частотным способом выражения косвенной эвиденциальности в языке прессы является пересказывательность, когда журналист передает точку зрения на ту или иную проблему конкретных лиц (политиков, общественных деятелей), ссылается на сообщения новостных агентств и т. д.

Рассмотрим данный способ отсылки к источнику информации на примере ряда статей новостного агентства Deutsche Welle и газеты Zeit. Эвиденциалы пересказывательности мы делим на две группы.

Группа первая: *эвиденциалы, отсылающие к конкретному источнику информации* – сложноподчиненные предложения, или цепочки предложений, содержащие косвенную речь. При этом в главном (реже в придаточном) предложении дается ссылка на конкретный источник информации, а также способ ее подачи (глаголы говорения).

Дополнительным эвиденциальным маркером служит конъюнктив косвенной речи, который, однако, не является необходимым признаком:

Eine Delegation werde am Sonntag aufbrechen, *kündigten die Exilsyrer in Istanbul an.*

Der Rubel habe seine Bedeutung als Geld verloren, *kommentierte die Wirtschaftszeitung "Wedomosti" die Ziffern auf den Tafeln der Wechselstuben (Der Spiegel, Nr. 52/20.12.2014, 64–66).*

В отдельных случаях источник информации вводится посредством предложной конструкции (*laut X, nach Worten von X / Schätzungen von X, unter Bedeutung auf X, X zufolge*), а предложение по своей форме является простым:

Laut Bericht stieg die Betreuungsquote von Migrantenkindern von 2008 bis 2010 um 34 Prozent.

Der Verkauf von Urlaubsreisen brach *nach Angaben* des Tourismusverbandes praktisch vollständig zusammen, viele Russen können sich die traditionellen Neujahrsferien im Ausland nicht mehr leisten (*Der Spiegel, Nr. 52/ 20.12.2014, Seite 64–66*).

Группа вторая: *эвиденциалы, не дающие указания на конкретный источник информации:*

– с модальным глаголом *sollen*:

Ein Film-Produzent *soll* einen Teil von Wulffs Hotelkosten während eines Münchenbesuchs übernommen haben;

– с эвиденциальными частицами:

Wulff habe davon *angeblich* nichts gewusst;

– с неопределенно-личным местоимением *man*:

Dort spielt man die Bedeutung des TCMV-Beschlusses herunter und *verweist darauf*, dass...

Таким образом, спектр средств выражения эвиденциальных значений в текстах немецкоязычных СМИ является довольно широким, но основную роль играют маркеры выражения косвенной эвиденциальности, а именно – пересказывательности, с отсылкой к конкретному источнику информации.

Итак, в дискурсе СМИ реализуется волюнтаривная функция языка, состоящая в возможности оказания воздействия на адресата с помощью различных языковых средств, в том числе маркеров эвиденциальности. Как в русском, так и в немецком языках рассмотренные

выше маркеры участвуют в формировании мировоззрения реципиентов, оказывая влияние на степень их доверия к правдивости сообщаемой информации и выработку собственной критической позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Проблемы коммуникации // Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 643–686.
2. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи де, дескать, мол. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 437–449.
3. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2005. – № 1. – С. 86–98.
4. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
5. Козинцева Н. А. Косвенный источник информации в высказывании // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. – СПб. : Наука, 2007. – С. 85–103.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Макарецев М. М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. – СПб. : Нестор-История, 2014. – 444 с.
8. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. – Т. I–V. – Т. II – Ч. II: Морфологические значения. – М. : Языки русской культуры ; Вена : Wiener Slawistischer Almanach. 1998. – 543 с.
9. Ханзен Б. Эвиденциальность в немецком языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Н. А. Козинцевой. – СПб. : Наука, 2007. – С. 241–252.
10. Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. статей памяти Н. А. Козинцевой. – СПб. : Наука, 2007. – 634 с.

УДК 811.111'276.6:34

Т. В. Ускова

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права юридического факультета МГЛУ; e-mail: t-uskova@bk.ru

ОБОСНОВАННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХАИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается функционирование архаичных форм в современном английском юридическом языке, причины данного явления, а также возможные изменения в лексическом и грамматическом составе английского юридического языка в ближайшем будущем.

Ключевые слова: архаизм; английский юридический язык; юридический дискурс; термин.

Uskova T. V.

Ph. D., Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the sphere of Law, MSLU; e-mail: t-uskova@bk.ru

SPECIAL FEATURES OF ARCHAIC WORDS IN MODERN LEGAL ENGLISH

The article examines the functional aspect of archaic forms in modern legal English, accounts for the causes of their existence in this type of language, seeks to foresee the probable changes in lexical and grammatical composition of legal English in the near future.

Key words: archaism; legal English; legal discourse; term.

Общеизвестно, что в любой профессиональной деятельности идет постоянный процесс образования новых лексических средств. В отличие от общей лексики, специальная не имеет широкого употребления и понятна лишь тем, кто занят в той же области, поскольку принадлежит не общему языку как средству коммуникации в любых условиях, а отдельным подъязыкам.

Говоря об англоязычной юридической терминологии, необходимо отметить «исторический дух, архаику английской юридической терминологии, которая основана на консерватизме в сохранении парламентских традиций и развитой системы судебного прецедента» [2, с. 63]. На ее формирование влияли различные факторы: психологические установки, нравственные критерии, религиозные убеждения и т. д.

Как известно, словарный состав английского юридического языка обширен. Однако, по мнению некоторых ученых, большинство терминов – это бесполезный жаргон, основной целью которого является ввести в заблуждение людей, не имеющих специального образования. Другие исследователи, отвергая эту теорию, тем не менее, отмечают, что словарный состав английского юридического языка содержит чрезмерное количество терминов и выражений, которые возникли еще в период использования в качестве рабочего языка юристов латинского или французского языков. Юристы, в свою очередь, стремятся защитить свой вокабуляр как необходимый для действенной коммуникации в рамках профессии, принимая во внимание тот факт, что непрофессионалам, возможно, будет трудно их понимать.

Некоторые черты современного английского юридического языка действительно архаичны. Один из основных аргументов в пользу использования устаревшего вокабуляра состоит в том, что он более точный, чем его современные эквиваленты.

Типичным примером архаичных форм может служить использование устаревших форм местоимений вроде *ye* и *thou* или формы глаголов *giveth* или *takest*. Архаичная морфология может придать фразе своеобразие.

Английский юридический язык сохранил некоторые морфологические формы, которые исчезли из повседневного употребления. *Ye*, устаревшая форма местоимения второго лица множественного числа *you*, сохранилась во фразе *Hear ye (Listen up!)*. В договорах страхования всё еще встречается форма *witnesseth*. На самом деле этот термин в наши дни часто вычленяется из контекста и ставится в начале текста договора в качестве тотемного сигнала, который означает: «Это правовой договор, вот его условия». Еще одной устаревшей морфологической формой является глагол *sayeth* в устойчивой фразе: *Further affiant sayeth not (The affiant has nothing else to say)*. Аналогичным образом юридический английский язык сохраняет инверсию в определенных устойчивых словосочетаниях, например, в вышеприведенном примере *Further affiant sayeth not* или во фразе, с которой обычно начинаются судебные прения: *Comes now plaintiff...*

По мнению некоторых авторов, данные анахронизмы, возможно, добавляют судебной процедуре солидности или величавости, которой в противном случае ей могло бы не хватать. Вероятно, не так плохо сохранять небольшое количество устаревших фраз до тех пор, пока

это не мешает пониманию того, что происходит во время судебного заседания [1; 2; 3].

Другим характерным примером может служить использование *same* в качестве замены местоимения, что является еще одной характерной чертой архаичности английского юридического языка:

He made an offer in a letter to buy the equipment, and I accepted same. [4, с. 71].

В данном случае правильнее было бы употребить *the same*, хотя в данном контексте оно также было бы устаревшим, поскольку в современном английском языке местоимение *same* используется для сравнения с аналогичным предметом или лицом. Однако в английском юридическом языке данная импликация отсутствует.

По мнению большинства юристов, подобное применение грамматических средств обусловлено желанием добиться большей точности: если бы использовалось местоимение *it* (*I accepted it*), оно было бы более неточным, так как могло относиться к одному из двух дополнений – *an offer* и *a letter*, а может быть даже к *the equipment*. Лицо, принимающее предложение, вступает в договорные отношения. Однако и местоимение *same* не является достаточно точным, поскольку тоже может относиться к любому из двух дополнений. Более того, местоимение *same* может заменять существительные, как в единственном, так и во множественном числе, в то время как *it* имеет форму множественного числа *them*. Кроме того, толкование местоимения *same* может быть затруднено и в том случае, когда не ясно до конца, употреблено ли оно в общеязыковом смысле или в юридическом. Рассмотрим пример: *He sold Helen the machinery and I want the same*. В общеязыковом смысле *same* будет означать «Я хочу приобрести аналогичное оборудование», в юридическом же смысле – «Я хочу завладеть оборудованием, приобретенным Helen». Следует отметить, что в настоящее время наблюдается постепенный отход от использования местоимения *same* в юридических документах.

Еще одно довольно распространенное, возникшее несколько веков назад, типичное для английского юридического языка явление – использование причастия *said* в качестве артикля или указательного местоимения:

Lessee promises to pay a deposit. Said deposit shall accrue interest at a rate of five percent per annum [4, с. 78].

В данном случае причастие *said* можно было бы заменить артиклем *the* или указательным местоимением *this*, что нетипично для повседневного языка. *Said* также может использоваться в качестве прилагательного: *the said deposit*, однако подобное его употребление также является устаревшим.

Разновидностью *said* является *aforesaid*. На первый взгляд может показаться, что данный термин означает практически то же, что и *said*, поскольку всё, что было сказано, было сказано «до», или *afore*. Таким образом, *aforesaid* просто длиннее, и не добавляет ничего нового. В отличие от *said*, *aforesaid* часто используется в постпозиции: *the indebtedness aforesaid*.

Данные термины часто еще больше усложняют понимание текста:

Lessee promises to pay *a cleaning deposit* of \$300 and *a damage deposit* equivalent to one month's rent. *Said deposit* shall accrue interest at a rate of five percent per annum [4, с. 81].

Said может относиться к любому из видов залога (*deposit*), упомянутому в примере, или к обоим. Таким образом, его использование не способствует лучшему пониманию, и его можно без искажения смысла заменить указательным местоимением *this*.

Бесполезность использования данных терминов можно проиллюстрировать на деле *Brown v. State*, которое рассматривалось в 1890 г. в штате Техас. Человек по имени Марк Браун обвинил в краже скота другого человека, которого тоже звали Марк Браун. В заявлении об обвинении (*indictment*) говорилось: *the cattle were the personal property of the said Mark Brown, and they were stolen with the intent to appropriate them to the benefit of the said Mark Brown* [там же, с. 89]. Если бы скот был украден лицом с любым другим именем, использовать *said* не было бы ни какой необходимости. Однако в данной ситуации употребление *said* может привести еще к большим осложнениям, так как получается, что *the said Mark Brown* это одно и то же лицо.

На самом деле *same*, *said* и *aforesaid* являются буквальным переводом с латинского языка [3, с. 274]. В Средние века, когда судопроизводство в Англии велось на латинском языке, формула представления сторон в начале судебного заседания содержала их имена, род деятельности и место жительства. Рассмотрим пример:

Thomas Pyckeryng nuper de Isham in comitatu predicto generosus attachiatus fuit ad respondendum Johanni Humfrey generoso...

Thomas Pyckeryng, late of Isham in the aforesaid county, gentleman, was attached to answer John Humfrey, gentleman... [3, с. 90].

После того как стороны были представлены, о них обычно говорили, используя только имя, а не фамилию, например, *idem Johannes (the same John)*, *predictus Thomas (the aforesaid Thomas)*, *dictus Johannes (the said John)* и т. д. Таким образом, термины *same*, *said* или *aforesaid* использовались для обозначения лица или предмета, которые более подробно были представлены ранее.

С одной стороны, по мнению некоторых авторов, данная система кажется довольно элегантной, постоянное повторение *same*, *said* и *aforesaid* не представляется необходимым и может быть даже довольно утомительным. Более того, как было показано выше, подобное использование устаревших терминов может привести к путанице. Если в деле участвует одно лицо по имени Джон, то нет необходимости говорить о нем *the said John*. Однако, если два участника судебного разбирательства имеют одинаковые имена, тогда следует добавлять фамилию, и, следовательно, нет необходимости использовать *said* и *aforesaid*.

С другой стороны, нужно принимать во внимание тот факт, что латинский язык и сегодня все еще используется при наименовании судебных дел и сторон в процессе: *versus (против)*, *ex rel. (в связи с)*, *et al.* (и другие), *pro se* (о лице, которое не имеет адвоката или другого представителя в суде), *in personam* (против лица), *in rem* (иск против имущества), *ex parte* (односторонний) и др. В Англии термин, обозначающий государство в уголовных делах, – *Rex* (король) или *Regina* (королева).

Особая область права, в которой до сих пор используется латынь, – диффамация (клевета). Данное положение объясняется тем, что закон о письменной и устной клевете разрабатывался в церковных судах, которые в своих заседаниях использовали латынь. Так возникли термины, произошедшие либо из латыни, либо их производные: *colloquium* (собеседование), *defamation* (клевета), *innuendo* (инсинуация), *libel* (клевета) и др. Такое широкое использование терминов латинского происхождения связано с тем, что в процессе передачи дел о диффамации под юрисдикцию судов общего права была заимствована и терминология.

Другие термины и терминологические словосочетания латинского происхождения, до сих пор широко используемые в англоязычном юридическом дискурсе, включают: *actus reus* (виновное действие), *amicus curiae* (не участвующее в деле лицо, которое представляет суду с его разрешения имеющие значение для дела информацию или соображения, либо проводит по своей инициативе с согласия суда самостоятельное расследование по делу), *corpus delicti* (состав преступления), *ex post facto* (после факта, после события), *malum in se* (деяние, преступное по своему характеру), термины, описывающие ментальное состояние: *mens rea* (виновная воля), *scienter* (указание на то, что ответчик действовал, заведомо зная о последствиях), *animus* (намеренно) и др. Кроме того, существует большое количество производных от латинских терминов: *demonstrative* (доказывающий), *testament* (свидетельство), *testify* (свидетельствовать) и др.

Еще одним анахронизмом в юридическом дискурсе можно считать использование местоимения *such*, означающего «подобный». Рассмотрим следующий пример из определения апелляционного суда Калифорнии 1993 г., в котором высказывалось мнение, что решение суда первой инстанции должно быть отменено:

We conclude that the trial court's order constituted an abuse of discretion in the procedural posture of this case which compels us to set aside such order [5, с. 91].

В данном контексте *such order* означает «данный, определенный приказ», т. е. *such* имеет то же значение, что и указательное местоимение *this* или рассмотренные выше термины *said* или *aforsaid*. Кроме того, использование *such* может привести к большей путанице, так как его можно интерпретировать как «подобного рода».

В современном английском юридическом языке можно использовать термины *the deposit* или, при необходимости, *the above-mentioned deposit*, или *the above deposit*, что будет способствовать большей точности текста юридического документа.

Как говорилось выше, английский юридический язык содержит много терминов, терминологических выражений и грамматических конструкций, имеющих тенденцию к выходу из употребления или уже вышедших из употребления, а также устаревших латинских и французских заимствований, которые не улучшают, а скорее, затрудняют коммуникацию. В этом случае возникает вопрос, насколько

обосновано их использование? Некоторые специалисты объясняют это тем, что подобные устаревшие термины и конструкции считаются принадлежностью официального языка, который отличается от языка повседневного употребления, а поскольку язык постоянно изменяется, большинство авторов стремятся избегать разговорных форм в письменной речи [2, с. 196].

По мнению П. Тьерсмы, данное положение похоже на то, как католическая церковь придерживается использования латинского языка, «мертвого» более тысячи лет. Учитывая то, что английское и американское право в основном развиваются через прецеденты и судебные решения, юристы часто опасаются вносить серьезные изменения в формулировки различных документов и постановлений. Считается, что если данная лексика работала раньше, то она будет работать и сейчас [там же, с. 97].

Более того, использование устаревших форм не только удобно, но и выгодно с экономической точки зрения, так как юристы продолжают использовать одни и те же формы. За долгие годы практики юридические фирмы собрали набор документов, которые были разработаны много десятилетий назад, но которые могут послужить и в будущем. В такой ситуации непрофессионалам не остается ничего, кроме того, как обращаться к юристам за консультациями и помощью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаджиева У. Д.* Архаизмы в азербайджанском и английском языках // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 93. – С. 192–193.
2. *Cabre M. T.* Terminology. Theory, methods and applications. – Amsterdam–Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1999. – 248 p.
3. *Mellinkoff D.* The language of the law. – Eugene : Resource Publications, 2004. – 526 p.
4. *Tiersma P. M.* Legal language. – Chicago : The University of Chicago Press, 1999. – 314 p.

УДК 81-114

С. Н. Шевченко

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: floradale@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАСШИРЕНИЯ ЛЕКСЕМ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале лексико-тематической группы
«полезные ископаемые» и ее производных)**

Цель статьи – анализ сходства и различия особенностей метафорического расширения единиц указанной лексико-семантической группы и их производных на материале русской и английской художественной литературы и литературного языка. Контрастивное сопоставление позволяет выявить как некоторые универсальные принципы, лежащие в основе семантической изменчивости, так и национально специфичное видение мира, отраженное в метафорических лексемах.

Ключевые слова: семантическое расширение; национально-культурные ассоциации; коннотация; заимствование; сема; мышление; языковая картина мира.

Shevchenko S. N.

Postgraduate, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: floradale@mail.ru

**SEMANTIC EXTENSION OF WORDS IN RUSSIAN
AND ENGLISH
(an analysis of the thematic group
«Natural resources» and their derivatives)**

The article focuses on analysing parallels and differences in the ways of metaphorical extension of natural resources terms in Russian and English fiction and in literary language. Cross-linguistic data help to highlight both some universal principles leading to semantic extension and national perception of the world represented in metaphorical lexical units.

Key words: semantic extension; cultural associations; connotation; lexical borrowings; seme; thought; linguistic worldview.

В данной статье семантика лексических единиц рассматривается с позиций функционализма, подразумевающего, что значение слова в полной мере проявляется лишь в речевой деятельности. Отсюда при исследовании особенностей его расширения анализируется

сочетаемость лексем, специфика их употребления: «...вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет» [3, с. 112]. Таким образом, отдельно взятое слово, с одной стороны, потенциально многозначно, с другой – асеманлично. Те или иные значения лексем актуализируются в контексте.

Изучая специфику семантической подвижности лексем, обозначающих природные ископаемые в русском и английском языках, необходимо, прежде всего, отметить, что полные совпадения в способах расширения семантики двух языков наблюдаются редко. Даже если, на первый взгляд, значение представляется идентичным, то при более пристальном рассмотрении оказывается, что слово отличается различной коннотацией или имеет особую специфику употребления и сочетаемости: ментальные представления действительности многочисленны и разнообразны, поскольку видение мира вариативно. Это приводит к появлению индивидуально и национально своеобразных языковых картин мира.

Несмотря на существование национальной специфики мышления, в процессе изучения расширения семантики слов можно обнаружить некоторое количество практически полных совпадений: *жемчужина* – ‘ценность’ (*Байкал – жемчужина России; Turkey can become the pearl of this region – Турция может стать жемчужиной этого региона*); *серебристый* – ‘приятный’ (*серебристый голос, серебристый смех – silver voice, silver laughter*); *мраморный* – ‘холодный’ / ‘белый’ / ‘неоднородного цвета’ (*as cold / white as marble, a marble cake*); *соль* – ‘острота ума’ / ‘изюминка’ как неординарное в мышлении.

Лишь отчасти причина эквивалентности кроется в универсальности протекания мыслительных процессов и сходном мировосприятии. Большинство совпадений вызвано тем, что аналогичные семантические конструкции являются интернациональными заимствованиями. Так, одинаково используется наименование пород и ископаемых в названии годовщин свадьбы: *оловянная* (10 лет), *серебряная* (25 лет), *рубиновая* (40 лет), *сапфировая* (45 лет), *золотая* (50 лет), *изумрудная* (55 лет), *алмазная* (75 лет).

Большая доля таких заимствований основана на цитатах из Библии, широко употребляемых как в русском, так и в английском языках. В Евангелии от Матфея можно найти следующие выражения: *строить на песке* (*to be built on sand*); *метать жемчуг / бисер*

перед свиньями (*to cast one's pearls before swine*); соль земли (*salt of the earth*). Можно наблюдать и отличия, связанные с расширением семантики заимствованных библеизмов. Так, в английском языке устойчивое словосочетание *feet of clay* ('глиняные ноги') выражает наличие у человека несовершенств и недостатков. Этот фразеологизм взят из Библии (книга Пророка Даниила) и, как правило, употребляется без слова *колосс* – *giant*. Д. Дидро добавил к этому выражению слово *колосс*, и в таком виде фразеологизм был заимствован русским языком: *колосс на глиняных ногах*.

Помимо Библии можно указать и на другие источники. Так, авторство выражения *золотая середина* (*golden mean*) приписывается древнеримскому философу Горацию. Устойчивое словосочетание *золотая молодежь* (*gilded youth*) появилась после Великой французской революции для обозначения детей богатых буржуа, не интересующихся социальными проблемами, живущих в свое удовольствие. Этимология выражения *сыпать соль на рану* (*rub salt into someone's wounds*) восходит к пыткам солью, известным с ранних христианских времен. Другие примеры интернациональных идиом: *железная воля / логика* (*a will of iron / logic*); *железная рука / хватка* (*an iron hand / grip*); *гроша медного не стоит* (*not be worth a brass farthing*); *стальная воля* (*a steel will*); *стальные нервы* (*nerves of steel*); *накачать железо*, т. е. *мышцы* (*to rump some iron*); *держат в железном кулаке* (*to rule with an iron fist*); *град свинца*, т. е. *пули* (*hail of lead*); *бронзовый загар* (*bronze tan*); *платиновый диск / карта* (*a platinum disk / card*); *цениться на вес золота* (*to worth its weight in gold*); *неграненый алмаз* (*a diamond in the rough*) и др. Можно привести примеры непосредственного заимствования из английского языка в русский: *прятать голову в песок* (*to bury one's head in the sand / hide one's head in the sand*) в английском языке употребляется с XVII в., в то время как в русском появилось лишь в XX в.

Таким образом, полные совпадения в расширении значений исследуемой лексико-семантической группы двух языков немногочисленны и вызваны, в первую очередь, заимствованием (как правило, калькированием).

Однако выявляются примеры расширения, которые содержат одинаковую, на первый взгляд, лексику, с одинаковым значением, но отличающуюся коннотациями. В русском языке *жемчужина* как *мудрость* имеет положительную оценочную коннотацию: *жемчужины*

мудрости философии Востока и Запада, в то время как в английском языке a pearl of wisdom имеет ироническую коннотацию, в которой подчеркивается негативный характер излишнего и неуместного мудрствования: thank you for that pearl of wisdom, Jerry. Now do you think you could you suggest something more useful? (Спасибо за мудрый совет, Джерри. А теперь можешь ли ты предложить что-нибудь более стоящее?) [10].

Показательно в этом смысле представление о *золотой рыбке* в русском и английском языках. В английском языке данное выражение выполняет номинативную функцию, будучи соотнесенным с конкретным денотатом – красивой блестящей аквариумной рыбкой. В русском языке *золотая рыбка* является символом волшебной неожиданной удачи, исполнения желаний стать богатым и могущественным. В Национальном корпусе русского языка словосочетание *золотая рыбка* встречается 236 раз, чаще всего с указанием на пушкинскую золотую рыбку: «Поэтому, как в той пушкинской сказке, Вороновой стало мало ее нынешнего статуса, и месяца два назад она отправилась к “синему морю” (то бишь в управление Львовича) и стала просить “золотую рыбку” сделать ее не просто директором колледжа, а владычицей объединенного колледжа» (М. Андреев. Золотая рыбка областного образования // «Воронежские вести», 2003)¹. В английском же языке перенесение сказочного представления о золотой рыбке на реальную жизнь очень редко, что отражается в низкой частотности фразеологизма: Британский национальный корпус упоминает *gold fish* только 4 раза и *golden fish* – 6 раз. Корпус современного американского английского дает 17 примеров с *gold fish* и 15 с *golden fish*.

Аналогична ситуация с выражением *золотое кольцо*. В английском языке оно связано исключительно с ювелирным изделием, в русском языке имеет еще и национально-культурное содержание: *Золотое кольцо* как название туристического маршрута, специфичного именно для России. Таким образом, в качестве одной из причин семантического различия исследуемых языков можно назвать влияние национально своеобразных явлений (материальных, литературных и др.), культурно и социально значимых для носителей языка.

Следует также указать на существование различий, связанных с частотой использования словосочетаний. Наглядной иллюстрацией

¹ Цит. по: [2].

могут служить особенности употребления выражения *медный грош* (*a brass farthing*). В обоих языках имеется фразеологизм *гроша медного не стоит* (*not be worth a brass farthing*), но он имеет разную значимость и разную частоту для двух языков. В Британском национальном корпусе случаи употребления *brass farthing* не отмечены, Корпус современного американского английского приводит только один пример: *to pay a brass farthing* [7; 8]. В Национальном корпусе русского языка обнаружено 68 случаев употребления словосочетания *медный грош / гроша медного не стоит*. Помимо того, русский язык модифицирует данное выражение: *медный грош синонимичен ломаному грошу*, имеется выражение *ни в грош не ставит*.

Часто сходные смысловые представления передаются с помощью разных слов, в значении которых имеется интегративный смысловый признак. Так, русское выражение *позолотить ручку* соответствует английскому *poserebrity*: *cross someone's palm with silver* (интегративным признаком является «дать материально ценное»). Английское выражение *on a silver platter* (на серебряном блюде) в русском языке часто приобретает форму *на золотом блюде / блюдечке*, мало характерную для английского языка. *Мраморное лицо* (не выражающее никаких эмоций) в русском языке соответствует *гранитному* (*a granite face*) в английском.

Отмечены выражения, одинаковые по набору лексем, но разные по понятийным и коннотативным семам: *золотые руки / gold(en) hands* (*hands of gold*). В русском языке это руки мастера, умелые, талантливые. В Национальном корпусе русского языка данное выражение высокочастотно, встречается 245 раз, что говорит о значимости данного представления для языковой культуры [2]. В английском же языке русский национально специфичный концепт «золотые руки» вербализируется чаще с помощью *able hands* (*умелые руки*), *a gold(en) hands*, как правило, называют золотые стрелки циферблатов часов. Свидетельство неактуальности концепта в английской лингвокультуре – его низкая частотность: Британский национальный корпус и Корпус современного американского английского отмечают *hands of gold* в значении ‘умелые руки’ только один раз [7; 8]. Хотя выражение *golden hands* в данном значении в целом не чуждо английскому языку, оно изредка встречается в американских текстах XX в.

Отметим также неодинаковую для исследуемых лингвокультур способность слов образовывать синтагматические конструкции,

в том числе устойчивые. В русском языке лексема *мел* практически не участвует в образовании фразеологических оборотов и пословиц, не используется в переносных значениях, за исключением выражения *белый, как мел*. Иная картина наблюдается в английском языке. Лексема *chalk* участвует в образовании фразовых глаголов: *chalk up* – 1) зарабатывать очки (*chalk up points*), 2) приписывать чему-л. (*chalk that up to experience*); *chalk something out* – объяснять в деталях (*She chalked out the details of the plan over the phone*); *chalk something up* – 1) записать на чей-то счет, 2) найти причину в чем-то (*We chalked her bad behavior up to her recent illness*).

Кроме того, существуют фразеологические обороты *by a long chalk – намного*, *not by a long chalk – ни в коем случае*. Показательным для английского языка является и частотное употребление лексемы *мел* в пословицах и поговорках: *as alike as chalk and cheese / as different as chalk and cheese – ничего общего*; *can't tell chalk from cheese / don't know chalk from cheese – не разбираться в простых вещах*. Значимость лексемы подтверждается ассоциативным словарем (The Edinburgh Associative Thesaurus), где реакция *cheese* на стимул *chalk* находится на третьем месте, что говорит об актуальности вышеприведенных пословиц. Разные объемы семантического расширения лексемы *мел* в русском и английском языках, возможно, вызваны разной значимостью этого вещества в бытовой культуре двух народов, разной историей его использования.

Помимо анализа случаев частичного расхождения между русским и английским языком при семантическом расширении лексем следует отметить случаи существенного расхождения семантики некоторых лексических единиц.

Одной из показательных в этом смысле можно считать лексему *ртуть / quicksilver*. В русской языковой картине мира она ассоциируется, прежде всего, с цветом, участвуя в образовании словосочетаний *ртутный блеск* (воды), *ртутный свет*, *ртутный цвет*, *ртутная синева*, *ртутное марево*, *ртуть голубая луны*, *солнечная ртуть* (солнечные зайчики), *голубая ртуть*, *живоблещущая ртуть*, *темнолазурная ртуть*, «луна плывет и льет живую ртуть на сонную, безмолвную окрестность» (В. Я. Брюсов. Бессонница). В поэзии лунная дорожка на водоеме часто ассоциируется с ртутью. Намного реже при метафорическом переносе актуализируется не цвет ртути, а ее способность образовывать тяжелые капли: *ртутные капли росы*, *ртутные*

капли дождя. Характер субстанции при метафоризации также имеет значение, хотя и не такое существенное: свойства *ртути растекающейся, дрожащей* переносятся на другие предметы. Что касается английской языковой картины мира, то в ней лексема *quicksilver* редко используется для передачи цвета и чувственных характеристик. Здесь она востребована для иллюстрации быстроты, проворности, неуловимости, изменчивости, проецируется в большей степени на человека, а не на природу. Это могут быть следующие словосочетания: *quicksilver mind, fingers, character, changes of intent, tongue, language, mood changes, speed, disappearing, success, fame* – быстрые: мышление, пальцы, характер, смена намерений, язык, смена настроений, скорость, исчезновение, успех, слава, а также *switching like quicksilver from laughter to tears* – быстрый переход от смеха к слезам. Современный английский язык активно эксплуатирует представления о ртути как о чем-то быстром и неуловимом в создании экономических и политических текстов, свидетельством чему является частое употребление лексем в публицистике: *the quicksilver transfer of cash via computer* (быстрый перевод наличности через Интернет), *quicksilver political changes* (быстрые политические изменения). Можно даже встретить данную лексему в названии курьерской компании в Чикаго: *Quicksilver Messenger Service*.

Некоторые пересечения в представлениях двух народов о свойствах ртути, которые могут быть метафорически переосмыслены, все же можно обнаружить. В русском языке могут быть метафорически соотнесены свойства ртути и глаз: *зрачки, как ртуть, живая ртуть глаз, ртутные глазки так и шныряют*. Типичное для русских цветовое видение природы также иногда совпадает с фрагментами английской картины мира: *the afternoon sky was gone to quicksilver* (после обеда небо стало как ртуть), *the quicksilver ribbon of the river* (лента реки, напоминающая ртуть), *quicksilver flashes of moonlight on metal* (ртутные пятна лунного света на металле).

Специфика употребления переносных значений лексем полезных ископаемых в разных языках проявляется также в их способности образовывать фразеологические и идиоматические конструкции, поговорки и пословицы, о чем мы уже упоминали, анализируя лексему *мел*. В английском языке обнаруживается множество идиом, например, со словами *золото* (*to strike gold* – разбогатеть), *железо* (*to have*

too many irons in the fire – заниматься одновременно многими делами), медь (*brass monkey weather* – ужасно холодная погода), мрамор (*to have all one's marbles* – быть в здравом рассудке), соль (*to back to the salt mines* – вернуться к рутинным занятиям), олово (*to put the tin lid on* – положить конец), свинец (*to swing the lead* – придумывать отговорки). Типичны для английского языка и фразовые глаголы, составленные на основе лексем природных ископаемых (*salt away* – делать запас на будущее, *iron out* – уладить недоразумения). В русском языке рассматриваемая лексика в основном представлена в виде свободных словосочетаний. Наиболее идиоматично для русского языка слово *соль* (*несолоно хлебавши, пересолить в деле, насолить кому-нибудь, хлебнуть соленого*).

Это тем более показательно, что русский язык очень богат пословицами и поговорками, их общее количество намного превышает количество пословиц в английском языке. В русском языке в пословицах преобладают следующие лексемы: *золото* (*Не шьют по рогожке золотом*), *железо* (*Терпя и железо треснет*), *песок* (*Он из песка веревки вьет*), *соль* (*И старая кобыла до соли лакома*). Эквиваленты этих и многих других русских пословиц с использованием лексем природных ископаемых в английском языке отсутствуют. Среди немногочисленных оригинальных пословиц английского языка находим, например, *to carry coals to Newcastle* (*возить уголь в Ньюкасл*), русский аналог – *со своим самоваром в Тулу не ездят*.

Таким образом, сопоставление двух языков позволяет выявить некоторые особенности семантического расширения слов исследуемой группы. Можно говорить о том, что расхождения в языках преобладают над совпадением в семантике. Частичное различие выражается в разных коннотациях соотносимых лексем, национально специфичных культурных ассоциациях, в неодинаковой частоте употребления, в разной активности возможных лексических и формальных трансформаций в составе словосочетаний. Сходство появляется чаще по причине заимствования (калькирования), и реже – из-за универсальности процессов мышления. Причины более существенных различий кроются в национальных особенностях психологии и быта и выражаются в актуализации разных сем с последующим переносом представлений на другие предметы и в разной способности лексемы участвовать в создании фразеологических оборотов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М. : Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.
2. Национальный корпус русского языка. 500 000000 слов, 2003–2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>
3. *Потебня А. А.* Мысль и язык. – Харьков : Тип. «Мирный Труд», 1913. – 225 с.
4. Русский ассоциативный словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М. : Астрель ; АСТ, 2003. – 1584 с.
6. Collins English Dictionary – Complete & Unabridged, 2012. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/>
7. The British National Corpus (BNC). 100,000,000 words. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
8. The Corpus of Contemporary American English (COCA). 450,000,000 words, 1990–2012. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>
9. The Edinburgh Associative Thesaurus. – URL: <http://www.eat.rl.ac.uk/>
10. The free dictionary. – URL: <http://www.thefreedictionary.com/>

УДК 81'114.2

А. О. Эзех

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: fionezehonyeka@gmail.com

КОММУНИКАТИВНОЕ СМЯГЧЕНИЕ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

В статье описывается явление, представляющее собой необходимое условие реализации успешной коммуникации путем устранения возможного конфликта. Понятие коммуникативного смягчения (митигации) рассматривается как проявление принципа кооперации Г. П. Грайса в соотношении с категорией вежливости. Приводится обзор терминов, используемых в различных европейских языках для обозначения анализируемого явления. На примере фрагментов русскоязычного диалога и полилога выявляются приемы, помогающие избежать коммуникативных неудач.

Ключевые слова: оптимизация речевого общения; категория смягчения; митигация; принцип кооперации; категория вежливости; диалог; митигативные стратегии.

Ezeh A. O.

Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics,
MSLU; e-mail: fionezehonyeka@gmail.com

COMMUNICATIVE MITIGATION AS A FACTOR OF SPEECH OPTIMIZATION

The paper focuses on factors that create a necessary condition for successful communication by eliminating any possible conflict. The concept of communicative mitigation is examined in terms of H. P. Grice's cooperative principle in relation to politeness. The paper illustrates an array of terminology in different European languages that describe mitigation. A number of examples in the Russian language are given to illustrate methods that help to avoid communication mishap.

Key words: optimization-oriented approach; mitigation; cooperative principle; politeness; dialogue; mitigation strategies.

Проблема оптимизации речевого общения относится к числу наиболее актуальных и востребованных во все времена, однако особую актуальность и значимость она приобрела в наши дни в условиях увеличения объема передаваемой информации и совершенствования способов общения. Условия успешного речевого общения были сформулированы еще Аристотелем, который учил, что нужно говорить то, что важно, говорить правду и говорить ясно. Современные

исследователи, занимающиеся поисками путей устранения конфликтных ситуаций и избежания коммуникативных неудач, во многом руководствуются принципами, выдвинутыми мыслителем. Так, например, систему правил коммуникации с обоснованием основного принципа речевого общения разработал Г. П. Грайс [3]. По его мнению, основным принципом коммуникации является *кооперация*, когда общение развивается по модели согласия и соответствует соблюдению ряда конкретных постулатов (например: не отклоняйся от темы, будь краток, не говори того, что считаешь ложным и т. д.).

В качестве другого важного принципа, обеспечивающего достижение коммуникативной цели, выступает принцип *вежливости*, предложенный Дж. Личем на основе этических норм поведения, которые он называет максимами: такт, великодушие, одобрение, скромность, согласие, симпатия. Следует заметить, что предложенные максимы отнюдь не бесспорны и подвергаются критике со стороны ряда лингвистов. Так, А. Ю. Маслова указывает на их несовершенство и противоречивость: «Например, такт и великодушие побуждают к отказу от любезных предложений, тогда как максима согласия требует, чтобы предложение было принято. Особенность максим вежливости состоит в том, что не только их нарушение, но и их усердное соблюдение вызывает дискомфорт» [7, с. 102]. С этим трудно не согласиться, поскольку избыточная вежливость может привести к так называемому прагматическому парадоксу, когда каждый из коммуникантов, опасаясь обвинения в недостатке вежливости, выжидает, не предпринимая никаких действий (ср. классический пример с Чичиковым и Маниловым).

В российской лингвистике к числу наиболее известных ученых, занимающихся проблемой вежливости, относится Т. В. Ларина, дающая следующее определение этого понятия: «Вежливость является центральной коммуникативной категорией, выступающей регулятором поведения людей. Она представляет собой сложную систему коммуникативных стратегий, направленных на достижение гармоничного, бесконфликтного общения и соответствующих ожиданиям партнера. Эти стратегии и определяют выбор знаков вербальной и невербальной коммуникации» [6, с. 424]. Из приведенного определения следует, что автор трактует вежливость как многоаспектную зонтичную категорию, имеющую сложный состав и в той или иной степени регулиующую поведение коммуникантов в различных ситуациях общения.

В свете сказанного становится очевидным, что понятие коммуникации, и без того достаточно широкое, должно включать в себя, помимо передачи информации как своей основной функции, также создание области согласия, и быть необходимым условием контакта сознаний участников общения [8]. Сошлемся также на мнение А. В. Кравченко, считающего, что основная суть коммуникации «состоит в том, что ее участники создают консенсусную область взаимодействий, обеспечивающую возможность существования сообщества организма как единого целого. Вербальная же коммуникация – это связующий “раствор”, удерживающий это целое от распада» [5, с. 6].

Как известно, существуют различные виды коммуникации, одним из которых является межличностная коммуникация. Специфической чертой межличностных отношений является эмоциональная основа, поэтому их можно рассматривать как фактор, влияющий на создание психологического климата внутри социальной группы. Межличностная коммуникация может осуществляться в разных формах, основная из которых – диалог. Т. Г. Винокур отмечает, что «диалогическая речь – первичная, естественная форма языкового общения, генетически восходящая к устно-разговорной сфере, для которой характерен принцип экономии средств словесного выражения» [2, с. 135].

Объектом исследования в данной статье выступает такая форма коммуникации, как полилог, являющийся усложненной разновидностью диалога и представляющий собой развернутый диалог с числом участников более двух. Именно в диалогической речи принцип кооперации реализуется максимально полно с целью предотвращения коммуникативных неудач. Коммуникативную неудачу, вслед за О. Н. Ермаковой и Е. А. Земской, мы понимаем как «полное или частичное непонимание высказывания партнером по коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, а также возникающий в процессе общения непредусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [4, с. 31].

Поскольку коммуникативная неудача – это общение, цель которого не достигнута, интерес к изучению данной проблемы понятен, подтверждением чего является большое количество работ, посвященных изучению причин коммуникативных сбоев, их типологии и т. д., в том числе и в межкультурной коммуникации. Представляется, что поиски путей недопущения и устранения коммуникативных неудач

в межличностном общении можно считать одной из важнейших задач, стоящих сегодня перед учеными. В связи с этим на первый план выступают коммуникативные категории, с помощью которых обеспечивается кооперативное и консенсусное протекание общения. Одна из них – категория смягчения, в западном языкознании она называется митигацией (от лат. *mitigare* – смягчать, ослаблять).

Впервые данный термин был введен в прагматику американским ученым Б. Фрейзером, видевшим в митигации те языковые приемы, направленные на устранение возможных нежелательных эффектов, которые он назвал «unwelcome effects» [13, с. 344]. Имеются в виду нежелательные эффекты, которые возникают в общении в тех ситуациях, когда речевое поведение говорящего может разрушить коммуникативный процесс. Примерами подобных ситуаций является отказ в ответ на просьбу адресата, отказ в выполнении просьбы самого говорящего, вербализация позитивных и негативных оценок говорящего самому себе, а также ситуации критики адресата или объектов, с ним связанных.

Помимо Б. Фрейзера, изучением митигации занимается целый ряд лингвистов. Так, итальянка Клаудиа Каффи определяет митигацию как зонтичную категорию, включающую широкий набор стратегий, с помощью которых говорящий ослабляет или смягчает интеракционные аспекты (*interactional parameters*) своей речи для снижения потенциальных коммуникативных рисков [12]. Немецкий ученый Михаэль Лангнер видит в митигации речевую стратегию, ограничивающую нарушение «территории» собеседника, т. е. частный случай так называемой негативной вежливости [14].

Из российских ученых указанной проблемой занимается С. С. Тахтарова, определяющая митигацию как «коммуникативную категорию, основным содержанием которой являются стратегии интенционального смягчения, направленные на сохранение коммуникативного баланса в общении, тем самым на обеспечение эффективности речевого контакта» [9, с. 392]. С. С. Тахтарова разрабатывает понятие коммуникативного смягчения с опорой на основные положения теории речевых актов и теории речевой деятельности. Смягчение с точки зрения прагматики определяется как снижение интенсивности иллюкутивной силы высказывания, обусловленное определенными параметрами речевого контакта – как индивидуальными – психологически, связанными с личностными характеристиками собеседников, так

и социальными, т. е. теми нормами и правилами, которые регулируют речевое поведение коммуникантов, обеспечивая успешность и эффективность общения.

По мнению С. С. Тахтаровой, смягчение связано с коммуникативной гиперкатегорией вежливости в трактовке Т. В. Лариной, которая вводит в ее состав целый ряд более частных категорий: смягчение, толерантность, уважение, тактичность и др. Включение вышеназванных явлений в парадигму вежливости объясняется их направленностью на создание позитивной атмосферы, общностью тех прагматических целей, которые достигаются говорящими при обращении к тем или иным стратегиям вежливости.

При наличии значительного количества работ, посвященных коммуникативному смягчению, единства во мнениях ученым достичь не удалось, что отражается и в разнообразии терминов, используемых для обозначения рассматриваемого нами понятия. Например, новозеландский социолингвист Дж. Гольмс вводит термин «attenuation», израильский лингвист Ш. Блум-Кулка предпочитает слово «downgrading», в работах некоторых французских авторов (например, К. Кэрбрат-Оресчиони) приводится термин «adoucisement», наконец, немецкие лингвисты Р. Вайнгартен и Р. Майер-Херманн в своих работах называют данный феномен «Abschwächung» [15, p. 907].

Несмотря на терминологические расхождения, авторы всех названных выше работ характеризуются единством прагматической интерпретации феномена смягчения. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что термин «смягчение» (митигация) еще не нашел своего окончательного места в рамках лингвистической терминосистемы, поскольку его взаимоотношения со смежными понятиями изучены не до конца. Еще раз подчеркнем, что митигация связана с категорией толерантности и с принципом кооперации П. Грайса, которые направлены на обеспечение эффективности речевого контакта в ситуации эффективного общения. Митигация также связана, хотя и частично, с понятием лица – одним из основных, используемых при изучении категории вежливости. Она – как чувство собственного достоинства человека, тот общественный имидж, который каждый член общества хочет присвоить себе [11]. Соотношение митигации и вежливости – еще один вопрос, не до конца решенный учеными. В целом, в процессе общения в интересах всех участников соблюдать указанные принципы. При этом, как считают П. Браун и С. Левинсон,

некоторые речевые акты угрожают успешному межличностному общению и таким образом требуют смягчения [11, с. 24].

Обратимся к анализу конкретных коммуникативных ситуаций, участники которых в полилоге, как варианте диалога, прибегают к различным митигативным стратегиям, чтобы избежать конфликта.

Рассмотрим пример полилога, участниками которого являются члены одной семьи – майор Звягин, его жена и дочь. Въехав в новую квартиру, семейство Звягиных стало подвергаться нападкам со стороны одинокой пенсионерки, проживавшей этажом ниже. После того как ночью семья была разбужена стуком швабры с надетым на нее бидоном о потолок, состоялся следующий разговор:

Из своей комнаты высунулась дочка и, уразумев ситуацию, потребовала мести. Звягину испортить настроение было невозможно: он с каким-то даже одобрением высказался так:

– Bravo, первая валторна! Боевая старушка.

Жена, не встретив законного сочувствия, обиделась.

– Ты ей еще гантели купи. Для развития мышц.

– И кувалду, – развеселилась дочка.

Но почти двадцать лет армейской службы приучили Звягина уважать достойного противника.

– Нас трое здоровых, а она – одна и старая, – упрекнул он, смеясь резким лицом. – И – не боится, а! (*М. Веллер. Нить жизни*) [1, с. 11].

В данной ситуации глава семейства мог бы устроить соседке скандал, угрожать обращением в полицию, однако он поступает по-другому – смягчает негативный психологический настрой жены и дочери, подчеркивая преклонный возраст и боевой характер старушки, а также то, что она одна ведет «боевые действия» против троих.

В другом рассказе из сборника М. Веллера тот же герой, майор Звягин, гасит агрессию дочери, применяя тактику перевода серьезного разговора в юмористическую плоскость. Завязкой сюжета послужила прочитанная женой Звягина газетная статья о фашистском пособнике, избежавшем заслуженного наказания:

– А это тебе не интересно?! – и она, с характерными интонациями учительницы с двадцатилетним стажем, стала читать о благополучном пенсионерстве палача, пытавшего Вавилова.

– Я бы его убила! – с прямой звенящей юности отчеканила дочка, появившаяся в дверях.

– М-да? – зевнул Звягин. – И как же бы ты его убила!

– Расстреляла!

– Из чего? Из косметички? (*М. Веллер. Своя рука – владыка*) [1, с. 1].

В одном из романов Татьяны Устиновой описана любопытная ситуация, в которой принимают участие четыре человека: снятая с должности директора городского музея Анна Львовна, новый директор Боголюбов и два сотрудника музея – молодая девушка Нина и местный бизнесмен – меценат Дмитрий Саутин:

Она (Анна Львовна) протянула руку, как для поцелуя. Он (Боголюбов) аккуратно пожал ладонь и отпустил. Она слегка усмехнулась:

– Надеюсь, что под вашим руководством музей будет процветать по-прежнему.

– А он процветает? – не удержался Боголюбов.

– Да, – резко ответила девушка, так же мало похожая на музейного работника, как и Анна Львовна, – представьте себе!.. Если вам не придет в голову на самом деле им руководить, он продолжит процветать.

– Нина!..

– Анна Львовна, я не святая! Мне кажется, после всего, что произошло, навязываться к нам в компанию – неприлично.

– Ниночка, – то ли попросил, то ли приказал Дмитрий Саутин, помощник во всех музейных делах и радеть за все начинания. – Не спеши. Человек первый раз нас видит, еще подумает невесть что!..

– Мне все равно, пусть думает что хочет. Если он не понимает, я уйду.

– Нина – научный сотрудник и один из лучших экскурсоводов, – отрекомендовал Дмитрий.

– Извините ее, Андрей Ильич, – сказала Анна Львовна, которую, казалось, забавляла эта сцена. – Она всего лишь равнодушна. Равнодушным людям живется легче, правда? Мы все были несколько обескуражены вашим назначением и таким скорым... прибытием (*Т. Устинова. Чудны дела твои, Господи!*) [10, с. 23].

Прокомментируем приведенный выше полилог. Новый директор, успевший осмотреть музей, подвергает сомнению процветание данного «очага культуры», однако, чувствуя враждебность со стороны сотрудников Анны Львовны, выражает свои сомнения вопросом, содержащим несогласие с оценкой состояния музея. Резкая реплика Нины вновь обостряет ситуацию, смягчить которую одновременно пытаются Анна Львовна с помощью апеллирования-предостережения и Саутин, применяющий типичную митигативную стратегию, которую можно назвать примирительной. Интересно, что девушка не

в состоянии скрыть свое негативное отношение к Боголюбову и дерзит ему, нарушая при этом правила хорошего тона, т. е. не обращается непосредственно к новому директору, а использует местоимение третьего лица. Желая исправить негативное впечатление от невоспитанности девушки, сразу два участника полилога – Саутин и Анна Львовна – дают ей положительную характеристику и объясняют ее грубое поведение равнодушием к делам музея. При этом всеобщее недоумение и раздражение, вызванное приездом Боголюбова, Анна Львовна несколько эвфемистично обозначает словами «обескуражены... скорым прибытием».

Итак, проанализировав приведенные выше примеры, мы пришли к выводу, что наиболее перспективным при изучении категории смягчения является рассмотрение стратегий и тактик, используемых для снятия напряженности и предотвращения возможных конфликтных ситуаций. В данной статье использованы фрагменты художественных текстов, содержащие полилог. Очевидно, в подавляющем большинстве случаев смягчение не просто возможно, но желательно или даже необходимо. Однако существуют жанры, в которых митигация недопустима – это тексты, представляющие военный дискурс с его директивностью. Действительно, трудно представить себе команду, содержащую элементы коммуникативного смягчения (например: **Рота, пора вставать!* вместо *Рота, подъем!* или **Повернитесь и идите к себе!* вместо *Кругом! Шагом марш!* и т. д.).

Вместе с тем, в случае выражения несогласия или отказа в просьбе, в диалогах часто прибегают к смягчению, чтобы не вызывать ответной негативной реакции (например: *Не могу полностью согласиться с Вами; Думаю, Вы не совсем правы; Зайдите через пару дней; Я подумаю; Сегодня, к сожалению, я очень занят* и т. д.).

Таким образом, коммуникативное смягчение является необходимым и очень важным компонентом межличностной коммуникации, способствующим оптимизации речевого общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веллер М. В. Приключения майора Звягина. – М. : Астрель, 2011. – 334 с.
2. Винокур Т. Г. Диалогическая речь // ЛЭС. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

3. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
4. *Ермакова О.Н., Земская Е.А.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 30–64.
5. *Кравченко А.В.* Что такое коммуникация? (очерк биокогнитивной философии языка) // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: Колледж, 2003. – С. 3–13.
6. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английской и русской лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
7. *Маслова А.Ю.* Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 152 с.
8. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. – 656 с.
9. *Тихтарова С.С.* Коммуникативное смягчение в межличностном дискурсе // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. – М.: Индрик, 2010 – С. 390–399.
10. *Устинова Т.В.* Чудны дела твои, Господи! – М.: Эксмо, 2015. – 320 с.
11. *Brown P., Levinson S. C.* Politeness. Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
12. *Caffi C.* Mitigation. – Amsterdam: Elsevier, 2007. – 342 p.
13. *Fraser B.* Conversational mitigation // Journal of Pragmatics. – № 4 (4). – North-Holland, 1980. – P. 341–350.
14. *Langner M.* Zur kommunikativen Funktion von Abschwächungen: Pragmatische und soziolinguistische Untersuchungen. – Münster: Nodus, 1994. – 368 S.
15. *Thaler V.* Mitigation as modification of illocutionary force // Journal of Pragmatics 44. – North-Holland. – 2012. – P. 907–919.

УДК 81.23

А. И. Хлопова

соискатель кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: chloпова_anna@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «РАБОТНИК»

В статье рассматриваются способы установления психологически реального значения слова «работник» – ассоциативный эксперимент и эксперимент на шкалирование. Результаты первого сравниваются с данными Русского ассоциативного словаря для выявления характера лексического значения слова; на основе характеристики ассоциативных полей определяется динамика лексического значения.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; эксперимент на шкалирование; стимул; реакция; базовые ценности; ассоциативное поле; анкета; экспрессивность; эмоциональность; оценочность; компонентный анализ; ядро; периферия.

Khloпова A. I.

Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: chloпова_anna@mail.ru

EXPERIMENTAL ANALYSIS OF THE LEXICAL MEANING OF THE UNIT *WORKMAN*

The article highlights experimental ways of revealing the lexical meaning of the unit 'workman', namely experiments conducted by means of association and scaling. The results of a free associative experiment are compared with the data borrowed from the Russian associative dictionary.

Key words: associative experiment; scaling experiment; stimulus; reaction; basic values; associative field; questionnaire; expressivity; emotionality; evaluation; component analysis; nucleus; periphery.

А. А. Леонтьев [7] обосновал использование ассоциативного эксперимента как эффективного метода изучения ассоциативного поля слова и его лексического значения. Подобный эксперимент позволяет верифицировать предположения о структуре и содержании лексического значения, выдвинутые на основании дефиниционного анализа, регистрирует разнообразные вербальные и невербальные ассоциативные связи слова. По мнению А. А. Залевской, ассоциативное поле как интерпретативный конструкт интегрирует все описанные в научной литературе виды полей и отражает внутренние и внешние связи и отношения слова как единицы языка [5].

Результаты ассоциативного эксперимента позволяют значительно уточнить психологически реальное для определенных групп социума содержание, стоящее за словом. Кроме того, ассоциативный эксперимент проявляет, обнаруживает пути изменения структуры значения слова и может служить методом прогнозирования тенденций эволюции лексического значения.

По мнению А. А. Залевской, при помощи ассоциативного эксперимента можно моделировать и системность образа мира, выявлять ядро языкового сознания, исследуя характер и способы его представленности (фиксации) в ассоциативно-вербальной сети [5].

Прагматически важно и то, что любое исследование с участием ассоциативного эксперимента поставляет материал для ассоциативных словарей, во-первых, позволяющих более полно представить содержание той или иной лексемы, во-вторых, помогающих выявить универсальные и этнические закономерности ассоциативных норм, присущих лексическому ассоциированию носителей различных лингвокультур. Ассоциативные нормы – это и объективный экстралингвистический фактор текстообразования. При порождении и восприятии текста они выполняют роль связующего звена, обеспечивающего контакт и взаимопонимание автора и адресата. Кроме того, ассоциативный эксперимент помогает, пусть и опосредованно, определить состав и иерархию базовых ценностей различных этносов.

Целью настоящей статьи является установление психологически актуальной семантической структуры лексемы *работник* и характера ее изменения за последние 30 лет, что предполагает последовательную реализацию следующих исследовательских шагов:

- провести компонентный анализ исследуемого слова;
- сравнить результаты компонентного и дефиниционного анализа;
- провести свободный ассоциативный эксперимент и смоделировать структуру ассоциативного поля понятия «работник»;
- проанализировать характер семантических изменений, произошедших в содержании понятия «работник» у носителей русского языка за последние 30 лет, сопоставив данные Русского ассоциативного словаря и полученные нами экспериментальные данные;
- сравнить полученные данные с результатами эксперимента на шкалирование.

В соответствии с представленным алгоритмом анализа прослеживается изменение значения слова *работник* в толковых словарях русского языка разных лет.

В содержательной структуре лексемы *работник* можно выделить следующие компоненты: *трудящийся, профессионально занятый, рабочий, выполняющий полезную работу, действие, служащий руководством, живущий своим трудом* [11].

Существительное *трудящийся* определяется следующим образом:

1. Прич. действ. наст. вр. от трудиться. 2. То же, что трудовой в 3 знач. *Трудящееся население. Трудящиеся женщины Востока.* 3. То же в знач. сущ. трудящийся, трудящегося, м., трудящаяся, трудящейся, ж. *вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся. Конституция СССР. ...В нашей стране рабочий класс и вся масса трудящихся идет вперед под высоко поднятым победоносным знаменем партии Ленина-Сталина. Молотов.*

Профессия – это трудовая деятельность как источник существования [11].

В слове *занятие* выделяется несколько значений, из которых существенным является третье: *труд, работа, дело, ремесло.*

В качестве доминантного семантического признака слова *рабочий* выделяется *человек, профессионально занимающийся физическим трудом.* Таким образом, интегративный семантический признак, объединяющий семы слова *работник* в единую семантическую структуру, – *труд* [там же].

В содержательной структуре лексемы *работник* выделяются семантические компоненты: *результат, занятия, заботы, умственный труд, физический труд, деятельность, целесообразность, осуществление, исполнение, профессионализм, работа, дело, ремесло, деятельность, источник существования.*

Умственный и физический труд объединены признаком *труд*, а *исполнение, профессионализм, осуществление, исполнение, результат* – признаком *положительная оценка работника. Результат* также связан с *источником существования*, так как результатом рабочей деятельности является получение *заработной платы.* В Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова слово *ремесло* трактуется как:

ремесло – требующая специальных навыков работа по изготовлению каких-н. изделий ручным, кустарным способом.

Таким образом, *ремесло* является *физическим трудом, видом работы*. Можно выделить дополнительный компонент лексемы *работник* – **навык** [11].

Чтобы доказать релевантность выделенных компонентов исследуемой лексемы, приведем дефиниции, представленные в Толковом словаре С. И. Ожегова, где слово *работник* объясняется следующим образом [9]:

работник 1. человек, который работает, трудится. *Отличный р. Дед болеет, он уже не р. 2.* человек, работающий в какой-н. сфере трудовой деятельности. *Научный р. Р. народного образования. Р. кооперации. Р. учреждения.*

Так, в содержании лексемы *работник* можно выделить сему *сфера деятельности*:

3. Рабочий у частного нанимателя (устар.). Наняться в работники. Хозяин и р. || ж. работница, -ы (к 1 и 3 знач.). || прил. работничий. -ья, -ье (к 3 знач.) и работницкий, -ая, -ое (к 3 знач.).

Необходимо отметить, что первым значением в обоих словарях, изданных в первой половине XX в., является *человек, который работает, трудится*. В этом значении слово имеет положительную коннотацию: *отличный работник*. В словаре Д. Н. Ушакова оно связывается с высоким стилем: в качестве примера приведена строка из международного пролетарского гимна «Интернационала»: *работники всемирной великой армии труда. Работник* противопоставляется больному человеку: *Дед болеет, он уже не работник* [9], *Какой он работник без руки?* [11].

Вторым значением в обоих словарях является *работающий в какой-то профессиональной сфере*. В этом смысле слово также имеет положительную коннотацию, что следует из примеров: *ценный, полезный работник; ответственный работник*. В изученных словарных статьях присутствует словосочетание *научный работник*. В исследуемых словарях во многих примерах есть указание на сферу деятельности работника и место работы: *Р. народного образования. Р. кооперации. Р. учреждения. Р. промышленности и транспорта. Работники связи*. В словаре С. И. Ожегова отсутствует значение *рабочий* в значении *рабочий класс*. Это говорит о том, что в 50-х гг. XX в. слово в силу общественно-исторических условий (послевоенное время, смерть Сталина, период «оттепели») становится менее

актуальным, чем в 40-х гг. *Рабочий класс – это социальный класс наемных работников, не владеющих средствами производства и живущих продажей своей рабочей силы. В индустриальном обществе он составляет большинство населения* [3]. В Толковом словаре языка Совдепии словосочетание *рабочий класс* определяется как *рабочие, пролетариат* [8]. Однако в 40–50-е гг. XX в. в наиболее развитых странах наступает эпоха научно-технической революции, в результате которой происходит трансформация индустриального общества в постиндустриальное. Меняется структура трудовых ресурсов: уменьшается доля физического и растет доля умственного высококвалифицированного и творческого труда. Вследствие данных перемен формируется новое отношение к понятию *рабочий класс* как к передовой социальной группе. Такое значение постепенно выходит из употребления, как и *рабочие массы, совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, рабочий факультет*, пополняя пласт историзмов. Значение теряет свою актуальность, и оно уже не отмечено в словаре под редакцией С. И. Ожегова.

В словаре Д. Н. Ушакова слово *рабочий* связан с полезной деятельностью человека:

рабочая пчела (в отличие от матки и трутней). Р. муравей (в отличие от самца, самки, воина) [11].

Здесь же дано определение слова *рабочий*, относящееся к технике: *Рабочее давление пара. Рабочие части машины. Р. ход поршня*, а также значение *служащий непосредственным руководством для проведения работы: Р. чертеж. Р. проект. Р. план.*, которое не отмечено в словаре С. И. Ожегова. В словаре С. И. Ожегова появляется значение *рабочий у частного нанимателя* с пометой «устаревшее» [9].

Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка Т. Ф. Ефремовой дает следующие определения понятия *работник*:

1. Тот, кто работает, трудится; трудящийся.
2. Тот, кто профессионально занят в какой-л. области трудовой деятельности.
3. *устар.* Тот, кто работает по найму [4].

По сути значения не изменяются, а частотность слова остается прежней: первым вновь становится значение *тот, кто работает, трудится*, вторым – *кто профессионально занят в какой-л. области*. Значение *работник по найму*, как и в словаре 1949 г., указано как устаревшее.

Проведенный анализ словарных дефиниций позволяет заключить, что значение слова *работник* изменилось. Оно сохраняет положительную коннотацию, но уже не употребляется в высоком стиле, что было характерно для 40-х гг. XX в.

В соответствии с толковыми словарями русского языка ядерными компонентами слова *работник* являются следующие: *тот, кто работает, трудится; тот, кто профессионально занят в какой-то области; тот, кто работает по найму.*

В Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова [1] выделены следующие синонимы слова *работник*: *наймит, рабочий, наемник, поденщик, батрак, бурлак, труженник.* Сопоставление значений лексем, принадлежащих данному синонимическому ряду, дает возможность выявить дополнительные компоненты содержательной структуры лексемы *работник*. С ядерными значениями совпадают синонимы *наймит*, или *наемник*, т. е. *наемный работник, тот, кто работает по найму.*

Обратимся к компонентному анализу слова *работник*. Как полагает Ю. Д. Апресян, для теории и практики компонентного анализа характерно признание иерархической организации значения на основе его дифференциальных признаков, имеющее общие черты с представлением о том, что всякое лексическое значение обладает определенной синтаксической структурой [2, с. 9]. По мнению Ю. Д. Апресяна, каждое слово в каждом из своих значений получает синтаксическую характеристику, ему приписываются элементарные семантические признаки и оно снабжается указанием на то, каких семантических признаков требуется от сочетающихся с ним слов (*работник* – существительное, исчисляемое, одушевленное, конкретное; мужского пола, взрослый, тот, кто имеет работу).

На основе синонимических и толковых словарей можно сделать вывод о том, что наиболее актуальными ядерными компонентами являются *работа, труд, профессионализм, занятие, наем.* В дефинициях каждого слова выделим главные семы:

- работа** – 1. процесс превращения одного вида энергии в другой; 2. занятие, труд, деятельность; 3. служба, занятие как источник заработка; 4. создание, обработка; 5. продукт труда, готовое изделие;
- труд** – 1. целесообразная деятельность человека; 2. работа, занятие; 3. усилие, направленное к достижению чего-н.; 4. результат деятельности, работы, произведение; 5. предмет школьного преподавания;

профессионализм – 1. Хорошее владение своей профессией; 2. в языкознании: слово или выражение, свойственное профессиональной речи и употребляемое в общелитературном языке;

занятие – 1. дело, труд, работа; 2. учебные часы;

наем – работа, временное пользование за плату.

Рассмотрим соотношение интегральных и дифференциальных сем анализируемых слов (см. табл. 1).

Ядерными семантическими компонентами слова *работник* являются *труд, деятельность, работа*.

Таблица 1

Семы, выделенные в лексическом значении слов, соответствующих ядерным значениям слова *работник*

	Работа	Труд	Профессионализм	Занятие	Наем
Превращение	+	-	-	-	-
Занятие	+	+	-	+	-
Труд	+	+	-	+	+
Деятельность	+	+	-	+	+
Служба	+	-	-	-	-
Заработок	+	-	-	-	+
Создание	+	+/-	-	-	-
Обработка	+	-	-	-	-
Продукт	+	+	-	-	-
Работа	+	+	-	+	+
Достижение	-	+	+	-	-
Результат	-	+	+	-	-
Произведение	+	+	-	-	-
Школа	-	+	-	+	-
Профессия	+	-	+	-	-
Дело	+	-	-	+	-

Сравним ядерные компоненты, выделенные при помощи дефиниционного анализа на основе толковых словарей и словаря синонимов, с архисемами, полученными в результате компонентного анализа. Совпадают и будут ядерными компоненты *труд* и *работа*.

В нашем исследовании, посвященном изучению специфики содержания и структуры концепта работник, мы использовали свободный ассоциативный эксперимент, который проводился с испытуемыми в индивидуальном порядке и коллективно. Экспериментальный материал предьявлялся им в виде печатной анкеты или в электронном варианте. В инструкции, которая предьявляла перечень стимулов в каждой анкете, указывалось, что испытуемые должны реагировать на предьявляемый стимул первым любым пришедшим на ум словом. Для определения сбалансированности выборки по возрастному, социальному и гендерному параметрам им также предлагалось указать свой возраст, пол, образование и социальное происхождение.

При предьявлении анкеты в печатном варианте осуществлялся контроль времени выполнения задания (1 мин 30 с на заполнение одной анкеты). Если анкета предлагалась в электронном варианте, испытуемых просили реагировать сразу же, не обдумывая варианты ответа.

В нашем пилотном эксперименте приняли участие 530 носителей русского языка, возраст которых варьировался от 17 до 23 лет (студенты МГЛУ, студенты МГПУ). Мы выбрали этот возраст испытуемых, так как, по мнению Ю. Н. Караулова, к этому периоду завершается становление «языковой личности», «в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента» [6, с. 230]. Ю. Н. Караулов полагает, что «относительная стабильность языковой способности носителей языка (в частности словарный запас, ценностные и прагматические установки, формально-комбинаторные возможности) может служить основой для характеристики массового сознания в российском обществе на ближайшие 20–30 лет, т. е. на период, когда нынешние испытуемые будут составлять активное ядро общества» [там же, с. 231]. В то же время эта группа испытуемых характеризуется приблизительно одинаковыми интересами; чаще всего это – студенты вузов, которые или проживают с родителями, или зависят от них материально и не имеют постоянной работы. Поэтому можно предположить, что базовые ценности этой группы также могут быть сопоставимы.

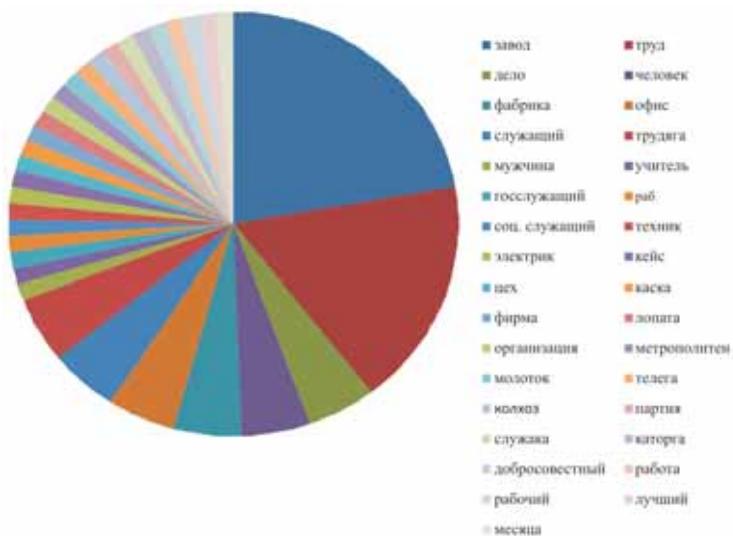

Рис. 1. Ассоциативно-вербальная сеть слова *работник* (результаты нашего АЭ)

Из полученных ассоциатов методом случайной выборки мы отобрали 87 реакций на слово *работник*, что соответствует числу, представленному в Русском ассоциативном словаре. Результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента по установлению ассоциативно-вербальной сети отражены в диаграмме (см. рис. 1):

- *понятия*: труд (14), дело, служащий, человек (4), мужчина, учитель, госслужащий, соцслужащий, техник, электрик (1); всего – 33;
- *представления*: завод (18), фабрика, офис (4), цех, кейс, каска, фирма, лопата, организация, метрополитен, молоток, телега, колхоз, партия; всего – 37;
- *эмоционально-оценочные ассоциации*: трудяга (4), служака, каторга, добросовестный (1); всего – 7;
- *деривационные реакции*: работа, рабочий (1); всего – 2;
- *формально-грамматические реакции*: лучший (1); всего – 1;
- *культурологические реакции*: месяца (1); всего – 1.

Вербальные понятийные реакции представляют или понятие *работа*, или виды профессий. Это обусловлено тем, что, как правило, респонденты конкретизируют слово *работник*. Для них работник – представитель какой-то определенной профессии. Реакция, соответствующая

понятийному содержанию служащий, сходна по содержанию со словом *работник*. Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, служащий – это:

работник, занятый интеллектуальным, нефизическим трудом в разных сферах деятельности: государственной, административной, хозяйственной и др. Правительственные служащие. С. министерства, банка, фирмы. С. Правительственные служащие. С. министерства, банка, фирмы. С. санатория, больницы, гостиницы. Служащие завода, фабрики (работники управления, инженерно-технического состава). Рабочие и служащие (при советской власти: сословное противопоставление). || ж. служащая, -ей, т. е. служащий – определенный вид работников [9].

Большинство представлений связано с местом работы или орудием работы (*завод, фабрика, офис, цех, фирма, организация, метрополитен, колхоз, партия, лопата, молоток*), причем представлений, связанных с местом работы, гораздо больше, чем тех, которые связаны с орудием работы. Это объясняется тем, что базовые понятия концептуализации закономерно репрезентируются, по мере того как актуализируется общее представление о работе и профессиональной деятельности. Для исследуемой группы молодых людей *работа* – это место, где зарабатывают деньги. Представление *кейс* имеет непосредственное отношение к слову *работник* – офисный служащий в костюме, с кейсом или чемоданчиком. *Каска* является также профессиональным атрибутом, предметом одежды работника, например, на стройке.

Эмоционально-оценочными реакциями являются *трудяга*, *служака*, *каторга*. Согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, **трудяга**, -и, м. и ж. (*прост.*) – очень трудолюбивый, старательный человек, **работяга** (в 1 знач.) – является просторечным. Сейчас коннотация слова изменилась: так насмешливо называют людей, которым только кажется, что они много работают. Слово **служака** (согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова: **служака**, -и, м. (*устар. разг.*) – опытный и усердный служащий (обычно о военных) – является разговорным и в обыденной речи показывает, скорее, пренебрежительное отношение к работнику. *Служака* – честно служащий человек, выполняющий приказы бездумно. Оба слова имеют негативное эмоционально-оценочное значение, со временем их коннотация меняется из положительной в отрицательную, поэтому меняется

и содержательная структура слова. *Трудяга*, с одной стороны, – положительная оценка человека, который много работает, хотя и не всегда эффективно. С другой стороны, *трудяга* – низкооплачиваемый работник, занимающийся черной работой. Эмоционально-оценочная реакция *каторга*, показывает негативное отношение респондента к *работе*.

Формально-грамматические реакции на слово *работник* положительные. Номинация *работник месяца* является калькой с английского языка. Само понятие *лучший работник месяца* распространено в США: во многих фирмах выбирают лучшего работника месяца, который получает в результате определенные привилегии. Несмотря на то что это понятие популярно для западной культуры, оно уже давно существует и в нашей культуре. К появлению таких реалий приводит изменение ценностей, заимствование видов деятельности и отношения к ним. Это связано также с тем, что некоторые профессии утрачивают популярность. Сегодня в моде те из них, которые соответствуют западному образцу. Опираясь на реакции, полученные в ходе эксперимента, можно выделить наиболее частотные ассоциаты, что в свою очередь является основанием для определения ядра значения слова «работник» (см. рис. 2).

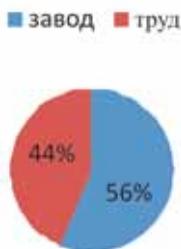

Рис. 2. Наиболее частотные реакции испытуемых на слово *работник* (данные РАС)

Частотная реакция *завод* дана респондентами по смыслу. *Завод* представляет собой место работы *работника*. Представленная реакция характеризует один из основных смыслов, вкладываемых обыденным сознанием индивидов в понятие *работник*.

Для моделирования ассоциативного поля слова *работник* обратимся к Русскому ассоциативному словарю [10], к реакциям той же возрастной группы и классифицируем полученные результаты (всего 87) в соответствии с избранной моделью значения:

- *понятия*: труд (3), бездельник, служащий, инженер, колхозник, крестьянин, плотник, раб, слесарь, человек (1); всего – 12;
- *представления*: водитель, завод, двор, КГБ, МОССОБЛТРАНС, ОБХС, ОБХСС, отделение, молоток, политбюро, передовик, пищпром, рабочая форма, рукавицы, шпаклевание (1); всего – 14;
- *эмоционально-оценочные ассоциации*: хороший (7), плохой (5), ответственный (2), добрый (2), тудяга (2), добросовестный, ленивый, никудышный, отменный, честный, ценный, лоботряс, чувство (1); всего – 29;
- *формально-грамматические реакции*: завода (2), магазина (2), умственного труда (2), учреждения (2), фабрики (2), аппарата, базы, без дела, культуры, мануфактуры, милиции, новый, по дому, посольства, сельского хозяйства, сладкий, сферы, сферы услуг, торговли, треста (1); всего – 25;
- *культурологические реакции*: Балда (3), поп, топора, Селифан (1); всего – 5.

Результаты полученных ассоциатов отображены на рисунке 3.

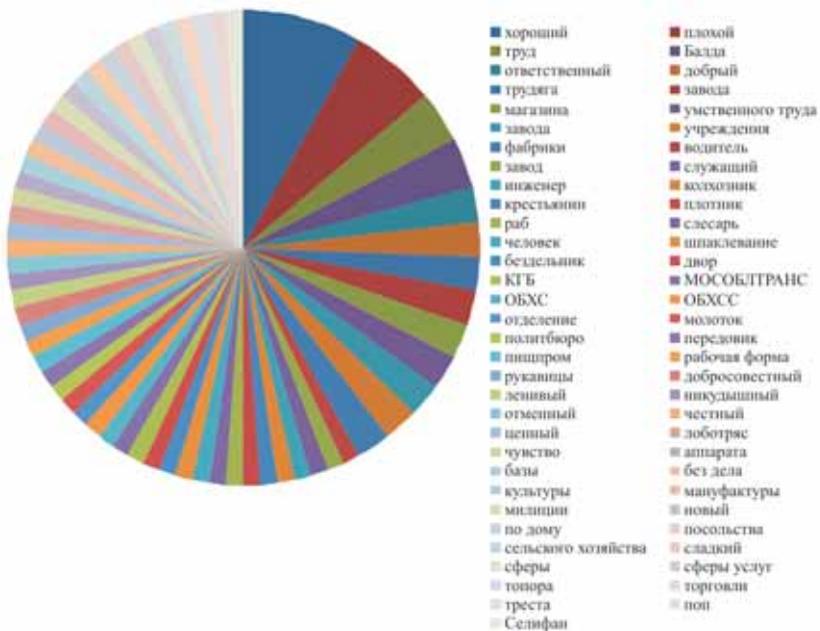

Рис. 3. Ассоциативно-вербальная сеть слова «работник» (данные РАС)

Вербальные понятийные реакции, представленные в РАС, как и полученные в ходе нашего эксперимента, представляют или понятие *работа*, или виды профессий. Реакция *раб* присутствует и в РАС, и среди опрошенной нами группы молодых людей, она связана с этимологией слова *работа*, которая понималась как *нужда, рабство, неволя* [12].

Представления, полученные как в нашем эксперименте, так и выявленные в РАС, связаны с местом или орудием работы (*двор, КГБ, МОССОБЛТРАНС, ОБХС, ОБХСС, отделение, молоток, политбюро, пищпром* (1)). Следует обратить внимание, что большинство реакций являются аббревиатурами. *КГБ* – Комитет государственной безопасности при совете Министров СССР, *МОССОБЛТРАНС* – пассажирский транспорт Московской области, *ОБХСС* – Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности; *политбюро* – Политическое бюро ЦК КПС (руководящий партийный орган, утвержден в мае 1917г.); *пищпром* – пищевая промышленность. Понятие *передовик* толкуется в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова как *человек, который идет впереди других в работе, показывает пример сознательного отношения к труду* [9], т. е. *передовик* – яркий представитель *работника*. Согласно определению в Толковом словаре языка Совдепии *передовик* – *тот, кто опережает других в работе, добивается наилучших достижений (передовик социалистического соревнования, передовик производства, передовик коммунистического труда)* [8]. Реакции *КГБ, ОБХСС, политбюро, передовик* связаны с социалистическим прошлым нашей родины и представлены в Толковом словаре языка Совдепии [8]. Они представляют систему устойчивых смыслов для респондентов периода составления РАС. Эти реакции особенно отличаются от полученных в ходе нашего эксперимента, что говорит о том, что восприятие респондентами слова *работник* сильно изменилось.

В отличие от данных нашего эксперимента, которые представлены ниже, в РАС отсутствуют предметные реакции.

Наибольший процент реакций, представленных в РАС, – эмоционально-оценочные (33%). Прилагательные характеризуют работника положительно (*хороший* (7), *добрый* (2), *ответственный* (2), *добросовестный, отменный, честный, ценный* (1)). Некоторые респонденты дают и негативную оценку работника (*плохой* (5), *ленивый, никудышный* (1)), но стоит отметить, что таких прилагательных значительно

меньше (52% и 24% соответственно). Эмоционально-оценочная реакция *трудога*, которая является разговорной, присутствует как в РАС, так и в реакциях респондентов. Среди реакций представлен просторечный антоним слова *работник* – *лоботряс*. Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова:

лоботряс, -а, м. (прост.). бездельник, лентяй. || ж. лоботряска, -и [9].

Реакция *добросовестный* отмечена как в РАС, так и в нашем эксперименте. Это свидетельствует о том, что она является актуальной как для молодых людей 1980–1990-х гг., так и для современной молодежи. Можно отметить, что в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова в словарной статье на слово *добросовестный* в примерах приводится понятие *работник*. Это указывает на неразрывную связь обоих понятий:

добросовестный, -ая, -ое; -тен, -тна. Честно выполняющий свои обязательства, обязанности. Д. работник. Добросовестно (нареч.) трудиться. || суц добросовестность, -и, ж [9].

Деривационные реакции в РАС отсутствуют.

25 из 87 реакций, данных на слово-стимул, являются формально-грамматическими, причем это в основном существительные, указывающие на сферу деятельности работника (*умственного труда* (2), *культуры, по дому, сельского хозяйства, сферы, сферы услуг, торговли, треста, аппарата* (1)) или на место работы (*завода* (2), *магазина* (2), *учреждения* (2), *фабрики* (2), *базы, мануфактуры, милиции, посольства* (1)). Реакция *без дела* указывает на то, что после работы следует отдохнуть, и что иногда они могут быть без определенного дела.

Сравнение данных РАС с формально-грамматическими реакциями, полученными в нашем эксперименте, показывает, что данные не совпадают: в РАС отсутствует реакция *лучший*, которую указали респонденты в нашем эксперименте. Эксперимент показывает, что частотность использования анализируемой лексемы у исследуемой группы современных молодых людей резко снижается: в РАС представлено 25 формально-грамматических реакций, в нашем эксперименте – одна. Молодые люди актуализируют понятийное содержание слов *работа* и *работник*, но редко ассоциируют его с иными реалиями.

Культурологические реакции, данные на слово *работник*, отражают знакомство испытуемых с героями литературных произведений: *Балда* (2), *поп*, *Селифан* (1). *Балда* и *поп* являются героями сказки

А. С. Пушкина «О попе и его работнике Балде», в которой *Балда* олицетворяет истинного *работника*. *Селифан* – герой поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (кучер Чичикова, смиренный крестьянин, готовый выполнять все приказы хозяина). В реакции *Селифан* реализуется сема *слуга*. Она обращает к этимологии слова *работник* [12]. Работник в своем изначальном значении означал *раба*.

Следует выделить реакцию *топора*. *Работники ножа и топора* – разбойники, известные по песне из мультфильма «Бременские музыканты»:

Зато не платят королю налоги / Работники ножа и топора / Романтики с большой дороги (авт. текста песни – Ю. Энтин, комп. – Г. Gladков).

В РАС нет реакции *месяца*, представленной в нашем эксперименте (одна реакция), которая появилась в русском языке относительно недавно, с началом американизации российского общества. Под американизацией мы понимаем процесс постепенного изменения общественных отношений и культуры в сторону норм и образцов, принятых в США.

Опираясь на реакции, представленные в РАС, можно выделить наиболее частотные ассоциаты, входящие в ядро значения слова *работник* (см. рис. 4).

■ хороший ■ плохой ■ труд ■ Балда

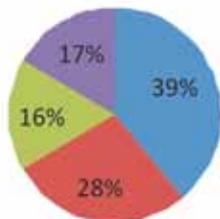

Рис. 4. Частотные реакции испытуемых на слово «работник» (данные РАС)

Наиболее частотные реакции *хороший* и *плохой* связаны с понятием *работник* по смыслу. Они отображают доминантные культурные смыслы, представленные и в понятии *работник*. Реакция *Балда*, рассматриваемая нами как культурологическая, может быть интерпретирована ассоциативной связью с пушкинским «работником Балдой»,

на что указывает и заглавная буква имени (представлена во всех реакциях). Таким образом, она, скорее, связана не с реализацией (компонента) базовой ценности, а, по сути, является «пустой», автоматическим воспроизведением хранящегося в памяти словосочетания.

Сравнивая ядерные компоненты значения, представленные ассоциатами в РАС и данные респондентами в нашем эксперименте, можно сделать вывод, что совпадает лишь одно ядерное значение – *труд*. Основываясь на реакциях, представленных в РАС, можно сказать, что для испытуемых в 1980–1990-е гг. XX в. годы важной являлась характеристика работника: *хороший / плохой*. Реакция *труд*, актуальная в 1980–1990-е гг., значима и для современных испытуемых, следовательно, доминантный компонент сохранился. Однако изменился социально одобряемый стереотип отношения к труду. Сегодня не имеет значения, какую характеристику имеет *работник*, важным является *место работы* и *результат*.

Поскольку очевидно изменение содержания коннотативного компонента значения, обратимся к эксперименту на шкалирование, уточняющему эмоционально-экспрессивное содержание слова.

Эксперимент проводился с испытуемыми в индивидуальном порядке и коллективно. Экспериментальный материал предъявлялся в виде печатной анкеты или в электронном варианте той же группе испытуемых. Так же, как и в ассоциативном эксперименте осуществлялся контроль времени выполнения задания.

В инструкции, которая предвляла перечень стимулов в каждой анкете, указывалось, что испытуемые должны оценить по шкале от 1 (*плохо*) до 5 (*хорошо*) экспрессивность, эмоциональность, оценочность слова *работник*.

В ходе эксперимента были получены следующие данные, представленные в таблице 2.

Испытуемые считают слово *работник* неэкспрессивным (1,9) и неэмоциональным (2,16). Однако, оценивая слово, они показывают свое положительное отношение (3,7). Для юношей слово *работник* имеет более низкую степень экспрессивности и эмоциональности, чем для девушек (1,65 – 2,12 и 2,1 – 2,2 соответственно). Оценка слова *работник* девушками гораздо выше оценки юношей (4,16 – 3,3), что подтверждают данные ассоциативного эксперимента. Юноши относятся к слову *работник* нейтрально.

Самую высокую оценку слова *работа* дали девушки из семей служащих (4,5), однако слово для них неэкспрессивно и неэмоционально (2,3; 2,5), что подтверждают полученные нами данные ассоциативного эксперимента.

Таблица 2

Результаты эксперимента на шкалирование

	юноши					девушки					
	Служащие	Военные	Рабочие	Предприниматели	Общее	Служащие	Военные	Рабочие	Предприниматели	Интеллигенция	Общее
Экспрессивность	1,7	2,7	1,2	1	1,65	2,3	1,9	3	1	2,4	2,12
Эмоциональность	2,7	1,6	1,15	3	2,1	2,5	2,5	3	1	2,1	2,22
Оценочность	4,1	3,9	2,15	3	3,3	4,5	3,9	5	4	3,4	4,16

Ассоциативный эксперимент и эксперимент на шкалирование являются эффективными инструментами исследования структурно-содержательной организации семантической структуры слова, так как с их помощью можно моделировать особенности образа мира человека и этноса.

Сопоставляя результаты компонентного анализа и наших экспериментов, а также данные РАС, можно сделать вывод о том, что для исследованной группы носителей современного русского языка *работник* – это человек, который может работать по найму и выполнять ручную работу (например, работать на заводе) или заниматься умственным трудом. Его работа нацелена на результат. Для работника характерны такие качества, как профессионализм и навык, он исполнитель. Работник занимается тяжким трудом. Работа служит для него, с одной стороны, источником существования, с другой стороны, работник не обязательно будет получать заработную плату. Несмотря на то, что ассоциации «хороший» и «плохой» дают характеристику работнику, для современной молодежи понятие *работник* нейтрально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?p=237>.
2. *Апресян Ю. Д.* Синонимические средства языка, Избранные труды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(275\)1.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(275)1.pdf)
3. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>.
4. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslivarej.com/efr_a.
5. *Залевская А. А.* Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования: теоретическое и экспериментальное исследование. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 278 с.
6. *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М. : Наука, 1981. – 367 с.
7. *Леонтьев А. А.* Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М. : Наука, 1971. – 216 с.
8. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка совдепии. – СПб. : Фолио-пресс, 1998. – 704 с.
9. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>.
10. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>.
11. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>.
12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vasmer.narod.ru/>.

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ. Выпуск 6 (745)

ЯЗЫК И КОММУНИКАЦИЯ

Языкознание

Редактор *Н. М. Тимакова*, *Е. М. Евдокимова*

Компьютерная верстка *Г. П. Лопатиной*

Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 27.05.2016 г.

Усл. печ. л. 13,75. Формат 60х90/16

Заказ № 1389

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38

Тел.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru